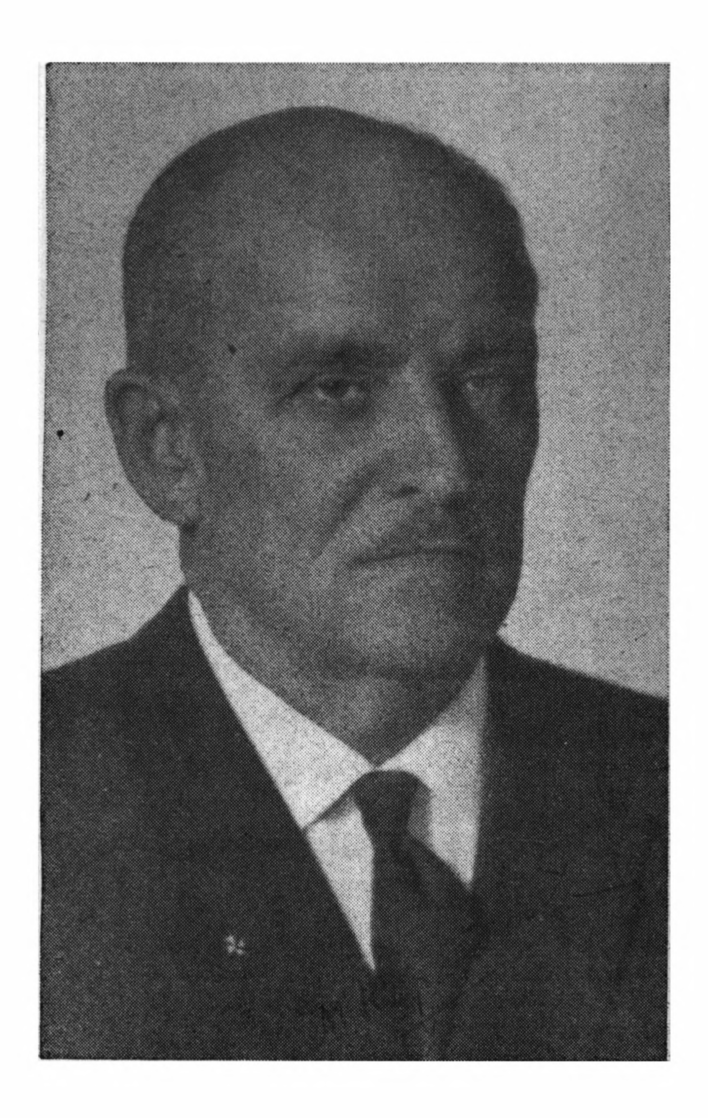
М. КАРАТЕЕВ



Из нашего прошлого.



M. KARATEEFF

DE NUESTRO PASADO

ESBOZOS HISTORICOS

(EPOCA MEDIOEVAL)

BUENOS AIRES

1968

EDICION

Talleres Gráficos "DORREGO"

Calle Dorrego 1102, Buenos Aires, Argentina

М. КАРАТЕЕВ

ИЗ НАШЕГО ПРОШЛОГО

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

БУЭНОС АЙРЕС
1968

Обложка работы гр. В. В. Уварова.

Схемы работы В. Н. Николаева.

Издание Автора.

Тираж 1000 экз.

Адрес автора:
Dr M. Karateeff (Михаил Дмитриевич)
Balneario Atlántida, R. O. del Uruguay.
S. América.

Не говорю, чтобы любовь к Отечеству долженствовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всём лучше. Но русский человек должен по крайней мере знать цену свою.

Н. М. Карамзин

НОРМАНСКАЯ БОЛЕЗНЬ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

"Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут".
Н. Карамзин

Норманизмом в русской историографии называется то ее направление, в основу которого положена гипотеза о скандинавском происхождении российской государственности. Эта более чем шаткая гипотеза выдается норманистами за непреложный факт, оказавший, будто бы, огромное влияние на культуру, общественное развитие и даже на язык восточных славян.

Может быть, не все защитники норманской теории отдают себе в этом отчет, но по существу она покоится на чисто русофобском фундаменте, ибо под всей словесной шелухой тут лежит совершенно определенная политическая идея: утверждение неполноценности русского народа и его неспособности самостоятельно создать и развивать свою государственность. Были, мол. орды грязных дикарей, которые неизвестно откуда взялись, как народ не имели даже своего имени, платили дань — кто варягам, а кто хозарам, жили по-звериному и резали друг друга, пока не догадались поклониться немцам, которые прислали им своих князей, навели порядок, дали им имя Русь и научили жить по-людски. Историк М. Погодин дошел до того, что даже принятие Русью христианства считал заслугой норманнов, а "Русскую Правду" Ярослава Мудрого называл "памятником норманского происхождения"

Таким началом своего исторического бытия мы, как известно, обязаны немцам Фридриху Миллеру, Готлибу Байеру и Августу Шлецеру, которые, через прорубленное Петром Первым "окно в Европу", попали в Петербургскую Академию Наук и ревностно занялись "родной" русской историей.

Она еще не была написана, — предварительно нужно было собрать, изучить и систематизировать подсобные материалы: русские летописи, хроники соседних народов, свидетельства древних авторов, писавших о Руси и множество иных документов. За это взялся в первой половине 18 столетия русский историк В. Н. Татищев. Человек чрезвычайно добросовестный, он много лет потратил на поиски и исследованье первоисточников, — в особенности летописей, хранившихся во всевозможных монастырях, — и потому труд его подвигался медленно.

Немецкие академики утруждать себя подобной работой не стали. Они сразу взяли быка за рога и вскоре "русская история" была у них готова. На основании совершенно недостаточных, сомнительных и непроверенных данных, пополненных натяжками и домыслами, игнорируя одни русские летописи и неправильно истолковав другие, — они объявили князя Рюрика скандинавским немцем и основоположником русской государственности, хотя имелось немало своих и иностранных исторических источников, которые явно противоречили этому утверждению и проливали свет на более древние периоды и события русской истории.

Так, например, древнейшая новгородская летопись епископа Иоакима, найденная Татищевым, говорит совершенно определенно, что Рюрик был внуком новгородского князя Гостомысла, а в киевской летописи Нестора, — на которой базировались академики, — по поводу призвания варягов сказано: "звахуся те варязи русью, како другие зовуться свеи, нормане, англяне и геты". Иными словами, Нестор с предельной ясностью говорит, что скандинавами они не были и что варягами в то время назывались на Руси многие народы

самого разнообразного происхождения. Однако, вопреки этому, Рюрика сделали норманном, а Иоакимовскую летопись, — убийственную для норманской доктрины, — объявили фальшивой.

История этой летописи такова: ее список, — повидимому единственный сохранившийся и неполный, — Татищев получил в 1748 году от Мельхиседека Борщева, игумена Бизюкинского[1]) монастыря. Сняв с летописи копию, он возвратил ее в монастырь, где она несколько позже сгорела при общем пожаре. Это дало академикам повод объявить Иоакимовскую летопись подделкой игумена Мельхиседека или самого Татищева. Но игумен совершенно историей не интересовался и, судя по запискам Татищева, вообще был человеком необразованным, а Татищев не имел ни малейшей надобности прибегать к подобным подделкам, ибо в его время никаких споров не было, — полемика началась через двадцать лет после его смерти, с появлением "трудов" Шлецера и Миллера.

Таким образом, норманисты обеспечили себе и своим последователям возможность игнорировать самое важное свидетельство существования древне-новгородского государства. Сказками и вымыслом были объявлены и все сведенья о древне-Киевской Руси, невзирая на то, что и Нестор и целый ряд польских хронистов[2]), труды которых были академикам известны, — утверждают, что в Киеве задолго до призвания Рюрика уже вполне сложилась своя собственная государственность и втечение трех веков правила династия чисто русских князей, потомков Кия.

Благодаря тому же "окну", зерно норманизма упало на благодатную почву: теорию "русских" академиков подхватили и разработали историки Готфильд Шриттер, Эрих Тунман, Иоганн Круг, Фридрих Крузе, Христиан

---

1) Села Бизюкино, Алексинского уезда Тульской губернии.

2) Ян Длугош, Матвей Меховский, Мартин Бельский, Бернард Ваповский и др.

Шлецер, Мартин фон Френ, Штрубе и т. п. Разумеется, она получила полное одобрение и поддержку президентов и вице-президентов Академии Наук, гг. Блюментроста, Кайзерлинга, Корфа, Таубарта и Шумахера. Надо полагать, что очень довольны ею остались сменяющие друг друга временщики — Бирон, Миних и Остерман, да и сама матушка Екатерина, — урожденная принцесса Ангальт фон Цербст, — при таких "исторических" предпосылках чувствовала себя на русском престоле более уютно.

Однако, русские академики (в небольшом количестве были и таковые в русской Академии Наук) — Ломоносов, Тредьяковский, Крашенинников и Попов, — горячо протестовали против этих оскорбительных для России измышлений. Когда Миллер на торжественном заседании Академии прочел свой труд "О происхождении народа и имени российского", они с возмущением заявили, что автор "ни одного случая не показал к славе российского народа, а только упоминал о том, что к его бесчестию служить может" Ломоносов после этого писал:

> "Сие есть так чудно, что если бы господин Миллер лучше изобразить умел, он бы россиян сделал столь убогим народом, каким еще ни один самый подлый народ ни от какого историка не представлен".

Основываясь на древних источниках, Ломоносов доказывал, что к моменту появления Рюрика, Русь уже насчитывала много веков своей собственной, славянской государственности и культуры.

Еще большего внимания заслуживает выступление Тредьяковского: в изданном им труде "Рассуждение о первоначалии россов и о варягах-русах славянского звания, рода и языка", — он обнаружил большую эрудицию и в частности утверждал, что Рюрик и его братья были прибалтийскими славянами, выходцами с острова Рюгена, что позже нашло некоторые подтверждения в трудах других исследователей антинорманистов.

Эти выступления русских ученых имели временный успех: Миллер был лишен звания академика, а уже напечатанный труд его уничтожили. Но его измышления оказались слишком выгодными для многих сильных мира сего: очень скоро он был прощен и восстановлен в звании. Его "труд" несколько лет спустя был издан на немецком языке, в Германии, а позже снова просунут в официальную русскую историю.

Норманская доктрина восторжествовала: она была признана правильной и научно вполне обоснованной. С той поры все работы историков, которые ей противоречили, рассматривались как проявление назойливого невежества в науке и встречали со стороны Академии пренебрежительное отношение, а иногда и нечто похожее на окрики, — этим особенно отличался Шлецер. Замечательный труд С. Гедеонова "Варяги и Русь", совершенно разбивающий норманскую гипотезу, испортил ему служебную карьеру.

Богатые и материально независимые люди у нас историей, к сожалению, не занимались, а те, кто избирал ее своей служебной профессией, не могли, конечно, вступать в идеологический конфликт с министерством просвещения и с Академией Наук. До самой революции каждый русский историк, если он хотел преуспевать и получить профессорскую кафедру, должен был придерживаться доктрины норманизма, что бы он в душе ни думал. Наглядным примером такой вынужденной двойственности может служить Д. И. Иловайский: в своих "частных" трудах он был ярым антинорманистом, а в написанных им казенных учебниках проводил взгляды Байера, Шлецера и иже с ними.

Читателя, может быть, удивит то, что эта унизительная для русского национального достоинства теория не встретила в верхах нашего культурного общества никаких протестов. Но это тоже имеет свое историческое объяснение. Почва и все условия для пышного расцвета норманизма были подготовлены на Руси задолго до эпохи немецкого засилия.

Еще в конце пятнадцатого столетия у великих князей Московских, уже начавших титуловать себя царями, возникла чисто политическая необходимость официально возвысить свой род в глазах европейских монархов. Это было вызвано следующими обстоятельствами: в 1453 году турки сокрушили Византийскую империю, а девятнадцать лет спустя великий князь Иван Третий женился на племяннице последнего императора Зое (Софье) Палеолог и в качестве русского государственного герба принял римско-византийского двуглавого орла. С этого момента в Кремле возникает и провозглашается идея: "Москва Третий Рим, а четвертому не бывать". Иными словами, Москва обявила себя прямой наследницей и преемницей Византии, которая была оплотом православия и восточно-европейской культуры. Московским государям надо было чем-то обосновать свои права на такую преемственность и в то же время утвердить за собой царский титул, которого никак не желали признавать за ними другие монархи.

В соответствии с этим, опальный митрополит Спиридон, — известный на Руси как широко образованный человек и духовный писатель, — получил от великого князя Василия Третьего задание: разработать соответствующим образом родословную Московской династии.

Спиридон это поручение выполнил. Вскоре появился его труд, озаглавленный "Посланием", в котором он взял отправной точкой всемирный потоп: от Ноя вывел родословную египетского фараона "Сеостра" (Сезостриса), а прямым потомком этого фараона сделал римского императора Августа. У Августа, по Спиридону, оказался родной брат Прус, получивший, будто бы, во владение область реки Вислы, которая, по его имени, стала с тех пор называться Прусской землей. По прямой линии от Пруса Спиридон вывел род Рюрика и в результате всех этих "генеалогических" построений оказалось, что "государей Московских поколенство и начаток идет от Сеостра, первого царя Египту, и от Августа кесаря и царя, сей же Август пообладa вселенною. И сея от сих известна суть"

Интересно отметить, что в том же "Послании" Спиридон выводит родословную Литовских князей, но их, наоборот, старается всячески принизить. Причина этого понятна: Литва являлась тогда главной соперницей Москвы, — под ее властью находились обширные искони русские территории, до Смоленской, Черниговской и Орловской областей включительно. Европейскому общественному мнению надо было доказать, что литовские князья никаких прав на эти земли не имеют, а для большей убедительности было взято под сомнение и самое право их на княжеский титул. Сообразно этому, Спиридон пишет, что род их идет от "некоего Гегеминика" (Гедимина), бывшего в молодости конюхом у князя Витена, который, в свою очередь, был подручным Смоленского князя Ростислава Михайловича. До власти Гедимин, будто бы, добрался всякими кознями и хитростями, князем же начал титуловаться только сын его Ольгерд, после того как женился на русской княжне Ульяне Александровне Тверской.

Несмотря на полную фантастичность всего этого, версия Спиридона была официально принята при Московском дворе и получила дальнейшую разработку в "Сказании о князьях Владимирских" и в "Степенной книге" митрополита Киприана. При Иване Грозном она вошла в "Государев родословец", а потом и в так называемую "Бархатную книгу"

Разумеется, с научно - исторической точки зрения весь этот материал не выдерживает никакой критики и способен вызвать только улыбку. Однако в политическом отношении он свою роль сыграл, ибо дал Вселенскому патриарху основание признать за Иваном Грозным царский титул, а вслед за ним признали его и европейские монархи.

Но в то же время всё это подготовило почву для норманизма и оказалось первым шагом на пути неуважения к своему русскому началу. Грозный любил щеголять фразой: "я не русский, мои предки немцы". И с его легкой руки иностранное, а в частности немецкое

происхождение начинает считаться на Руси особенно почетным.

Родоначальник иноземец становится объектом вожделения каждой аристократической семьи и для отыскания такового широко применяются генеалогические методы митрополита Спиридона, то-есть совершенно невероятные измышления и натяжки, подделка документов и т. п.

Известный генеалог Л. М. Савёлов-Савёлков, член Императорского Историко-Родословного Общества, в своей книге "Древнее русское дворянство", по этому поводу пишет:

> "Главной особенностью родословных древнего русского дворянства являются легенды об его иностранном происхождении, и этот вопрос обойти молчанием нельзя... Отрицать выезды в Россию из Польши, Литвы и татарских царств, конечно, невозможно, но выезды из европейских государств, а особенно "из Прус", — которыми так изобилуют русские родословные, даже при наличии документов, подтверждающих "выезд", должны подвергаться проверке и тщательному исследованию, так-как известны случаи их подделки (приводится ряд известнейших фамилий, М. К.).. Появление подложных документов особенно усилилось после указа царя Феодора Алексеевича о составлении родословной книги. Палата родословных дел потребовала доказательств, их не было, — стали фабриковать и в результате всего этого получилось, что русские дворянские роды ведут свое происхождение откуда угодно, только не из России"

Савёлов-Савёлков нисколько не преувеличивает: при составлении этой первой в России родословной книги оказалось, что подавляющее большинство высшего русского дворянства ведет свое начало от всевозможных "честных мужей", некогда выселившихся на Русь "из прус", "из немец", "из свеев", "из фрягов", "из

грек", в крайности "из ляхов" или из Литвы. Всего было представлено 933 родословных и из них 804, — почти девяносто процентов, оказались иностранного происхождения!

"Род Новосильцевых от Юрия Шалого. А прежде звахуся Шель и выеха из Свейского государства"... "Выеха из немец муж честен именем Андрей Иванович Кобыла, от него же род Кобылин" "Выеха из прус к великому князю Василию Димитриевичу честен муж Христофор, прозванием Безобраз и от него род Безобразов"... и т. п.

В соответствии с подобными заявлениями, потомками немцев оказались Колычевы, Кутузовы, Салтыковы, Епанчины, Толстые, Пушкины, Шереметевы, Беклемишевы, Левашевы, Хвостовы, Боборыкины, Васильчиковы и очень многие другие; потомками шведов — Аксаковы, Суворовы, Воронцовы, Сумароковы, Ладыженские, Вельяминовы, Богдановы, Зайцевы, Нестеровы и пр.; потомками итальянцев — Елагины, Панины, Сеченовы, Чичерины, Алферьевы, Ошанины, Кашкины и др.; греков — Жуковы, Стремоуховы, Власовы; англичан — Бестужевы, Хомутовы, Бурнашевы, Фомицыны; венгров — Батурины и Колачевы. Апухтины и Дивовы оказались французами, Лопухины, Добрынские и Сорокоумовы — черкесами и т. д.

Несомненно, некоторые из них действительно шли от не-русских корней и о своем происхождении писали правду. Но подавляющее большинство было, конечно, иностранцами такого же порядка, как Иван Грозный. Нередко то происхождение, которое люди себе приписывали, чтобы удовлетворить этой печальной моде, было много хуже подлинного, которое казалось скверным только потому, что оно было чисто русским. Доходило до абсурдов. Так, например, всей России известные Рюриковичи — князья Кропоткины показали себя выходцами из Орды. Даже это, очевидно, казалось более почетным, чем происхождение от великих князей Смоленских. Собакины, — тоже потомки Смоленских князей, — стали писаться выходцами из Дании.

При Петре Первом и его ближайших преемниках эта тенденция в русском дворянстве еще усилилась. Меншиков, до встречи с Петром, как известно, торговавший на улицах Москвы пирожками, оказался потомком литовских магнатов; Разумовский и Безбородко, — заведомые малороссы и притом далеко не знатного происхождения, — отпрысками древних польских родов, и т. д.

Стоит ли говорить о том, что порожденная немцами норманская доктрина, при такой настроенности верхушки русского общества, не могла задеть в нем каких-либо спецефически-русских национальных чувств и была принята в лучшем случае с полным равнодушием.

Она вошла во все академические труды и учебники, ее стали преподавать в школах и в университетах, постепенно отравляя национальное сознание русских людей, прежде справедливо гордившихся своей древней историей и самобытной культурой, а теперь всё глубже проникающихся подсунутой им идеей неполноценности русской нации и неспособности русского народа обойтись без руководства и опеки иностранцев. Она была с отменным удовольствием принята и утверждена заграницей, давая нашим соседям "научное" основание для того, чтобы смотреть на русских свысока, как на низшую расу, пригодную лишь в качестве удобрения для других [1]).

Все это привело к тому, что развитие русской исторической науки пошло по совершенно ложному пути, искривленному предвзятой уверенностью, что мы народ без прошлого, из мрака неизвестности выведенный

---

1) Более всего в этом погрешны немцы, навязавшие нам норманскую теорию и старавшиеся ее использовать в своих политических целях. Но многие русские впадают в грубую ошибку, не делая различия между этими "внешними" немцами и немцами прибалтийскими, которые тут совершенно неповинны. Эти потомки Ливонских рыцарей, с присоединением Ливонии, вошли в состав Российского государства и честно служили ему на протяжении веков.

на историческую арену каким-то другим народом высшей категории, — конечно, не славянским.

Приняв летопись Нестора за основу истории Киевской Руси, наши официальные историки вынуждены были в какой-то мере считаться со сведеньями, которые имеются в этой летописи об основателе города Киева, — князе Кие и его династии. Однако, допустить, что эти князья были полянами, т. е. русскими, никто не хотел. Академики Байер, Миллер и другие отечественные немцы, конечно, объявили их готами; В. Татищев — сарматами, историк князь Щербатов — гуннами. Только Ломоносов утверждал, что они были славянами, позже к этому мнению не без колебаний примкнул Карамзин. Наконец, просто решили объявить всё это легендой и таким образом совершенно списать князя Кия и все с ним связанное с исторического счета. На эту позицию твердо встал С. Соловьев, заявивший: "призвание князей-варягов имеет великое значение в русской истории, которую с этого события и следует начинать". Костомаров, отважившийся верить в "легенду" и считать Кия исторической личностью, этим испортил свою репутацию серьезного историка. Преуспевающий Ключевский благоразумно обходил спорные вопросы молчанием, хотя по существу норманистом не был. Платонов тоже счел за лучшее о Кие не упоминать и с некоторыми оговорками примкнул к норманистам, — иначе бы ему не бывать академиком. Иловайский, как уже было сказано, сидел на двух стульях.

Итак, под Рюрика был подведен германский фундамент и с него стали начинать официальную историю Русского государства. Всё что было прежде объявили вымышленным или недостоверным. Даже допущение того, что поляне были способны сами построить свой столичный город, считалось ненаучным и противоречащим всему норманистскому представлению о древней Руси. Основание Киева старались приписать кому угодно, только не славянам. Многие русские историки (Куник, Погодин, Дашкевич и др.) защищали совершенно нелепую гипотезу, согласно которой он был построен

готами и есть ничто иное, как их древняя столица Данпарштадт. То обстоятельство, что Константин Багрянородный в одном из своих трудов назвал Киев Самбатом, сейчас же породило целую серию "исторических" гипотез, будто этот город был построен аварами, хозарами, гуннами, венграми и даже армянами, — только лишь потому, что в языках этих народов нашлись слова похожие на Самбат. Но прямое указание Птоломея на то, что в его время[1]) на Днепре уже существовал славянский город Сарбак (чем легче всего объяснить "Самбат" Багрянородного), всеми было оставлено без внимания. Вероятно решили, что Птоломей что-то путает, — настолько неправдоподобным казалось норманистам славянское происхождение Киева.

Вопрос, по существу совершенно ясный, в конце концов запутали до того, что только археология могла дать ему окончательное решение. Теперь раскопки археологов и в частности академика Б. А. Рыбакова, неопровержимо доказали, что никакие "высшие" народы тут не при чем и что Киев был построен своими, славянскими руками. К чести многих иностранных историков следует сказать, что не в пример большинству своих русских коллег, они этого никогда не отрицали.

Конечно, среди русских историков было немало и антинорманистов (Костомаров, Максимович, Гедеонов, Забелин, Зубрицкий, Венелин, Грушевский и др.), которые проделали большую исследовательскую работу и нанесли доктрине норманизма чувствительные удары. Борьба между этими двумя течениями не прекращалась со времен Ломоносова вплоть до самой октябрьской революции. Но практически она ни к чему не привела: слишком неравны были условия этой борьбы.

Научные позиции антинорманизма и тогда были гораздо сильнее, ибо их подкрепляли факты, открывавшиеся все в большем количестве и определенно говорившие не в пользу норманизма, который держался больше на рутине и на предвзятых мнениях. Но на сто-

---

[1]) Второй век христианской эры.

роне защитников норманской теории была сила авторитета Академии Наук и сила реальных возможностей. Кроме того, у норманизма был весьма ценный союзник: иннертность русского общества, которое считало, что это спор сугубо научный и никого, кроме профессиональных историков не касающийся.

Сколько непоправимого вреда принес норманизм престижу нашей страны и нам самим, начали понимать уже заграницей, очутившись в "норманском" мире и поневоле сделав кое-какие наблюдения, сравнения и выводы. Нашу эмиграцию принимали в Западной Европе в полном соответствии с учением норманизма, то-есть не слишком гостеприимно, и нескрывая расценивали нас как представителей низшей расы. Западно-европейских политических эмигрантов, французов, испанцев, греков и других (кто только не жаловал в трудные для себя времена на обильные русские хлеба!) у нас принимали иначе. Французский эмигрант герцог Ришелье в России получил пост генерал-губернатора; русский эмигрант герцог Лейхтенбергский во Франции работал монтером. Французские офицеры эмигранты, ни слова не знавшие по-русски, у нас получали поместья и полки в командованье, а русские заслуженные генералы-академики, в большинстве прекрасно владевшие французским языком, в Париже работали простыми рабочими или гоняли по улицам такси. И этим мы обязаны, главным образом, норманской доктрине, созданной и взлелеянной в нашей же Академии Наук.

Что касается советской исторической науки, то она от норманизма решительно отказалась, объявив норманскую теорию антинаучной. Но оформила она этот отказ не очень убедительно. Сделав много в области исследования и описания древнейшего периода истории Руси, полностью признавая самобытность русской государственности и культуры, советские историки в то же время заняли какую-то невразумительную позицию в отношении призвания варягов и личности князя Рюрика: не занимаясь вопросами его происхождения и появления на Руси, о нем просто стараются вспоминать

пореже, трактуя в этих случаях как личность скорее легендарную, чем исторически действительную. Как у этого легендарного отца мог оказаться вполне реальный сын — князь Игорь, советские историки не объясняют, хотя Игоря признают безоговорочно и считают его чистейшим славянином. Впрочем для Рюрика в последние годы выдумали особый термин: его называют персонажем не легендарным, а "эпизодическим". Это, повидимому, следует понимать так, что он в действительности существовал, но не заслуживает того, чтобы им занимались историки.

Так или иначе, с норманизмом на нашей родине покончено. Но Запад продолжает за него держаться цепко и в течение двух последних десятилетий с завидной настойчивостью старается укрепить обветшалые позиции норманской теории. Западные норманисты, среди которых есть, к сожалению и выходцы из России, в разных странах выпустили немало книг и публикаций, в которых на все лады повторяют, по существу, всё те же псевдо-научные измышления шлецеров и байеров, при полном замалчиваньи непрестанно возрастающего числа исторических открытий и работ, совершенно убийственных для норманской доктрины.

Этот факт весьма показателен и требует самого пристального внимания, ибо за ним кроется не одно лишь тщеславное желание Запада отстоять видимость своего превосходства над русским народом. Дело обстоит гораздо серьезней: норманская доктрина пошла на вооружение тех русофобских сил западного мира, которые принципиально враждебны всякой сильной и единой Россие, — вне зависимости от правящей там власти, — и служит сейчас чисто политическим целям: с одной стороны как средство антирусской обработки мирового общественного мнения, а с другой — как оправдание тех действий, которые за этой обработкой должны последовать.

Так ошибка историческая, допущенная два века тому назад и казавшаяся тогда мало существенной, по-

степенно расширяя круг своего действия опоганила и русское самосознание и отношение к нам других народов, обернувшись ошибкой политической огромного масштаба.

За неуважение к своему прошлому приходится платить дорогой ценой.

РОД РЮРИКА

(Историко-генеалогический очерк) [1].

Ни одно туманное обстоятельство русской истории не вызывало столько разногласий и споров, как вопрос о происхождении князя Рюрика, основоположника династии, которая семьсот пятьдесят лет правила Русью и еще сейчас имеет немало живых своих представителей.

Согласно древним киевским летописям, история его появления на Руси такова: в начале второй половины девятого века пресекся род славянских князей, правивших в Новгороде, вследствие чего вспыхнули кровавые смуты и тогда, чтобы положить им конец, новгородское вече призвало к себе варяжского князя Рюрика, который с двумя братьями, прибыл в Новгород в 862 году и принял верховную власть.

Летописи не оставили нам прямых указаний на племенное происхождение Рюрика и мы точно не знаем кем его считали на Руси втечение нескольких первых столетий. Видимо, тогда этот вопрос всем был ясен, споров не вызывал и ни в каких письменных пояснениях не нуждался. Слово "варяг" имело в древности собирательное значение и отнюдь не отожествлялось со сло-

---

1) В основу настоящего очерка положен доклад "Русская династия Рюрика и пошедшие от нее княжеские и дворянские роды", письменно представленный автором Международному Генеалогическому Съезду, имевшему место в Стокгольме 22-28 августа 1960 года.

вом "норманн". Еще не столь давно всех западно-европейцев в России называли немцами; точно также в древней Руси все народы обитавшие вокруг Балтийского моря[1]) обобщались под именем варягов. А в Прибалтике в то время сидело немало славянских племен.

Первый киевский летописец Нестор, труд которого "Повесть временных лет" является краеугольным камнем построения русской исторической науки, — касаясь призвания варягов, пишет дословно следующее:

> "и реша новгородци: поищем собе князя иже бы володел нами и судил по праву. И идоша за море к варягам, к руси. Те варязи бо звахуся русью, яко же друзии зовуть ся свеи, друзии же урмане, англяне, готы, тако и эти ... И от тех варягов прозвася Руськая земля. Новгородци же, то люди от рода варяжска, а прежде беше словене".

Таким образом, поелику Нестор прямо говорит, что русь — это не свеи и не урмане[2]), то есть не скандинавы, у нас нет никакого основания думать, что он отрицал славянское происхождение Рюрика. Ведь он даже новгородцев, по признаку близости к Балтийскому морю, причислил к варягам, тут же отметив, что они были славянами. Очевидно и в следующие века на этот счет не возникало никаких сомнений, и все южно-русские летописцы, говоря о прошлом Руси и о призвании варягов, в точности повторяли слова Нестора.

Это положение изменилось только в 16 веке, когда великий князь Василий Третий в политических целях приказал митрополиту Спиридону составить совершенно бездоказательную родословную Московских князей, сделав Рюрика прямым потомком никогда не существовавшего князя Пруса, — якобы брата императора Августа. Иван Грозный, добиваясь признания за ним

---

1) Балтийское море тогда называлось Варяжским.

2) Свеи — шведы, урмане — норвежцы или норманы.

царского титула, всячески старался укрепить эту фантастическую версию. А так как Пруссия в его время уже считалась чисто германской землей, — он при всяком удобном случае подчеркивал, что род его немецкого происхождения.

Очевидно всем этим современники - летописцы были поставлены в весьма затруднительное положение: сам Грозный царь, с которым шутки были плохи, говорит, что род его идет от немцев, да еще опирается при этом на труд митрополита, известного на Руси своей ученостью, — мог ли противоречить этому простой монах!

И вот, в Никоновской летописи, составленной в царствованье Ивана Грозного, слепо повторявшийся дотоле текст Нестора, относительно призвания варягов, впервые подвергнут изменению:

> "и приидоша **из немець** три браты, со всем родом своим, Рюрик, Синеус и Тривор. И бысть Рюрик старейшина в Новегороде, а Синеус старейшина на Белоозере, а Тривор на Изборце. И от тех варягов находников прозвашеся Русь, сице бо варязи звахуся русью"

Из Никоновской летописи, — которая хранилась при патриаршем дворе и к тому же была наиболее подробной из всех[1]), — упоминание о немецком происхождении Рюрика попало по заимствованию и в некоторые другие летописи. Всё это легло в основу пресловутой норманской теории и два века спустя позволило петербургским академикам Байеру, Миллеру и Шлецеру утверждать, что Рюрик принадлежал к одному из германских племен Скандинавии и что русская государственность и культура созданы немцами.

Шлецер, плохо знавший русский язык, а потому не умевший, да и не желавший обстоятельно разобраться в русских первоисточниках, но непоколебимо уверен-

---

1) Эта летопись называется также Патриаршей летописью.

ный в превосходстве германской расы, в своем труде "Нестор" писал о русах:

> "были это люди без правления, жившие подобно зверям и птицам, которыми изобиловали их леса. Они не отличались ничем, не имели никаких сношений с южными народами и потому не могли быть замечены и описаны ни одним просвещенным европейцем. На всем русском севере не было ни одного настоящего города. Бреднями старух являются и все рассказы о том, что до Рюрика существовали новгородские князья и киевские государи. Дикие, грубые и разъединенные славяне начали делаться общественными людьми только благодаря германцам, которым было назначено судьбой посеять у них первые семена цивилизации".

Это типичный образец обращения немцев с русской историей. "Просвещенный европеец" Шлецер, утверждая, что на всем русском севере не было ни одного города, — даже в 18 веке не знал или не хотел знать того, что сами норманны называли Новгородскую Русь Гардарик, что означает "Страна городов". Он безапелляционно отбрасывает те данные первых русских летописей, которые противоречат его выдумкам и все сведенья о древне-киевских и новгородских князьях называет "бреднями старух" И наконец, приписывая германским племенам Скандинавии посев первых семян цивилизации среди восточных славян, он, конечно. умалчивает о том, что у этих "культуртрегеров" в то время широко практиковались такие обычаи, как человеческие жертвоприношения, кровавая месть, уничтожение собственных "лишних" детей и работорговля, а чинимые ими при набегах жестокости были таковы, что в западно-европейских церквах читалась особая молитва: "a furore normannorum libera nos, Domine"[1]. У древних же русов, которые, согласно Шлецеру, жили "по-

---

[1]) "От свирепости норманов избави нас, Господи"

добно зверям", не существовало даже смертной казни и рабства, а единственная отмеченная летописью попытка совершить человеческое жертвоприношение, была предпринята князем Владимиром, — тогда еще не "святым", а язычником, — после того как он три года провел в Скандинавии и привез оттуда "семена германской цивилизации"

Все это вполне очевидно, но именно такого рода "русская история" нужна была немцам для утверждения примата германской расы. И прав историк С. Лесной, когда говорит: "из наших гуманных предков охотно сделали бы даже людоедов, если бы только нашли хоть малейший предлог для этого".

Такого предлога не нашли, но зато нашли другой: сделать Рюрика немцем, а яко бы пришедшее с ним племя русь объявить одним из германских племен Скандинавии.

Едва ли стоит уделять много места и времени детальному опровержению этой исторической гипотезы, уже полностью обанкротившейся. Достаточно привести лишь один, совершенно убийственный для нее довод: несмотря на самые тщательные поиски норманистов, никаких следов германского племени русь в Скандинавии обнаружено не было, — ни в одном историческом источнике мира, даже самом сомнительном, о нем нет ни малейших упоминаний.

Но зато длинный ряд арабских и среднеазиатских авторов [1]), — из которых девять или десять жили и пи-

[1]) Из числа древнейших восточных авторов, писавших о Руси, укажем следующих: сирийский аноним, продолжатель летописи еп. Захарии (серед. 6 в.) ал-Куфи и ал-Кальби (нач. 9 в.), Ибн-Хордадбег (труд написан в 836 г.), ал-Хорезми (труд 836-847 гг.), Абу-Муслим ал-Джарми (труд 845 г.), ал-Якуби (труд 853 г.), Мухаммед ат-Табари (род. в 832 г.), Ахмед ал-Балхи (род. в 850 г.), Абу-л-Аббас ал-Марвази (ум. в 887 г.), Джабир ал-Белазури (ум. в 892 г.), Ибн ал-Факих Хамадани (9 в.). Авторы 10 века: Ахмед Ибн-Фадлан, ал-Истахри, Абу Абдаллах Джейхани, Ибн-Русте, Ибн

сали свои труды еще до призвания Рюрика новгородцами, — совершенно определенно утверждает, что русь была славянским племенем, и что это племя обитало между Волгой и Днепром по крайней мере с шестого века.

Кастати, следует подчеркнуть, что в средние века арабы были несравненно более культурными людьми, чем "просвещенные европейцы" Шлецера и потому они прекрасно "заметили" и достаточно подробно описали русов, их характер и быт, жилища, одежду, оружие, верованья, религиозные обряды, воинские навыки, обычаи, занятия и даже их музыкальные инструменты. В частности, большинство этих авторов отметило, что страна русов богатая и что в ней много больших и хорошо устроенных городов.

Конечно, в 18 веке, когда за обработку русской истории взялись миллеры и шлецеры, об этих многочисленных восточных трудах никто в России не знал. Но в наши дни игнорировать их немыслимо и потому ни один исторически образованный человек не может сомневаться в славянском происхождении племени русь. Следовательно и Рюрик, который, согласно летописям, принадлежал к этому племени, тоже был славянином.

На это имеются прямые указания древнейшей русской летописи, которую академики — немцы объявили, конечно, недостоверной. Ее автор — первый новгородский епископ Иоаким, жил за сто лет до киевского летописца Нестора, а потому и по времени и по месту стоял гораздо ближе к очагу событий и был о них несравненно лучше осведомлен. Вот как он описывает обстоятельства призвания Рюрика:

Когда состарился новгородский князь Гостомысл и почувствовал приближение смерти, стал он думать — кому передать княжение? Все четыре сына его давно умерли не оставив потомства, а три дочери были отда-

---

Ахмед ал-Макдиси, Ибн-Хаукаль, Мухамед Баалами, Муттахар ал-Мукаддаси, Ал-Масуди, аноним "Худуд ал-Алам", ал-Бекри. 11-го века: ал-Саалиби и Гардизи; 12 в. Хамид ал-Гарнати.

ны замуж за соседних князей. И вот, во время этих размышлений, —

> "спясчу ему единажды о полудни, виде сон яко из чрева средние дочери его Умилы произрасте древо велико плодовито и покры весь град Великий, от плода же его насыщахуся люди всея земли. Встав же от сна призва весчуны, да изложат ему сон сей. Они же реша: "от сынов ея имать наследити ему и земля угобзится княжением его". И вси радовахуся о сем, еже не имать наследити сын большия досчери, зане негож бе[1]). Гостомысл же видя конец живота своего, созва все старейшины земли от словян, руси, чуди, веси, мери, кривичи и дреговичи, яви им сновидение и послà избраннейшия в варяги, просити князя. И придоша по смерти Гостомысла Рюрик с двемя браты и роды ею".

Таким образом, согласно Иоакиму, Рюрик был родным внуком князя Гостомысла и по матери принадлежал к издревле правившей в Новгороде славянской династии. Мать его Умила была замужем за каким-то "варяжским" князем. Но мы уже знаем, что варягом мог быть и чистокровный славянин.

Кто же был отцом Рюрика? Достоверных данных об этом нет, но имеются кое-какие основания для двух предположений: это мог быть Дион, князь славянского племени ругов, населявших в те времена остров Рюген, который тогда назывался Руяной[2]), или Годлав, князь

---

1) Очевидно тут имеется ввиду Вадим Храбрый, позже поднявший против Рюрика восстание и им убитый.

2) Не отсюда ли "остров Буян", неоднократно упоминающийся в старых русских сказках и былинах? — Название острова Руяна или Руян (переделанное народом в более понятный "Буян") могло стать на Руси известным и популярным с приходом Рюрика, если он был родом оттуда.

племени бодричей[1]) обитавших в области реки Эльбы, — древней славянской Лабы.

Для последнего предположения имеется особо веское основание: французский исследователь и путешественник прошлого столетия Ксавье Мармье, в своем труде "Письма о Севере"[2]), приводит следующее предание, обнаруженное им при изучении древних рукописей Мекленбурга[3]): — был в древности у бодричей князь Годлав, а у него три сына: Рюрик, Синеус и Трувор. "Народ же на Руси (цитирую по Мармье) страдал под страшным иноземным игом, которого сам не надеялся сбросить. Братья Рюрик, Синеус и Трувор его освободили и хотели возвратиться к себе, но русские люди упросили их остаться и занять место их прежних царей"

Конечно, не исключено, что это предание более позднего происхождения. Но какие-то нити, очевидно, ведут к нему из глубокой полабской древности. Практика исследователей показала, что в основе каждого исторического предания лежит зерно истины.



Официальное старшинство Рюриковичей считается с 862 г., когда князь Рюрик принял власть в Новгороде. Даже в этом случае их род является древнейшим в Европе. Для сопоставления,приведу по Готскому альманаху старшинство древнейших западно-европейских родов:

Бурбоны (Франция)	866
Габсбурги (Австрия)	883
Виттельсбахи (Бавария)	907
Виковаро (Италия)	914

---

1) Бодричей называют также оботритами. Это было самое значительное и могущественное из славянских племен Прибалтики

2) X. Marmier, "Lettres sur le Nord", Ed. 1841, Bruxelles, N. I. Gregoire et Wouters.

3) Мекленбург — в древности славянский Велиград, столица племени бодричей.

Церинген (Баден)	917
Веттин (Саксония)	919
Норфольки (Англия)	950
Осуна (Испания)	1032
Ангальт (Германия)	1039
Гогенцоллерны (Пруссия)	1061

Сравнивая, мы видим, что Рюриковичи имеют четыре года преимущества над старейшим в Европе родом Бурбонов, если даже отправной точкой считать год вокняжения Рюрика в Новгороде. Но Иоакимовская летопись дает некоторые сведенья о предшествовавших Рюрику звеньях этого рода, — как ближайших так и весьма отдаленных. Конечно, сведенья эти в большей своей части явно легендарны, но у всякой легенды, — как бы далеко она ни ушла от истины, — всегда есть какие-то реальные основания, что и отличает ее от сказки. И потому те древние сказания, которые в конце десятого столетия в устной передаче дошли до епископа Иоакима и были им записаны, представляют для исследователя известный интерес.

Иоаким пишет, что в незапамятные времена. еще до Рождества Христова, существовали два брата — могущественные князья Славен и Скиф, которые, придя с востока, завоевали все земли от Волги до Дуная. После этого Скиф, со своим племенем, утвердился в Таврии и в Причерноморских степях, а Славен, оставив княжить на Дунае своего сына Бастарна, сам пошел на север и там основал город Славенск, на месте или вблизи которого позже возник Великий Новгород. В этой стране многие сотни лет княжили потомки Славена, из которых Иоаким упоминает Вандала (несомненно, следует читать "Венедала"), жившего, как можно заключить, в конце пятого или в начале шестого века.

Вся эта часть повествования Иоакима носит не столько даже легендарный, как алегорический характер: под именем князей тут подразумеваются названия народов: скифы, славяне, бастарны и венеды, — родственность которых, отмеченную в этой алегории рус-

ским летописцем десятого столетия, вполне подтвердили позднейшие научные изыскания.

Далее Иоаким называет трех сыновей князя Вандала: Избора, Владимира и Столпосвета, из которых первый и третий умерли рано, а Владимир, женатый на женщине "варяжского рода" Адвинде, объединил под своей властью всю землю отцов. После него в Новгороде княжили его прямые потомки[1]), из которых, в девятом от Владимира колене, был князь Буривой, отец хорошо известного Гостомысла и прадед Рюрика.

Начиная с княжеской четы Владимир — Адвинда, жившей, как можно определить, в первой половине шестого века, — сведенья Иоакима, хотя их и нельзя считать достоверными, все же приобретают вполне правдоподобный характер.

Что же касается Буривоя, о войнах которого с норманами летопись дает вполне конкретные сведения, которые подтверждаются и другими источниками, то в его существовании мы уже едва ли имеем право сомневаться, поелику вообще доверяем свидетельствам древних, в распоряжении которых, как известно, не было нотариусов.

Князь Буривой, при котором Новгород ненадолго был захвачен норманнами, жил на грани восьмого и девятого столетий и начиная от него поименно известны все дельнейшие звенья родословной Рюриковичей, которая, следует отметить, отличается безупречной ясностью и неразрывностью своей преемственно-родовой траэктории, чего никак нельзя сказать о большинстве других родов подобной древности.

На основании этих дополнительных данных, мы по-

---

[1]) В древних скандинавских источниках историк В. Татищев нашел имена двоих из этих восьми неизвестных князей, — Иона и Энвинда, "короля Гардарики" (как скандинавы называли Новгородскую землю), на дочери которого был женат норманнский конунг Галдан (вероятно Галлард). Ион по времени стоял ближе к Владимиру, а Энвинд мог быть дедом или даже отцом Буривоя.

лучаем право отнести старшинство рода Рюрика на 70-80 лет в глубину веков[1]) и первые звенья его родословной цепи представятся в следующем виде:

БУРИВОЙ (конец 8 века)
Князь Новгородский
ГОСТОМЫСЛ († 860 г.)
Князь Новгородский
УМИЛА — ГОДЛАВ, кн. бодричей (предположительно)
РЮРИК — ЕФАНДА, дочь норв. конунга, 862 г.
Князь Новгородский.
ИГОРЬ († 945 г.) — ОЛЬГА († 957 г.) [2]).
Князь Новгородский и Киевский
СВЯТОСЛАВ († 972 г.) — МАЛУША Древлянская.
Князь всея Руси.
ВЛАДИМИР Св. († 1054 г.) — РОГНЕДА Полоцкая.
Великий князь всея Руси.
ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ († 1054 г.) — ИНГИГЕРДА
Великий князь всея Руси. Шведская.

Чтобы дать правильное представление об удельном весе русской династии Рюрика и о том положении, которое она занимала тогда в ряду европейских царствующих домов, — достаточно рассмотреть брачные связи семьи Ярослава Мудрого, от которого начинается дробление Руси на удельные княжества и, соответственно этому, — разделение дотоле единого династического ствола.

Сам Ярослав был женат на дочери шведского короля Олафа Первого; его сестра Мария была замужем за польским королем Казимиром Первым, а сестра Предслава — за чешским королем Болеславом Третьим.

---

1) В генеалогии, когда нет точных данных, принято считать в среднем 25 лет на каждое поколение.

2) При рождении она получила имя Прекраса, затем ее переименовали в Ольгу, повидимому в честь князя Олега, а при крещении она приняла имя Елены.

Из его сыновей, Изяслав был женат на дочери польского короля Мешка Первого, Святослав — на дочери герцога Трирского, Всеволод — на дочери византийского императора Константина Десятого, Игорь — на дочери короля Оттона Саксонского, Вячеслав — на дочери герцога Леопольда Штаденского. Дочери — Анна была замужем за французским королем Генрихом Первым, Елизавета — за норвежским королем Гаральдом Смелым, Анастасия — за венгерским королем Андреем Первым. Из внуков Ярослава, — Владимир Всеволодович Мономах был женат на Герде, дочери английского короля Гарольда Первого, Евпраксия Всеволодовна — замужем за германским императором Генрихом Четвертым, Ефимия Всеволодовна — за венгерским королем Коломаном Первым, а Олег Святославич — женат на византийской принцессе Феофании Музилон.

Таким образом, семья Ярослава Мудрого была связана брачными узами с двенадцатью царствующими династиями и находилась в близком родстве с обоими императорскими и со всеми королевскими домами Европы. Этим хорошо определяется и политическое положение древней Руси в ряду европейских государств, — доколе оно не изменилось под гнетом двух национальных катастроф: разделения единого русского государства на отдельные, враждующие княжества, и татарского нашествия.

***

Следует вспомнить, что в административном отношении древняя Русь рассматривалась как совместное владение всей княжеской семьи, глава которой именовался великим князем и сидел в Киеве, а в другие города и области, сообразно их богатству и значению, сажал, в порядке старшинства, своих братьев, сыновей и иных родичей, в качестве князей — наместников. И власть этих подчиненных князей не была наследственной: по мере вымирания старших родственников, на их места, из второстепенных центров в главные, передвигались младшие.

Такая система вызывала множество неудобств, а когда княжеская семья сильно разрослась и установление общей линии старшинства стало весьма трудным делом, — привела к бесконечным спорам и междоусобиям. В силу этого, в 1097 году, на общем съезде русских князей в городе Любече, она была отменена и установился другой порядок. Он был более удобен (надо добавить, — до поры до времени), но фактически положил конец единству Русского государства.

С этого момента за каждой княжеской семьей закрепляется определенная область — княжество, которое нормально передается, в пределах этой семьи по наследству, от отца к старшему сыну. Но так как сыновей обычно бывало несколько и отец хотел обеспечить каждого из них, — эти основные княжества очень скоро начали дробиться на более мелкие, в пределах своей области подчиняющиеся главному, которое становится теперь "великим", в отличие от выделенных им "удельных". Многие из последних, несколько позже, в свою очередь разделились, по тому же принципу, на еще более мелкие, и т. д.

В результате к середине 14 века на территории Руси оказалось свыше двухсот больших и малых княжеств, из которых наиболее мелкие подчинялись своим областным великим князьям, те что покрупней, — признавали свою зависимость от великих чисто номинально; а многие ее и вовсе не признавали и держали себя как совершенно суверенные монархи, лишь в общем порядке подчиняясь татарскому великому хану — императору.

В конечном итоге этот процесс дробления Русской земли зашел так далеко, что очень многие территориальные единицы совершенно утратили все признаки присущие государству, и превратились просто в крупные поместья — латифундии, управляемые князьями — помещиками. Такие князья вывели свои родовые фамилии от названия какого-либо городка или даже села, находившегося в пределах их владений (например, Барятинские, Белосельские, Березуйские), от реки,

протекающей через их земли (Волконские, Ухтомские, Шехонские) или от прозвища своих отцов (Горчаковы, Хотетовские, Щенятьевы, Шонуровы и т. д.)

Между такими князьями — помещиками и мелкими удельными князьями, имевшими какие-то признаки суверенитета, порою чрезвычайно трудно провести разграничение, тем более, что в 14 веке, с возвышением Московского княжества, начинается обратный процесс: объединение разрозненных русских земель под властью князей Московских. Удельные князья, сначала мелкие, потом крупные и наконец даже великие, один за другим теряют все признаки независимости и в итоге просто попадают на службу к Московским князьям, — тоже превращаясь в крупных помещиков с княжеским титулом и с родовой фамилией, производимой от названия соответствующего удельного княжества.

Этот процесс объединения завершил в начале 16 века великий князь Василий Третий, а сын его Иван Грозный, стремясь к абсолютному единовластию, — вернее к полному деспотизму, ибо власти его никто не оспаривал, — окончательно разгромил "княжат", как стали теперь называть потомков удельных князей. В его царствованье более сорока княжеских родов были истреблены физически, представители многих других были лишены своих поместий, сосланы или заточены в монастыри.

В силу этих причин, за годы правления Ивана Грозного пресеклось существование шестидесяти шести княжеских родов Рюрикова корня. Вот их перечень:

Алабышевы
Аленкины
Барбашины
Белевские
Бохтюжские
Бритые-Ростовские
Бычковы
Волоцкие
Гвоздевы-Ростовские
Голенины-Ростовские
Голибесовские
Голубые-Ростовские
Голыгины
Гольпины
Горенские
Долгоглядовы
Дорогобужские
Золотые-Оболенские

Жерябовы
Конинские
Кривозерские
Кубенские
Курлятевы
Ласткины-Ростовские
Льяловские
Микулинские
Нагие-Оболенские
Нагоевы
Небогатые
Немые-Оболенские
Новленские
Ноготковы
Ногтевы-Оболенские
Осиповские
Палецкие
Пенинские
Пенковы
Пёстрые-Стародубские
Пронские-Шемякины
Пужбольские
Пунковы
Рюмины
Ряполовские
Сандыревские
Серебряные-Оболенские
Сисеевы
Старицкие
Стригины-Оболенские
Сугорские
Судцкие-Ярославские
Телепневы
Темносиние-Ярославские
Токмаковы
Тулуповы
Ухорские
Ушатые-Ярославские
Холмские
Хохолковы-Ростовские
Шамины
Шевыревы
Шистовы
Шуморовские
Щенятевы
Юхотские
Яновы-Ростовские.
Ногтевы-Суздальские

***

Изучая период распада древне-русского государства на отдельные княжества и параллельно разветвления династии Рюрика, мы можем установить следующее:

Под властью Рюриковичей существовало десять великих княжеств: **Киевское, Черниговское, Галицкое, Суздальское**, **Владимирское**, **Московское, Тверское**, **Рязанское, Нижегородское** и **Смоленское.**

Затем было свыше стапятидесяти удельных княжеств, в которых князья первоначально являлись монархами, хотя большинство из них и было (часто лишь номинально) подчинено более крупным государям. Из числа таких княжеств, двенадцать: — **Владимир-Волынское**, **Полоцкое**, **Турово-Пинское**, **Минское**, **Новго-**

род-Северское, Ростовское, Ярославское, Белозерское, Брянское, Карачевское, Новосильское и **Тарусское**, — на известном этапе истории обладали всеми признаками суверенитета, т. е. были независимыми, имели в подчинении по несколько удельных княжеств и в пределах своей территориально-государственной системы назывались великими или "большими", в отличие от подвластных им удельных.

Кроме этого, было около ставосьмидесяти княжеств — латифундий, которые ни суверенитетом, ни собственным войском, ни иными атрибутами государственности никогда не обладали. Владевшие ими князья были не монархами, а помещиками, хотя иногда и очень крупными.

Соответственно этому, проследим теперь процесс разветвления Рюрикова рода и перечислим идущие от него фамилии. Однако, тут необходимо сделать оговорку: как уже было сказано, провести точное разграничение между фамилиями удельно-княжескими и поместно-княжескими чрезвычайно трудно и автор в этом не претендует на непогрешимость. К первой категории тут причисляются князья, владевшие хотя бы одним укрепленным городом или значительным по величине уделом, — они набраны жирным шрифтом.

Следует также отметить, что до 15 века среди Рюриковичей многие временно носили имена князей **Новгородских** и **Псковских.** Но в этих областях-княжествах имевших фактически республиканский образ правления, династическое начало отсутствовало: князья приглашались по выбору народных вечевых сходов, или же назначались тем из русских великих князей, который в данный момент был достаточно силен, чтобы навязать Новгороду и Пскову свою волю.

Итак, разделение пошло от Ярослава Мудрого, который фактически был в древности последним великим князем всея Руси, каковым — не по названию, а на деле, — вновь стал его далекий потомок Иван Третий только четыре столетия спустя.

От Изяслава Владимировича, — брата Ярослава Муд-

рого, который княжил в Полоцке, пошли князья **Полоцкие**, а от них **Минские**, **Витебские**, **Друцкие**[1]), **Городецкие** (Городца белорусского), **Изяславские**, позже ставшие писаться Заславскими, **Свислоцкие**, **Куконойские**, **Герцикские**, **Подберезские**, **Логойские**, Усвятские и Стрежевские.

Князья Друцкие впоследствии разделились на несколько родов, производя свою вторую фамилию от принадлежавших им поместий: Друцкие-Соколинские, Друцкие-Любецкие, Д.-Горские, Д.-Прихабские, Д.-Озерецкие, Д.-Подбережские, Д.-Веденицкие, Д.-Багриновские, Д.-Толочинские.

От Друцких пошли также князья Бабичевы и Путятины.

Князь Илья Андреевич Друцкой-Соколинский женившись на последней в своем роду Гурко-Ромейко, в 1723 году присоединил ее фамилию и эта ветвь рода стала именоваться князьями Друцкими-Соколинскими-Гурко-Ромейко.

От старших сыновей Ярослава Мудрого — Владимира и Изяслава, пошли князья: **Владимир-Волынские**, **Туровские**, **Пинские**, **Городенские**, **Дубровицкие**, **Клецкие**, **Слуцкие**, **Волковысские**, **Острожские** и **Корецкие**.

Все остальные рюриковские роды, как угасшие так и ныне существующие, пошли от двух сыновей Ярослава Мудрого: Святослава Черниговского и Всеволода Киевского, точнее — от сына последнего, Владимира Мономаха. Черниговская ветвь является старшей, т. к. Святослав был старшим братом и раньше Всеволода занимал великокняжеский стол в Киеве. Большинство

---

1) Относительно князей Друцких мнения генеалогов сильно расходятся: одни считают, что они происходят от Полоцких князей, другие — от Минских, третьи выводят их от Гедимина (что безусловно ошибочно) и четвертые — от Владимира Мономаха, через князей Галицко-Волынских и Бельзских. Не имея данных для решения этого вопроса, автор помещает их в этом отделе, основываясь на том, что Друцкий удел был выделен Полоцким княжеством.

ныне существующих князей — Рюриковичей принадлежит именно к этой, Черниговской ветви и потому о ней следует сказать более подробно.

Первоначально от Святослава Ярославича пошли князья: **ЧЕРНИГОВСКИЕ** (великие), **Тмутороканские, Новгород-Северские**, **Курские, Рыльские**, **Путивльские, Стародубские** (Стародуба черниговского), **Вщижские, Орлинские**, **Воргольские, Вырские**, **Сновские**, **Любечские**, **Сосницкие**, **Липецкие**, **Бахмачские** и **Рогачевские**.

Из его же рода, в следующем поколении, — от младшего из его сыновей, Ярослава, — выделились великие князья **РЯЗАНСКИЕ** и от них **Пронские**, **Муромские** и **Коломенские**.

После татарского нашествия, когда город Чернигов был разрушен до основания, на месте в. княжества Черниговского образовался ряд новых княжеств, под управлением сыновей и ближайших потомков замученного в Орде в. князя св. Михаила Всеволодовича. Соответственно этому, появляются новые князья: **Брянские, Глуховские, Новосильские**, **Карачевские**[1]), **Тарусские, Трубчевские**[2]), и **Мáчевские**[3]).

От Новосильских идут князья: **Мценские, Воротынские, Одóевские**[4]), Спашские (Спасские) и Конинские.

От Карачевских пошли князья: **Козельские, Бол-**

---

1) Титул и фамилия князей Карачевских были в нынешнем столетии возвращены старшему из их потомков, Дмитрию Васильевичу Каратееву и его роду.

2) Позже Трубчевский удел перешел во владение князей Гедиминовичей, нынешних Трубецких.

3) Княжество Мачевское находилось на территории нынешней Югославии, — его получил в удел Ростислав, старший сын св. Михаила, женившись на дочери венгерского короля Белы IV.

4) Титул и фамилия угасшего в прошлом столетии рода князей Одоевских, были переданы Николаю Николаевичу Маслову, который стал именоваться князем Одоевским-Масловым. Этот новый род на нем же и угас.

ховские[1]), **Звенигородские** (Звенигорода черниговского), **Елецкие, Масальские, Белевские, Серпейские, Лихвинские** и Хотетовские.

Князья Масальские впоследствии разделились на четыре ветви: Литвиновы-Масальские, Рубцовы-М., Кольцовы-М., и Клубковы-М.

От Козельских, князья: **Перемышльские** (Перемышля калужского), Горчаковы, Шонуровы, Огинские [2]) и Осовицкие.

От Звенигородских, князья: Токмаковы, Звенцевы, Рюмины, Барашевы, Шистовы, Звенигородские - Ноздреватые и Звенигородские-Спячие[3]).

От Тарусских идут князья: **Оболенские, Мезецкие**[4]), Барятинские, Мышецкие, Волконские, Волконские-Чермные и Репнины- Волконские [5]).

Князья Оболенские позже разделились на следующие роды: О.-Золотые, О.-Серебряные, О.-Белые, О.-Черные, О.-Хромые, О.-Немые, О.-Нагие, О.- Ногтевы, О.-Ярославовы и О.- Константиновы.

Кроме того, от Оболенских пошли князья: Репни-

---

[1]) Удельное княжество Болховское просуществовало очень недолго и название его не перешло в фамилию владевших им князей. Угасший в 19 веке род князей Болховских не принадлежит к Рюриковичам: он идет от Болоховской земли, — древнего княжества на Волыни, которым владели князья древне-киевского или половецкого происхождения. Писались до Петра Первого Болоховскими.

[2]) Старшая ветвь рода Огинских в 15 в. выселилась в Литву и впоследствии ополячилась, сохранив княжеский титул. Младшая ветвь осталась на Руси, но титул утратила.

[3]) Все отпрыски князей Звенигородских давно угасли, кроме З. Спячих, которые с 17 века стали именоваться просто Звенигородскими, без титула. Княжеский титул им был возвращен в 1899 г.

[4]) Князья Мезецкие или Мезецковы, писались также Мещовскими, после того как стал называться Мещовском город Мезецк.

[5]) В 1801 году, когда пресекся род князей Репниных, их фамилия была передана внуку (по дочери) последнего Репнина, — князю Н. Г. Волконскому, с дозволением именоваться князем Репниным-Волконским.

ны, Щербатовы, Долгоруковы, Лыковы, Лыковы-Белоглазовы, Стригины, Туренины, Телепневы, Овчинины, Курлятевы (писались также Шкурлятевы). Щепины, Кашины, Ноготковы, Нагоевы, Шевыревы или Шафыровы, Тюфякины, Тростенские, Пенинские и Горенские.

Кн. Сергей Александрович Оболенский в 1871 году получил дозволение присоединить фамилию своей матери, — последней в роду Нелединской-Мелецкой и стал именоваться князем Оболенским-Нелединским-Мелецким.

***

Перейдем к князьям — Мономаховичам. От старшего сына Владимира Мономаха — Мстислава Владимировича, происходят все юго-западно-русские князья, а от младшего — Юрия Владимировича Долгорукого, — все северно-русские.

От первого из них пошли князья: **КИЕВСКИЕ** (великие), **Переяславские**, (Переяславля южного), **ГАЛИЦКИЕ** (великие), **Волынские**, **Вышгородские**, **Белгородские** (Белгорода киевского), **Овручские**, **Каневские**, **Трепольские**, **Липовецкие**, **Михайловские**, **Торчесские** или Торчинские, **Василёвские** (Васильковские) и Ружинские.

От Галицких и Волынских пошли князья: **Бугские**, **Луцкие**, **Брестские**, **Бельзские**, **Теребовльские**, **Дорогочинские**, **Холмские**, **Перемышльские**, **Звенигородские** (Звенигорода галицкого), **Вруцкие**, **Берестецкие**, **Пересопнецкие**, **Шумские**, **Дорогобужские** (Дорогобужа волынского), **Несвижские**[1]), **Слонимские**, **Тихомельские**, **Яневские**, **Ижеславские**, Бакриновские и Стапанские.

От внука Владимира Мономаха — Ростислава, получившего в удел Смоленское княжество, идут великие князья **СМОЛЕНСКИЕ**, а от них князья **Торопецкие**, **Вяземские**, **Порховские**, **Дорогобужские** (Дорогобужа

[1]) От Несвижских происходят, повидимому, польские князья Збаражские, Воронецкие, Вишневецкие, Порыцкие и Корбинские, которых без достаточных оснований считают Гедиминовичами.

смоленского[1]), **Соломерецкие, Фоминские, Березуйские,** Жилинские (от Вяземских), Жижемские, Козловские, Селеховские, Корходиновы, Кропоткины и Дашковы [2]).

Все северно-русские князья, общим родоначальником которых был основатель Москвы Юрий Долгорукий, могут быть разбиты на семь основных групп. Разделение пошло от внуков Юрия, — сыновей Всеволода Большое Гнездо, великого князя **ВЛАДИМИРСКОГО.**

От старшего его сына Константина пошли князья **Ростовские, Белозерские и Ярославские;** от четвертого сына — Ярослава, великие князья **СУЗДАЛЬСКИЕ, ТВЕРСКИЕ** и **МОСКОВСКИЕ**, а от седьмого сына Ивана — князья **Стародубские** (Стародуба северного).

Ниже приводятся эти группы, в порядке их старшинства (по отношению к Рюрику):

1. РОСТОВСКАЯ.

Князья **Углицкие, Пужбольские,** Бахтеяровы-Ростовские, Бритые-Р., Буйносовы-Р., Бычковы-Р., Гвоздевы-Р., Голенины-Р., Голубые-Р., Катыревы-Р., Касаткины-Р., Лобановы-Р., Ласткины-Р., Приимковы-Р., Темкины-Р., Щепины-Р., Хохолковы-Р. и Яновы-Р.

2. БЕЛОЗЕРСКАЯ.

Князья **Андомские** или Андожские, **Вадбольские, Белосельские**[3]), **Карголомские, Каргопольские, Кемс-**

---

1) От этих князей идет род Пузына, одна ветвь которого выселилась в Польшу и писалась князьями Пузына-Козельскими. Русская ветвь утратила титул, который был лишь в нынешнем столетии возвращен Ивану Владимировичу Пузына.

2) Фамилия угасшего рода Дашковых, но без княжеского титула была в 1807 году передана графу Ивану Илларионовичу Воронцову, род которого стал писаться графами Воронцовыми-Дашковыми.

кие, Лозские, Осготинские, Сугорские, Ухтомские и Шелешпанские.

3. ЯРОСЛАВСКАЯ.

Князья Алабышевы, Аленкины, **Бельские, Бохтюжские,** Векошкины, Великогагины, Гагины, Гольпины, Голыгины, Деевы, Дуловы, Жерябины, **Заозерские,** Засекины, Засекины-Жировы, Зубатые, **Кубенские, Курбские, Луговские,** Луговкины, Львовы, **Моложские,** Морткины, **Новленские**, Охлябинины, Пенковы, **Прозоровские**[1]), **Сандыревские**, Сисеевы, **Сицкие** или Ситьские, Солнцевы, Солнцевы-Засекины, **Судские** или Судцкие, Темносиние, Троекуровы[2]), Тюменские[3]), Ухорские, Ушатые, Ушатые-Жерябины, Хворостинины, Шамины, Шаховские, Шестуновы, **Шехонские,** Шуморовские, Щетинины[4]) и Юхотские

4. СУЗДАЛЬСКАЯ.

Князья Барбашины, **Березопольские, Галичские, Горбатовы, Городецкие** (Городца Волжского), Долгоглядовы, **Костромские, Курмышские**, Ногтевы-Суздальские, **НИЖЕГОРОДСКИЕ** (великие), **Переяславские** (Переяславля-Залесского), **Польские, Поросские**, Шемякины, Шемякины-Пронские, **Шуйские** и **Юрьевские.**

Князья Шуйские разделились на следующих: Брю-

---

3) Князья Белосельские с 1798 года пишутся князьями Белосельскими-Белозерскими.

1) Фамилия угасших в прошлом веке кн. Прозоровских была в 1854 году передана кн. Александру Федоровичу Голицыну и его потомству, с правом писаться князьями Прозоровскими-Голицыными.

2) Фамилия и титул угасших в 1740 году князей Троекуровых была передана в род дворян Лыщинских с правом писаться князьями Троекуровыми-Лыщинскими.

3) Не смешивать с туземным родом князей Тюменских, пермяцкого происхождения.

4) Утратившему титул роду Щетининых княжеское достоинство было возвращено в 1849 году.

хатые-Ш., Глазатые-Ш., Горбатые-Ш., Кирдяпины-Ш., Кислые-Горбатые-Ш. и Скопины-Шуйские.

5. МОСКОВСКАЯ.

Князья **Боровские**, **Верейские**, **Вологодские**, **Волоцкие** или Волоколамские, **Дмитровские**, **Звенигородские** (Звенигорода московского), **Калужские**, **Медынские**, **Можайские**, **Рузские**, **Радонежские**, **Ржевские**, **Старицкие**, **Серпуховские** и **Устюжские**.

6. ТВЕРСКАЯ.

Князья **Дорогобужские** (Дорогобужа тверского), **Кашинские**, **Микулинские**, **Телятьевские**, **Холмские** (Холма тверского), **Чернятинские** и Чертинские.

7. СТАРОДУБСКАЯ.

Князья Гагарины, Гундоровы, Голибесовские, Ковровы, **Кривоборские**, **Кривозерские**, Льяловские, Небогатые, Неучкины, Осиповские, **Палецкие**, Пестрые, Пожарские, Лопата-Пожарские, Пунковы, Ромодановские [1]), **Ряполовские**, Татевы, Тулуповы и Хилковы.

**
*

В вышепомещенных списках не указаны четыре княжеских рода почти несомненно рюриковского происхождения: Святополк-Мирские, Святополк-Четвертинские, **Чарторыйские и Клеванские.**

Первые звенья их родословных чрезвычайно запутаны и происхождение их точно не установлено. Наиболее вероятным представляется, что первые два рода идут от Черниговских князей, а вторые два от Туро-во-Пинских.

---

1) Фамилия и титул угасшего рода князей Ромодановских в 1798 году были переданы Николаю Ивановичу Лодыженскому и его роду, с правом именоваться князьями Ромодановскими-Лодыженскими.

Следует добавить, что в "Тысячной книге" Ивана Грозного и в некоторых других документах того времени, упоминаются следующие князья, о происхождении которых ничего не известно: Дябринские, Нерыцкие (Неруцкие?), Симоновы, Судимантовы, Фуниковы, Щепотевы, Бибеевы, Умаровы, Гнездиловские и Корбинские. Почти невозможно сомневаться в том, что первые шесть родов рюриковского происхождения, следующие два, надо думать, татарского, а последние два — польско-литовского.

Кроме всех этих княжеских фамилий, от различных удельных князей — Рюриковичей происходит несколько десятков дворянских фамилий, в силу различных причин утративших титул. Четырем из них, — точнее, их старшим ветвям, — возвращено княжеское достоинство, две получили графский титул, однако продолжают существовать и нетитулованные, младшие ветви этих фамилий.

Ниже приводится их перечень, безусловно не полный, так как он составлен почти исключительно на основании наших родословных книг, авторы которых интересовались главным образом теми старинными дворянскими родами, представители которых были известны своими заслугами, общественным положением или занимаемыми должностями, и совершенно игнорировали значительную часть столь же древних, но захиревших дворянских родов.

От князей Черниговской ветви: Караче(е)вы, Каратеевы[1]), Звенигородские[1]) Огинские, Сатины и Буνаковы.

От князей Муромских: Замятины, Злобины и Овцыны.

От князей Смоленских: Аладьины, Бокеевы, Внуковы, Всеволожские, Губастые (позже Губастовы), Дани-

---

[1]) Возвращен княжеский титул.

[2]) Дан графский титул.

ловы, Дмитриевы, Дмитриевы-Мамоновы [2]), Еропкины, Заболотские (позже Заболоцкие), Заболоцкие-Смольяниновы, Карповы, Карповы-Далматовы, Кислеевские (позже Кисловские), Крюковы, Молодые, Монастыревы, Мусоргские, Нетшины, Полевы [3]), Пузыны [1]), Ржевские, Рожественские, Собакины, Судаковы, Татищевы [2]), Толбугины (писались также Толбухиными и Толбузиными), Травнины, Цыплетевы и Шукаловские.

От князей Ярославских: Щетинины[1]).

От князей Галичских: (Галича московского): Березины, Ивины, Ильины, Ляпуновы и Осинины.

**
*

Итак, по этому, может быть, не полному перечню, на протяжении русской истории от Рюриковых корней пошло 348 княжеских и 46 дворянских фамилий.

Впрочем, слово "фамилия" тут можно употребить только условно: названия многих уделов рано исчезнувших, и таких где князья часто менялись (например, Новгородские, Владимир-Волынские, Овручские, Вщижские и т. п.), не перешли в родовые фамилии этих князей, — они носили их только пока владели данным уделом.

С другой стороны, многие составные фамилии, включающие прозвище, как, например, Оболенские-Немые, Ноздреватые-Звенигородские или Шуйские-Кислые-Горбатые, существовали недолго: некоторые вымерли (большинство с помощью Ивана Грозного), другие возвратились к своим основным фамилиям.

Из всех перечисленных в этом очерке княжеских родов, к воцарению Дома Романовых сохранилось не более ста, а к началу нынешнего столетия около тридцати.

Пережили революцию 1917 года и выехали загра-

---

1) и 2) — см. предыдущую страницу.

3) Род Полевых пресекся в 1707 году и фамилия его была передана Павлу Федоровичу Балк и его потомству, которое стало писаться Балк-Полевыми.

ницу представители следующих родов (в алфавитном порядке):

Барятинские, Белосельские-Белозерские, Волконские, Вяземские, Гагарины, Горчаковы, Долгоруковы, Друцкие-Любецкие, Друцкие-Соколинские, Елецкие, Карачевские, Кропоткины, Касаткины-Ростовские, Лобановы-Ростовские, Львовы, Масальские, Мышецкие, Оболенские, Пузына-Козельские, Путятины, Репнины, Святополк-Мирские, Ухтомские, Шаховские и Щербатовы.

Возможно, что сохранились еще Звенигородские, Святополк-Четвертинские и Хилковы[1]).

Сохранилось также около пятнадцати нетитулованных фамилий Рюриковичей. Их отличием является княжеская мантия в гербах, ибо существует много таких же фамилий иного происхождения.

**
*

В заключение, стоит отметить, что в период подчинения Литве обширных областей Руси, многими уделами там владели князья — Гедиминовичи. Некоторые их потомки, обратившись в чисто русских князей, позже были виднейшими боярами московскими и прочно вошли в жизнь и в историю Российского государства.

Таких родов было десять: князья Бельские, Булгаковы, Голицыны, Заславские, Куракины, Мстиславские, Патрикеевы, Трубецкие, Хованские и Волынские (последние — утратившие титул потомки знаменитого воеводы Дмитрия Донского, князя Боброка-Волынского).

Из этих князей ныне существуют Голицыны, Куракины и Трубецкие.

---

[1]) Автор будет чрезвычайно благодарен тем, кто может уточнить или пополнить эти сведения, по адресу:

Dr M. Karatchewsky-Karateeff,
Balneario Atlántida, R. O. del Uruguay.

БИТВА НА КАЛКЕ

"И в то лето по грехом нашим придоша языци незнаемы, никто же весть кто суть и отколе изидоша и что язык их и вера и какого племени суть, а зовуть ся Татары"

Новгородская летопись.

Битва с татарами на реке Калке принадлежит к числу немногих, окончившихся для русского оружия бесславно: несмотря на высокую доблесть и стойкость отдельных полков и лиц, в ней русские потерпели страшное поражение.

Вероятно именно потому, ею наши военные историки особенно не занимались. Впрочем, следует отметить тот достойный сожаления факт, что они вообще не уделили достаточного внимания подробному изучению планов, диспозиций и обстоятельств многих крупных сражений нашей древности, важнейших по своим историческим последствиям. Считается, что о них сохранилось слишком мало данных, которых едва достаёт на то, чтобы лишь в общих чертах представить себе картину происходившего. В большинстве случаев такое мнение ошибочно: данные обычно есть, но они чрезвычайно разрознены, часто противоречивы и вкраплены по крупицам в самые разнообразные исторические источники, русские и иностранные. При внимательном их изучении и сопоставлении, часто представляется возможным восстановить весьма существенные детали и

дать схему того или иного сражения с достаточной точностью.

Возьмем для примера Куликовскую битву. Она считается хорошо изученной и во многих исторических трудах можно видеть ее схему, составленную еще в прошлом столетии и с тех пор не подвергшуюся никаким изменениям, несмотря на то, что были опубликованы некоторые новые материалы, которые позволяют ее уточнить и дополнить, не говоря уже о том, что военная мысль пришла теперь к выводам, в свете которых следует дать более правильную оценку тактики Дмитрия Донского.

Все мы в свое время учили, что это сражение было выиграно главным образом потому, что Дмитрий оставил в засаде отряд, который в решающую минуту ударил сбоку на татар и обратил их в бегство. Во всем этом можно усмотреть лишь естественную предусмотрительность опытного военачальника. Но дело представляется совсем иначе, если указать, что эта "засада" состояла из семидесяти тысяч воинов [1]. Тут уже становится очевидным не простое благоразумие, а подлинный военный гений Дмитрия, — первого в мировой истории полководца, который не побоялся выделить в резерв целую треть своего войска, вопреки "классической" доктрине того времени, предписывавшей сразу бросать в бой все наличные силы, чтобы подавить противника своей массой.

Интересно отметить, что первым последователем этой новой тактики Дмитрия Донского оказался великий азиатский завоеватель Тимур (Тамерлан). Трудно приписать простому совпадению то обстоятельство, что в сражении с ханом Золотой Орды Тохтамышем, на реке Кундурче, он расположил свое войско точно так же, как за одиннадцать лет до этого Дмитрий располо-

---

[1] Эту цифру дает "Задонщина" — повесть Софония Рязанца, бывшего современником и вероятно очевидцем Куликовского сражения, а потому этот источник заслуживает наибольшего доверия. Все остальные описания этой битвы написаны позже.

жил своё на Куликовом поле. Но Тимур на этот раз все же не рискнул выделить достаточно сильный резерв и потому едва не проиграл битвы. Четыре года спустя, — в сражении с Тохтамышем на Тереке, — он это учел: при том же расположении войска резервы теперь были удвоены, что и принесло Тимуру блестящую победу.

Приведу еще одну деталь, показывающую, это эта эпопея не привлекла к себе должного внимания исследователей: принято считать, что известно сорок или сорок пять имен участников Куликовской битвы, тогда как из очерка, помещенного в этом же сборнике, видно, что таких имен сохранилось вчетверо больше.

И если так обстоит дело с изучением одного из самых лестных для нас сражений, где русское оружие покрыло себя бессмертной славой, то что уж и говорить о сражениях нами проигранных! О них просто предпочитают молчать. И это вдвойне досадно, так как в подобных случаях особенно важно найти детали и обстоятельства, освещающие истинные причины неудачи и могущие иногда реабилитировать русское воинство.

К таким особенно непопулярным у нас событиям относится и битва на Калке. Постараюсь обобщить всё что о ней известно из русских и иностранных источников, и на основе возможных из этого материала логических выводов дать схему самого сражения, которая мне представляется близкой к истине.



В 1222 году монголы, покончив с завоеванием Средней Азии, двинулись дальше, на запад, и одна из их орд, под водительством Джебе-нойона и Субедей-баатура, — лучших полководцев Чингиз-хана, — вторгнулась в половецкие степи. Старые русские историки считали, что эта орда прошла между Каспием и Уральскими горами, но это совершенно неверно [1]). Наши летописцы прямо пишут, что им неведомо, откуда пришли

---

1) Этот взгляд опровергли Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский.

татары, а восточные, — прекрасно осведомленные обо всем, что касалось монголов, — говорят вполне определенно, что отряд Джебе и Субедея действовал перед этим в Азербайджане и в Грузии, откуда вышел в земли кипчаков (т. е. половцев), победив по дороге осетин.

Вот что пишет о походе Джебе и Субедея персидский историк Рашид ад-Дин:

> "Из Гурджистана (Грузии) они направились к Дербенду Ширванскому, по пути захватив Шемаху[1]), учинили там поголовное избиение и увели много пленных. Так как пройти через Дербенд было невозможно, они послали ширваншаху сказать: "пришли несколько человек для заключения с нами мира" Он прислал десять своих вельмож, — одного монголы убили, а другим сказали: "если вы покажете нам путь через горы, мы вас пощадим, а иначе тоже убьем" И они из страха показали путь и те прошли"

Таким образом, татарская орда пришла в половецкие степи с Кавказа. Половцы с нею уже встречались в землях осетин, которым они хотели оказать помощь против татар. Но последние наделили их подарками и уговорили не вмешиваться, обещая мир. Однако, покончив с осетинами, татары неожиданно напали на половцев и нанесли им страшное поражение. Главные их ханы, Юрий Кончакович и Данила Кобякович полегли в битве, уцелевшие бежали к берегам Днепра.

Тут следует пояснить, что половцы к этому времени уже не были дикими кочевниками, жившими грабежом русских земель. Они повсеместно переходили на оседлый образ жизни, имели крупные города (Сугров, Шарукань, Балин, Чешуев, Судан, Гуркипчак и другие) и были связаны с Русью тесными политическими, торговыми и бытовыми узами. Множество русских князей было женато на половчанках, половецкие ханы

---

1) Город Шемаха — столица Ширванского ханства.

тоже женились на русских княжнах и принимали православие. В простом народе такое смешение шло еще интенсивней, — не зря половцев в ту пору прозвали на Руси "сватами". Всё это, взамен прежней острой вражды, создавало общность интересов и постоянную необходимость взаимопомощи, а потому половецкий хан Котян Сутоевич теперь обратился к своему зятю, Галицкому князю Мстиславу Удалому и к другим русским князьям, прося у них помощи против нового грозного врага.

"Сегодня татары взяли нашу землю, а завтра и вашу полонят, если мы все дружно не встанем против них", — говорил он. Северные русские князья к его призывам остались глухи, но южные съехались в Киев на совещание, под главенством трех "великих": Мстислава Романовича Киевского, Мстислава Мстиславича Галицкого и Мстислава Святославича Черниговского.

Самым горячим сторонником похода был Мстислав Удалой. Он говорил: "если мы не поможем половцам, они соединятся с татарами и вместе нападут на нас". Князья спорили долго, но в конце концов уговоры Мстислава Удалого и щедрые подарки, на которые не скупился хан Котян, сделали свое дело: было решено, что "лучше встретить басурманов на половецкой земле, нежели на своей", и все согласились на совместный поход.

В нем, кроме трех великих князей, приняли участие: сын Киевского князя Всеволод и сын Черниговского — Василий, со своими дружинами, Даниил Романович Волынский, Михаил Всеволодович Переяславский [1]), Владимир Рюрикович Смоленский, Олег Курский, Александр Туровский, Андрей Вяземский, Изяслав Луцкий, Александр Дубровецкий, Изяслав Каневский, Святослав Шумский, Юрий Несвижский, Мстислав "Немой" Пересопненский, князья Рыльский, Путивльский, Северский, Трубчевский, Торопецкий и другие. Суздальский великий князь Юрий Всеволодович тоже послал на помощь отряд под начальством своего

---

[1]) Будущий великий князь Черниговский, святой Михаил.

племянника, князя Василия Константиновича Ростовского, но он во-время не подошел на соединение с другими и в походе не участвовал.

Сбор был назначен на правом берегу Днепра, у Зарубинского брода, недалеко от города Канева. Галичане и волынцы приплыли сюда на ладьях[2]), спустившись по Днестру в Черное море. Сушею со всех сторон подходили рати и дружины других князей.

Узнав об этих сборах, татары прислали своих послов с такими словами: "мы с Русью войны не хотим и на вашу землю не посягаем. Воюем мы с половцами, которые всегда были вашими врагами, а потому, если они бегут теперь к вам, — бейте их и забирайте себе их добро". Выслушав послов, русские князья приказали их всех перебить.

Вскоре собралось огромное войско, которое выступило вместе, всею массой, но не имело общего командующего. Оно состояло из трех обособленных ратей, подчинявшихся соответственно старшим князьям: Мстиславу Киевскому, Мстиславу Галицкому и Мстиславу Черниговскому, к каждому из которых примкнули со своими ополчениями и дружинами зависимые от них удельные князья. Четвертый самостоятельный элемент этого сборного войска составляли половцы, подчинявшиеся хану Котяну, который из всех русских военачальников признавал только своего зятя — Мстислава Удалого. Котян перед выступлением в поход крестился в православную веру.

От Зарубинского брода двинулись вниз, правым берегом Днепра. Когда подошли к Олешью, прибыли новые татарские послы, которые сказали: "мы вас ничем не обидели и обижать не хотели, но если вы поверили половцам, а не нам, убили наших послов и сами хотите войны, — пусть нас рассудить Бог!" — На этот раз послов отпустили живыми и начали переправу.

Первыми перешли на левый берег Даниил Романо-

---

[2]) Летописи указывают цыфру в 2.000 ладей.

вич Волынский и Мстислав Удалой с десятью тысячами воинов[1]) и обнаружив здесь передовой отряд неприятеля, смело ударили на него. После короткого, но кровопролитного боя татары были обращены в бегство, а их командующий Гани-бек убит. Тем временем перешли Днепр половцы и пустились в преследованье татар, а затем переправились и все русские полки.

Передовым отрядом выступили отсюда волынцы, во главе со своим князем, за ними в непосредственной близости следовали Мстислав Удалой с галичанами и половцы, остальные двигались сзади. Такой порядок следованья сохранялся до самого конца похода.

На четвертый или пятый день пути Даниил Романович догнал орду и оповестив о том Мстислава Удалого, который быстро подоспел к нему на подмогу, — вступил с нею в бой. Татары стойкого сопротивления не оказали и скоро обратились в бегство. Волынцы их преследовали до самой темноты, рубя отстающих, и отбили много скота.

После этого русское войско еще восемь дней двигалось на восток не видя неприятеля. Но на берегу реки Калки[1]) их ожидал передовой отряд татар, который после короткого боя был отброшен за реку и вскоре скрылся из виду.

Мстислав Удалой приказал Даниилу Романовичу с волынцами перейти Калку и осмотреть местность на другом берегу. Эта разведка не обнаружила поблизости крупных сил неприятеля, а потому всё русское войско, не опасаясь нападения во время переправы, перешло реку и расположилось на левом берегу тремя отдельными станами, на расстоянии нескольких верст один от другого.

Едва устроив свой стан, Мстислав Удалой лично выехал вперед, на разведку. Очевидно именно тут про-

---

[1]) Некоторые летописи указывают цыфру в 20.000.

[1]) Калка, — ныне Кальчик, — приток реки Кальмиуса, впадающей в Азовское море.

изошла его встреча с атаманом бродников[2]) Плоскиней, который обещал ему свою помощь против татар и видимо укрепил его в мысли, что победа над ними будет легка. Есть данные позволяющие думать, что Мстислав чем-то обидел Плоскиню или отказал ему в какой-то просьбе и потому бродники, вопреки данной ими клятве, не только ничем ему не помогли, но, как известно, в битве на Калке сражались на стороне татар.

Так или иначе, Мстислав Удалой доехал до татарского стана и оглядев его, пришел к заключению, что силы неприятеля не слишком велики и что будет нетрудно разбить их без помощи Киевского и Черниговского князей, стяжав для себя одного всю честь победы. Возвратившись назад, он приказал своему войску и половцам изготовиться к бою, в то время как два другие Мстислава в полнейшем о том неведеньи спокойно отдыхали в своих станах.

Битва началась утром 31 мая 1223 года. Относительно расположения трех русских станов и боевого порядка войска Мстислава Удалого известно только то, что в сражении на правом фланге у него находился Даниил Романович со своими волынцами. Однако, призвав на помощь косвенные данные и логику, можно почти с полной уверенностью определить и всё остальное.

Многие русские историки совершенно неосновательно считают, что на левый берег Калки перешел только Мстислав Удалой, тогда как Киевский и Черниговский князья разбили свои станы на правом берегу, почему и не могли во-время поспеть на помощь Удалому. Этой грубой ошибки не избежала и советская историческая энциклопедия, в которой читаем: "князь Галицкий Мстислав Удалой, Волынский князь Даниил

---

2) Бродники — полуразбойничья вольница, состоявшая из всевозможного беглого люда, собиравшегося в низовьях Днепра и к этому времени представлявшая собой значительную и хорошо организованную общину.

и половцы перешли через Калку, другие князья остались на западном берегу".

Это противоречит и логике и летописным данным. Прежде всего, обратившиеся в бегство половцы не могли бы по пути смять стан Черниговского князя, — как отмечают все летописи, — если бы он находился на другом берегу. В новгородской летописи сказано совершенно определенно: "князи рускии поидоша все въкупе и заидоша за Калак реку, и послаша в сторожих Яруна с половцы, а сами сташа тут" В Симоновской летописи и у Татищева тоже находим: "князь же великий (Киевский) перешедь реку Калку ста, а Мстислав Мстиславич (Удалой) иде с полком своим за татары и послав в сторожу Яруна с половци".

Таким образом, не может быть никакого сомнения в том, что все русское войско перешло Калку и расположилось на ее левом, восточном берегу тремя отдельными станами. Центральным, несомненно, был стан Мстислава Удалого: он всё время шел впереди и находился в соприкосновении с неприятелем, догнав которого остановился прямо перед ним, выдвинувшись, как отмечают летописи, немного вперед и выслав в сторожевое охранение половцев, под начальством одного из их князей — Яруна.

Стан Киевского князя находился на самом берегу реки, — это мы знаем совершенно точно из летописей. Приведем выдержку хотя бы из новгородской: "Мьстислав же Кыевскый князь став на горе над рекою, над Калкомь бо бе то место камянисто и тут устрои город округ себе на колех" Следовательно он стоял позади и, как будет видно из дальнейшего, — справа от войска Мстислава Галицкого.

Стан Черниговского князя на берегу во всяком случае не стоял, иначе бегущие половцы его бы не смяли: броситься в реку и начать переправу они могли справа или слева от него и было бы безумием врываться для этого в чужой, стоящий на берегу лагерь, тем самым осложняя себе переправу и уменьшая шанс на собственное спасение. Следовательно черниговский стан

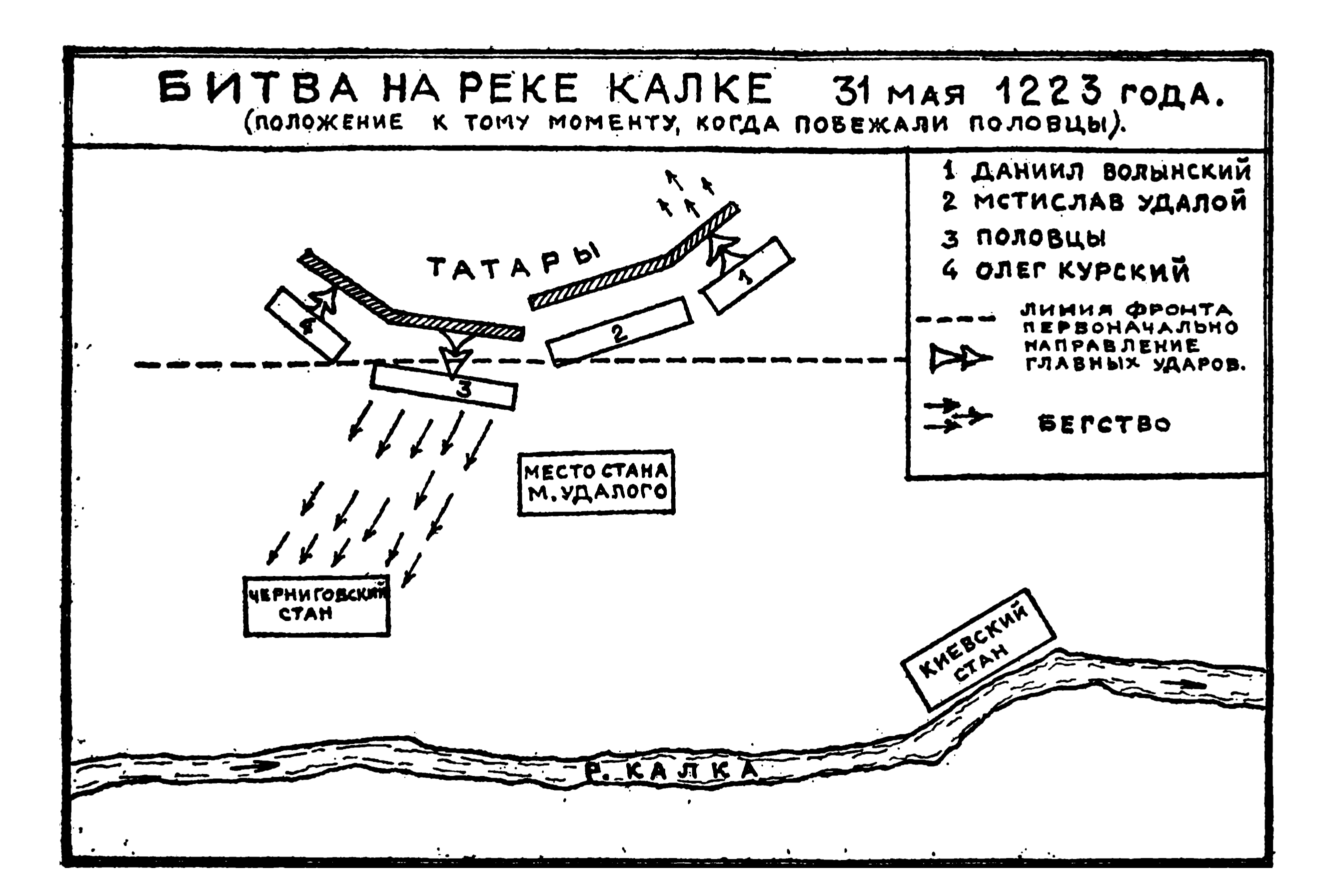
был выдвинут немного вперед и находился ближе к расположению Мстислава Удалого, — между ним и рекой, — чуть слева. Последнее можно утверждать вот почему: из летописей нам известно, что в сражении принимал участие князь Олег Курский со своей дружиной, который "крепко бишася с татары, яко же и половецкий князь Ярун"[1]). Курский князь не имел никакого отношения к войску Мстислава Удалого, которое состояло из галичан, волынцев и половцев, — он был вассалом Черниговского князя, значит, выйдя из его стана, примкнул к сражению, когда оно уже началось.

Место его в боевой линии определить не трудно: он мог пристроиться только на одном из флангов, — разумеется на том, который находился ближе к черниговскому стану. В своем боевом построении Мстислав Удалой с галичанами стоял, конечно, в центре, — это было узаконенное традицией место старшего начальника, возглавляющего основную ударную силу войска, каковой в данном случае являлись галичане. Правое его крыло составляли волынцы, следовательно на левом были половцы. К их флангу и пристроился Олег Курский со своей дружиной, — это вполне подтверждается тем, что летопись, касаясь сражения, упоминает его вместе с половецким князем Яруном, а также и тем, что половцы, обратившись в бегство, смяли по пути стан Черниговского князя, — откуда вышел Олег Курский. Вывод из всего этого совершенно ясен: черниговский стан находился слева от Мстислава Удалого, а киевский справа.

Вначале сражение развивалось для русских удачно. Даниил Романович, первым вступивший в битву, вдохновляя личным примером других, по свидетельству летописцев, рубился с беспримерной храбростью, не обращая внимания на полученные раны. Ему вскоре удалось на своем фланге сбить татар и они начали отходить. Сильно теснил их и слева Олег Курский, — казалось, еще немного и орда окажется в мешке. Но тата-

---

1) Никоновская летопись.


БИТВА НА РЕКЕ КАЛКЕ 31 мая 1223 года.
(положение к тому моменту, когда побежали половцы).
1 Даниил Волынский
2 Мстислав Удалой
3 Половцы
4 Олег Курский
линия фронта первоначально
направление главных ударов.
бегство
ТАТАРЫ
1
2
3
4
МЕСТО СТАНА М. УДАЛОГО
ЧЕРНИГОВСКИЙ СТАН
КИЕВСКИЙ СТАН
Р. КАЛКА

ры главный удар направили на половцев, которые, не выдержав натиска, внезапно обратились в беспорядочное бегство. Преследуемые по пятам рубящими их ордынцами, они в поисках спасения бросились в стан князя Мстислава Черниговского, смяв и расстроив его полки, уже готовые к выступлению.

Это решило дело в пользу татар. Не давая никому времени опомниться, они стремительно атаковали с разных сторон разорванное на части и ошеломленное случившимся русское войско, которое не выдержав этого бурного натиска, пустилось в бегство.

Положение мог еще спасти князь Мстислав Романович Киевский, имевший полную возможность в этот момент ударить во фланг татарам. Но, возмущенный тем, что Мстислав Удалой начал битву без него, он теперь не захотел его выручать и приказав спешно укрепить свой лагерь, безучастно и наверное не без злорадства наблюдал, как бежали с поля сражения другие русские полки.

Часть татарской орды, под водительством Джебе и Субедея, бросилась в преследованье бегущих и гнала их до берегов Днепра. Другая часть, во главе с темниками Чегир-ханом и Таши-ханом, осадила стан Киевского князя. Он храбро отбивался три дня, но погубило его новое предательство бродников: их атаман Плоскиня, посланный татарами на переговоры, поклялся на кресте что если русские положат оружие — никто из них не будет убит, а князей и воевод отпустят домой за выкуп. Поверив этому, Мстислав Романович сдался. Но татары, как известно, своего обещания не сдержали: все русские князья и военачальники были положены под доски и задавлены победителями, усевшимися сверху пировать. Простых воинов увели в рабство.

На берегах Калки русское воинство потеряло семьдесят тысяч человек. Сверх того, очень многие погибли при преследованьи, в том числе шестеро князей: Мстислав Черниговский, его сын Василий, Изяслав Луц-

кий, Юрий Несвижский, Святослав Шумский и Изяслав Каневский. Из русских воинов, вышедших в этот поход, согласно летописям, только "десятый каждый прииде во свояси"

Между прочим, с этой злосчастной битвой народный эпос связывает гибель русских богатырей. Интересно отметить, что среди убитых летописи называют имена Александра Поповича и Добрыни Рязанца, эти лица существовали в действительности и очевидно были знаменитыми воинами, раз они удостоились подобного упоминания наряду с князьями.

Мстислав Удалой и Даниил Романович — тяжело раненный в грудь и оставшийся в народной памяти подлинным и безупречным гороем этого похода, — благополучно достигли берегов Днепра и переправившись с остатками войска на правый берег, уничтожили за собой ладьи и плоты. Но татары их дальше не преследовали. Разграбив левобережные русские земли, они ушли за Волгу, где потерпели поражение от болгар и возвратились в Среднюю Азию.

Такую же, в общих чертах, картину дают нам и восточные летописи. Арабский историк 13-го века Ибн ал-Асир пишет:

> "Русские и кипчаки, успевшие приготовиться к вторжению, вышли на путь татар. Узнав это, татары обратились вспять. Тогда русские и кипчаки, полагая что они повернули из страха и по бессилию, усердно стали преследовать их. Татары не переставали отступать, а те гнались за ними двенадцать дней, но потом татары оборотились на русских и кипчаков. Для последних это было полной неожиданностью, ибо они были уверены в своем превосходстве и считали себя в безопасности. Не успели они приготовиться к бою, как на них напали татары со значительно превосходящими силами. Обе стороны бились с неслыханным упорством и бой между ними длился несколько дней. Наконец татары одолели и одержали побе-

ду. Русские и кипчаки обратились в сильнейшее бегство, их было убито множество и спастись удалось лишь немногим“.

***

В заключение остается сказать, что в 1223 году татары еще не были готовы к завоеванию Руси и вероятно даже не имели на этот счет никаких определенных решений. Поход Джебе и Субедея был лишь глубокой разведкой. Русские князья, сами навязавшие им сражение и проигравшие его, несмотря на очевидное превосходство сил, тем самым обнаружили перед татарами свою слабую сторону (разрозненность) и породили в них уверенность в том, что предпринять завоевательный поход на Русь можно будет без особого риска.

И они с успехом осуществили это четырнадцать лет спустя.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

"Лета 6771[1]) месяця ноября в 14, преставися князь Олександр. Дай Господи милостивый видети ему лице Твое в будущий век, иже потрудися много за Новъгород и за всю Руськую землю"

Новгородская летопись.

Александр Невский, — князь из линии Мономаховичей, — правнук Юрия Долгорукого и внук Всеволода Большое Гнездо, родился 30 мая 1220 года. Многие считают, что по матери он был половцем, так как отец его, великий князь Ярослав Всеволодович, первым браком был женат на дочери половецкого хана Юрия Кончаковича. Но из летописей видно, что эта первая жена князя Ярослава умерла за семь лет до рождения Александра. Вторично он женился на дочери Мстислава Удалого, но два года спустя с нею развелся и все дети его были от третьего брака — с княжною Феодосией Игоревной Рязанской.

Александру Ярославичу довелось жить в самую мрачную эпоху русской истории: окончательно утратив не только свое государственное единство, но и чувство единодержавной общности, Русь дробилась на всё более мелкие уделы и служила ареной беспрерывных княжеских усобиц; теснимые рыцарями-меченосцами, с запада в нее начали вторгаться литовцы; когда Алек-

1). 1263 г. христианской эры.

сандру было семнадцать лет, на Русскую землю обрушилось страшное татарское нашествие. И в довершение всего, этими несчастиями не преминули воспользоваться западные враги Руси, — немцы и шведы, — побуждаемые Ватиканом. Они явно стремились к захвату Новгородской земли и Псковщины, — единственных русских областей не порабощенных татарами, — и, казалось, не было ни ратной ни моральной силы, способной оказать им серьезное сопротивление и предотвратить опасность полного раздела Руси между завоевателями восточными и западными.

Безнадежность положения и общий упадок духа весьма образно характеризуют следующие слова современника-летописца:

> "не можно стало Божьему гневу противитися егда грозу и страх и трепет наведе на нас за грехи наши и изсякло умение воевод ратных и сердца крепких в слабость женьскую облачешеся".

Но милостью судьбы нашелся на Руси человек не поддавшийся этой слабости и сумевший поднять русских людей на борьбу и на подвиг. "Как тяжкий млат, дробя стекло, кует булат", — именно эта исключительно трудная обстановка способствовала быстрому развитию блестящих дарований Александра и очень рано превратила его из отрока в зрелого и мудрого государственного мужа.

С восьмилетнего возраста он, вместе со своим старшим братом-погодком Феодором жил и воспитывался в Великом Новгороде, где его отец (тогда еще не великий князь) неоднократно княжил, то изгоняемый новгородцами за крутой нрав, то снова призываемый в минуты опасности. В шестнадцать лет, — по смерти брата, — Александр уже самостоятельно княжит в Новгороде, — в этом труднейшем для управления городе-республике, с его буйной вольницей и своенравной "госпо́дой", которая стремилась свести князя на положение простого воеводы, а за собою оставить всю полноту государственной власти. Но юный князь тверд и неподатлив. Действуя умно и настойчиво, он

обуздывает одних, приобретает симпатии других, и шаг за шагом расширяет свои права.

Первые годы его княжения прошли сравнительно спокойно. Татарское нашествие Великого Новгорода непосредственно не коснулось, — Орда, разорившая почти все другие города Руси, до него не дошла, хотя новгородцы и вынуждены были признать над собою власть татарского хана. Но на западе сгущались тучи: Ливонские рыцари, уже овладевшие всей Прибалтикой, начали совершать нападения на русские земли; участились набеги литовцев; тревожные слухи приходили со шведских рубежей. И понимая, что главная опасность грозит сейчас именно отсюда, Александр готовится к ее отражению: он ставит "морскую стражу" на побережьи Финского залива и приказывает строить крепости по реке Шелони, вдоль западной границы новгородских владений.

В 1239 году он помог Полоцкому князю Брячиславу отразить нападение литовцев и закрепил этот союз женитьбой на его дочери Александре. Впрочем Брячеслав, запуганный немцами, которые уже захватили западные окраины Полоцкого княжества и прочно там утвердились, — никакой помощи в борьбе с ними своему зятю не оказал.

Разумеется, ни Ливонские рыцари, ни руководивший их действиями Ватикан, не думали удовлетвориться завоеванием Прибалтики и рассматривали ее только как плацдарм для широкого наступления на русские земли.

Папство с первых же веков оформления русской государственности стремилось окатоличить и духовно подчинить себе Русь. В настоящем очерке нет возможности останавливаться на рассмотрении всех этих попыток, — отметим только, что особенной активностью папского престола ознаменовался, в этом направлении, одиннадцатый век, — период кровавых усобиц между сыновьями и внуками Ярослава Мудрого. Но если тогда Ватикан действовал исключительно дипломатичес-

кими путями, то в эпоху Александра Невского он открыто перешел к политике силы.

В своевременности такого образа действий папскую курию укрепили две важные предпосылки: в 1204 году крестоносцам удалось захватить Константинополь и предав его варварскому разгрому, основать на развалинах Византии так называемую Латинскую империю [1]), чем устои православного мира были значительно ослаблены. Несколько позже Ливонский Орден, — созданный под предлогом обращения в христианство языческих племен Прибалтики, — успешно завершил первый этап своей деятельности и твердою ногою стал на западных рубежах Руси.

Какими способами рыцари проводили эту "христианизацию", достаточно хорошо известно из славянских летописей. Однако, для тех кто склонен подозревать эти источники в пристрастности, приведем здесь свидетельства другой стороны, — выдержки из "Ливонской хроники", автором которой является католический монах Генрих Латвийский, очевидец и участник этих событий. Касаясь действий Ордена в Прибалтике, он пишет:

> "Орденские братья распределили свое войско по всем дорогам, областям и деревням, и стали сжигать и опустошать всё на своем пути. Всех мужчин убивали, женщин и детей уводили с собой. Угоняли также весь скот и коней".

Далее в своей хронике, описывая события относящиеся уже не к "обращению" язычников, а к вторжению рыцарей в земли Псковского княжества, он пишет:

> "Стали они грабить деревни, убивать мужчин и полонять женщин, и обратили в пустыню всю местность вокруг Пскова. А после туда приходили другие наши отряды и наносили такой же вред, и всякий раз возвращались с большой добычей". —

[1]) Эта империя просуществовала около шестидесяти лет.

И далее: — "Те, кто укрепились на русской земле, устраивали засады на полях, в лесах и в деревнях, хватали и убивали людей, не давая русским покоя, уводили коней, скот и женщин их"

Из этих примеров хорошо видно, какую участь готовили русскому народу католические рыцари, только и ожидавшие удобного момента для широкого движения на восток.

В 1227 году на папский престол вступил особенно воинственный и агрессивный папа Григорий 9, который сразу же приступил к решительным действиям против Руси. Особой буллой он объявил, что принимает Ливонских рыцарей под своё высокое покровительство, "со всем имуществом их, настоящим и будущим". И немедленно принял меры к увеличению этого имущества за счет русских земель. Однако силы ливонцев оказались для этого недостаточными: едва они приступили к действиям, их разбил под Юрьевом отец Александра Невского, князь Ярослав Всеволодович. Два года спустя еще более жестокое поражение нанесли им литовцы и Ливонский Орден был обескровлен. Тогда, в 1237 году, папа Григорий объединил его с могущественным Тевтонским Орденом, который действовал в Пруссии.

Влив, таким образом, в немецкую Прибалтику свежие силы и пользуясь тем, что все внутренние области Руси были опустошены татарским нашествием, папа, в начале 1240 года, открыто приступил к созданию мощной антирусской коалиции из близьлежавших католических государств: Ливонию, Данию, Швецию и Ганзейский союз он призывает к торговой блокаде Руси. объединенным рыцарским Орденом предписывает вторгнуться в русские земли, а Швецию поднимает в крестовой поход на Новгород, — под тем предлогом, что финны, ранее обращенные в католичество, отрекаются от него под влиянием "врагов креста" русских.

Не подлежит сомнению, что Ватикан планировал одновременный удар на Новгород, с двух сторон. Но

шведы, уверенные в своих силах и не склонные делить славу и добычу с кем-либо другим, подготовились к походу раньше немцев и не стали их ожидать.

Летом их многочисленное и прекрасно снаряженное войско, под водительством ярла Биргера[1]), на многих кораблях вошло в Неву и остановилось у впадения в нее реки Ижоры. Отсюда Биргер, — уверенный в том, что неподготовленный к нападению Новгород не сможет оказать ему серьезного сопротивления, — послал сказать князю Александру: — "если можешь, защищайся. Но я уже здесь и полоняю твои земли"

О высадке шведов Александр знал уже от своей "морской стражи". Войска у него было мало, — гораздо меньше чем у Биргера, — но он не стал терять времени на его пополнение, понимая, что в данном случае важнее всего быстрота действий и внезапность удара.

От Новгорода до устья Ижоры сто пятьдесят верст. Не прошло и недели со дня получения известий о вторжении шведов, как Александр со своим войском был уже там. В лагере Биргера его так скоро не ожидали и потому в нем царила полная беспечность. Часть шведского войска расположилась в шатрах на берегу, между Невой и Ижорой; другая часть оставалась на кораблях, которые стояли на Неве, со сходнями переброшенными на берег.

Лесами подойдя сюда на рассвете 15 июля, Александр лично всё это высмотрел и определил план боя. Разделив свое войско на две части, он, во главе конницы, обрушился прямо на центр спавшего шведского лагеря. Другой отряд, под начальством новгородца Гаврилы Олексича, ударил вдоль Невы, опрокидывая сходни кораблей и отрезая их от сражавшихся на берегу.

---

1) Ярл или граф Биргер был зятем шведского короля Эрика Картавого.

Застигнутые врасплох шведы не смогли оказать стойкого сопротивления. Вскоре они оказались зажатыми в угол между двумя реками и думали только о том, как бы добраться до своих кораблей. Но это было нелегко сделать: почти все сходни были опрокинуты, на трех кораблях люди Гаврилы Олексича успели прорубить днища и они тонули. Остальные, обрубив причальные канаты, спешили отойти от берега.

Сам Гаврила Олексич, преследуя убегавшего шведского королевича, на коне ворвался по сходням на корабль. Сброшенный оттуда в воду, он выплыл и после этого еще убил на берегу шведского воеводу и епископа. Тем временем князь Александр пробился к самому шатру Биргера и лично схватившись с ярлом, ранил его копьем в лицо. Княжеский дружинник Савва опрокинул шатер шведского полководца, с укрепленным над ним знаменем, и это довершило смятение шведов. В числе "мужей храбрых", особенно отличившихся в этот день, летопись называет еще четыре имени: Сбыслав Якунович, Яков Полочанин, Миша Новгородец и воин Ратмир.

Наконец уцелевшим шведам удалось взобраться на корабли и они поспешили отплыть от негостеприимных русских берегов. Но часть их кораблей все же стала добычей новгородцев. Весь бой был проведен в стремительно-бурном темпе, с расчетом не дать неприятелю времени, чтобы опомниться и осознать своё численное превосходство. Потери в войске Александра были незначительны: всего несколько десятков убитых. Шведов полегло множество. Летопись говорит, что их трупами новгородцы нагрузили три шведских корабля и пустили их по течению, вслед уходящему Биргеру. Остальных убитых шведов "без числа пометали в яму".

Эта блестящая победа двадцатилетнего Александра принесла ему общепризнанную славу и почетное прозвание Невского. Значение ее для Руси было очень велико, и не только в политическом смысле, но и в духовном: Биргер ступил на Русскую землю не как простой завоеватель, а как папский крестоносец, воинст-

НЕВСКАЯ БИТВА

15 июля 1240 г.

ИЖОРА

ШВЕДЫ

НЕВА

Г. ОЛЕКСИЧ

АЛЕКСАНДР

вующий враг православия. Весьма важно было и то, что эта победа Александра сохранила за Русью ее единственный тогда выход к морю. Именно отсюда начинается почти пятисотлетняя борьба шведов за финское побережье, с целью лишить Россию этого выхода. Эта борьба, как известно, при Петре Первом закончилась для Швеции потерей ее положения мировой державы. А сам Петр считал себя только завершителем дела, начатого Александром, прах которого он повелел торжественно перенести из Владимира в Петербург, в основанную им Александро-Невскую лавру.

**
*

Возвратившегося с победой Александра народ встретил в Новгороде восторженно. Но господа, внешне славившая князя вместе с другими, в душе этих восторгов не разделяла: ее беспокоила растущая популярность молодого полководца, ибо она понимала, что такой князь не захочет оставаться послушным исполнителем чужой воли.

Народоправство в Великом Новгороде было только вывеской, а на деле всем заправляла боярская и купеческая верхушка, так называемая "господа", которая оберегала свою власть очень ревниво. Князь ей был нужен только как защитник от внешних врагов. Он был не наследственным, а выборным, в Новгород всегда приходил со своей дружиной и выбирали его обычно с таким расчетом, чтобы в случае необходимости, он имел возможность почерпнуть недостающую Новгороду воинскую силу из своего "природного" княжества. Но в то же время господа принимала все меры к тому, чтобы эта сила не могла обеспечить князю захват прочных позиций в самом Новгороде и получение действительной власти.

Так, по новгородским законам, князю, его боярам и дружинникам запрещалось приобретать в землях Великого Новгорода какое-либо недвижимое имущество, даже на арендных началах; запрещалось принимать недвижимость или крестьян в залог; князь не имел права

жаловать никого из отличившихся новгородцев землей или привилегиями, — как не мог, даже за явную измену, урезать кого-либо в правах или конфисковать имущество изменника. Он не мог своею властью сместить ни одно должностное лицо, и не имел права единоличного суда или решения по какому-либо важному вопросу, — во всем этом обязательно должны были участвовать посадник, епископ и представители госпòды. Иными словами, в Новгороде князь имел гораздо меньше прав и свободы действий, чем любой воевода в иных княжествах.

Конечно, с этой своей зависимостью и связанностью князья, как могли, боролись и подобные договоры обычно нарушали. Если эти нарушения бывали серьезными, новгородское вече, — соответствующим образом подготовленное госпòдой, — такому князю "указывало путь из Новгорода"

Александр Невский, — также как и его отец, — энергично боролся за расширение княжеской власти в Новгороде. И после победы над шведами, почувствовав под собой твердую почву, начал действовать в этом направлении с большой решительностью. Он мало считался с запретами госпòды, не упускал случая подорвать силу и значение наиболее своенравных представителей новгородского боярства, укреплял положение преданных ему людей и во многих случаях вершил суд своим именем. Из одной сохранившейся грамоты видно, что в земельной тяжбе какой-то крестьянской общины с монастырем, он стал на сторону крестьян и решил дело в их пользу, несмотря на протесты епископа и посадника.

Как следствие всего этого, очень скоро госпòда, позабыв на время свои собственные раздоры, объединилась против Александра. На созванном вече, — где бояре, как обычно, заранее обеспечили себе победу путем угроз и подкупов, — князю бросили ряд несправедливых обвинений и самую победу его над шведами представили как авантюру, которая принесла Новгороду больше вреда, чем пользы. Возмущенный Александр,

не дождавшись даже конца вечевого схода, покинул Новгород и уехал в город Переяславль Залесский, принадлежавший его отцу.

Но не прошло и года, как новгородцам пришлось звать его обратно: рыцари-немцы вторглись в русские земли, захватили город Изборск, а вслед за ним и Псков. Стоит отметить, что овладеть этой неприступной крепостью, которая за свою историю выдержала уже двадцать шесть осад и ни разу не была взята неприятелем, — немцам удалось только благодаря измене псковского посадника Твердилы Ивановича и нескольких бояр, отворивших осаждающим ворота. Но так или иначе рыцари к концу 1240 года прочно утвердились на Псковщине, а затем двинулись в новгородские земли. В короткий срок они захватили Копорье, где сейчас же начали строить сильную крепость, овладели всей Вотской пятиной, опустошили берега Луги и взяв Сабельский посад, оказались в сорока верстах от Новгорода. И тогда народ заставил госпóду снова звать Александра, ибо по общему мнению только он способен был дать решительный отпор врагу.

Однако Александр возвратиться в Новгород не пожелал и вместо него князь Ярослав Всеволодович послал туда своего второго сына Андрея. Но вече его не приняло. К Александру теперь отправился сам новгородский епископ Спиридон с выборными людьми, — они молили князя позабыть прежние обиды и спасти Новгород. На этот раз, выговорив себе некоторые особые права, Александр изъявил согласие и явившись в Новгород был встречен всенародным ликованием.

Немедленно собрав войско из новгородцев, ладожан и карелов, он внезапным ударом отобрал у рыцарей крепость Копорье, затем нанес им еще несколько поражений и к концу 1241 года полностью очистил от них новгородские земли.

Получив из Переяславского княжества подкрепление, которое привел его брат Андрей, в начале следующего года Александр двинулся в подвластную Ордену землю эстов, но по пути неожиданно для всех свернул

к Пскову и захватив немцев врасплох, овладел этим городом. Несколько десятков взятых в плен рыцарей он отправил в Новгород, шестерых псковских бояр-изменников приказал повесить и пополнив свое войско псковичами, продолжал поход в ливонские земли.

Завоевательных целей он себе, конечно, не ставил, — для того, чтобы овладеть Ливонией и там закрепиться, сил у него было явно недостаточно. Но он хотел показать рыцарям, что нельзя безнаказанно посягать на русские земли, и рассчитывая на победу в открытом бою, — этим походом вынуждал немцев принять решительное сражение.

За Чудским озером, уже в пределах вражеской земли, передовой отряд Александра, шедший под начальством псковских воевод Домаша и Кербета, натолкнулся на главные силы неприятеля и был разбит. Воевода Домаш пал в этой битве, а ободренные победой рыцари двинулись по пятам бежавших псковичей. Тогда, поняв, что немцы сами ищут генерального сражения, новгородский князь решил дать его в наивыгоднейших для себя условиях. Он отошел назад, к замерзшему Чудскому озеру и расположив свое войско на льду, стал ожидать подхода меченосцев. Как будет видно из дальнейшего, в выборе позиции и в плане битвы он проявил подлинную гениальность, ибо учёл до мелочей и использовал всё, что могло способствовать его победе.

Подлинное место Ледового побоища долгое время оставалось спорным и только несколько лет тому назад его удалось определить вполне точно.

Из летописей было известно лишь то, что сражение произошло на льду Чудского озера "у Вороньего Камня, на Узмени", и что разбитых немцев гнали оттуда семь верст "до Соболического берега", причем часть их провалилась под лед.

Таким образом, для определения места битвы имелось три географических ориентира: Вороний Камень, Узмень и Соболический берег. Но оказалось, что Во-

роньих Камней около Чудского озера более десятка, названия Соболического или Собольего берега не сохранилось даже в народной памяти, а что касается Узмени, то удалось установить, что ныне существующая на западном берегу озера деревня Мехикорма когда-то называлась Узменкой. Но это не внесло в дело ясности, ибо Узменью называли также пролив между Чудским и Псковским озерами, и даже южный угол Чудского озера, ныне называемый Теплым озером. В силу этого возникал ряд неясностей: что подразумевал летописец под названием Узмень, — деревню, пролив или Теплое озеро? С Вороньими камнями был еще бо̀льший выбор; кроме того, — т. к. все эти камни находятся на берегу, — сам собой напрашивался вопрос: как битва могла произойти у одного из этих камней и в то же время в семи верстах от берега?

В целях обстоятельного изучения всех деталей, в 1956 году советская Академия Наук отправила на Чудское озеро специальную экспедицию, во главе с русским ученым Г. Н. Караевым, который два года спустя опубликовал результаты своего исследования в 14-м томе "Трудов древнерусской литературы" Эта публикация сводится к следующему:

в основу своих изысканий Караев положил тот достоверно известный факт, что в столь пересеченной и лесистой местности, как та, которую он увидел вокруг Чудского озера, — войско зимою могло передвигаться только по льду замерзших рек. Следовательно для определения того участка озера, на котором произошла битва, нужно было, прежде всего, найти две впадающие в него достаточно широкие реки, по которым могли подойти сюда с запада немцы, а с востока русские. Они нашлись без труда: в южную часть озера, прежде носившую название Узмени, со стороны Ливонии впадает река Эймаыга[1]), а со стороны Новгорода — река Желча. Тут Караев и начал свои поиски.

Ему удалось установить следующее: в этой части

---

[1]) Прежде эта река называлась Эмбах.

озера, между устьями названных рек, имеется группа островов, один из которых носит название Вороньего, но окрестные жители называют его не островом, а Вороньим Камнем. При дальнейших исследованьях выяснилось, что прежде этот остров составлял одно целое со смежным островом Городец[1]) и на западной его оконечности существовал высокий песчанниковый утес, известный под названием Вороньего Камня. Нашелся и "Соболический берег": оказалось, что в озере водится рыба собаль или соболёк, которая весной в большом количестве собирается у западного берега, как раз там где в озеро впадает Эймаыга, — тут и в наши дни ежегодно производится лов этой рыбы. От Вороньего Камня до этого берега ровно семь верст, как и сказано в летописи.

Выяснил Караев и еще одно весьма интересное обстоятельство: с запада к островам примыкает довольно обширная зона воды, называемая Сиговицей[2]). Вследствие некоторых особенностей течения и иных природных условий, лед на ней бывает очень тонок, — жители приозерья это хорошо знают и зимой всегда объезжают это место стороной. Несомненно, знал это и Александр Невский, войску которого удалось загнать сюда и утопить часть бегущих немцев.

Таким образом, место найденное Караевым вполне совпадало со всеми данными летописи. В последующие годы Академия Наук снарядила туда еще ряд экспедиций, которые тщательно и всесторонне исследовали дно озера и все окрестности, производились также археологические раскопки. Сделанные находки полностью подтвердили правоту Караева. На дне, возле Вороньего острова, были найдены остатки каменного укрепления и фундамент церкви святого Михаила, со-

---

[1]) Точно также соседние острова Станок и Лежница прежде составляли один остров, который назывался Озолицей.

[2]) Такое название эта зона получила потому, что сюда, в более теплую воду, зимой в изобилии собираются водящиеся в озере сиги.

гласно летописям построенной псковичами на месте одержанной победы. Тут во времена Александра Невского, несомненно существовал наблюдательный и хорошо укрепленный опорный пункт, служивший передовой заставой Новгорода на пути в Ливонию.

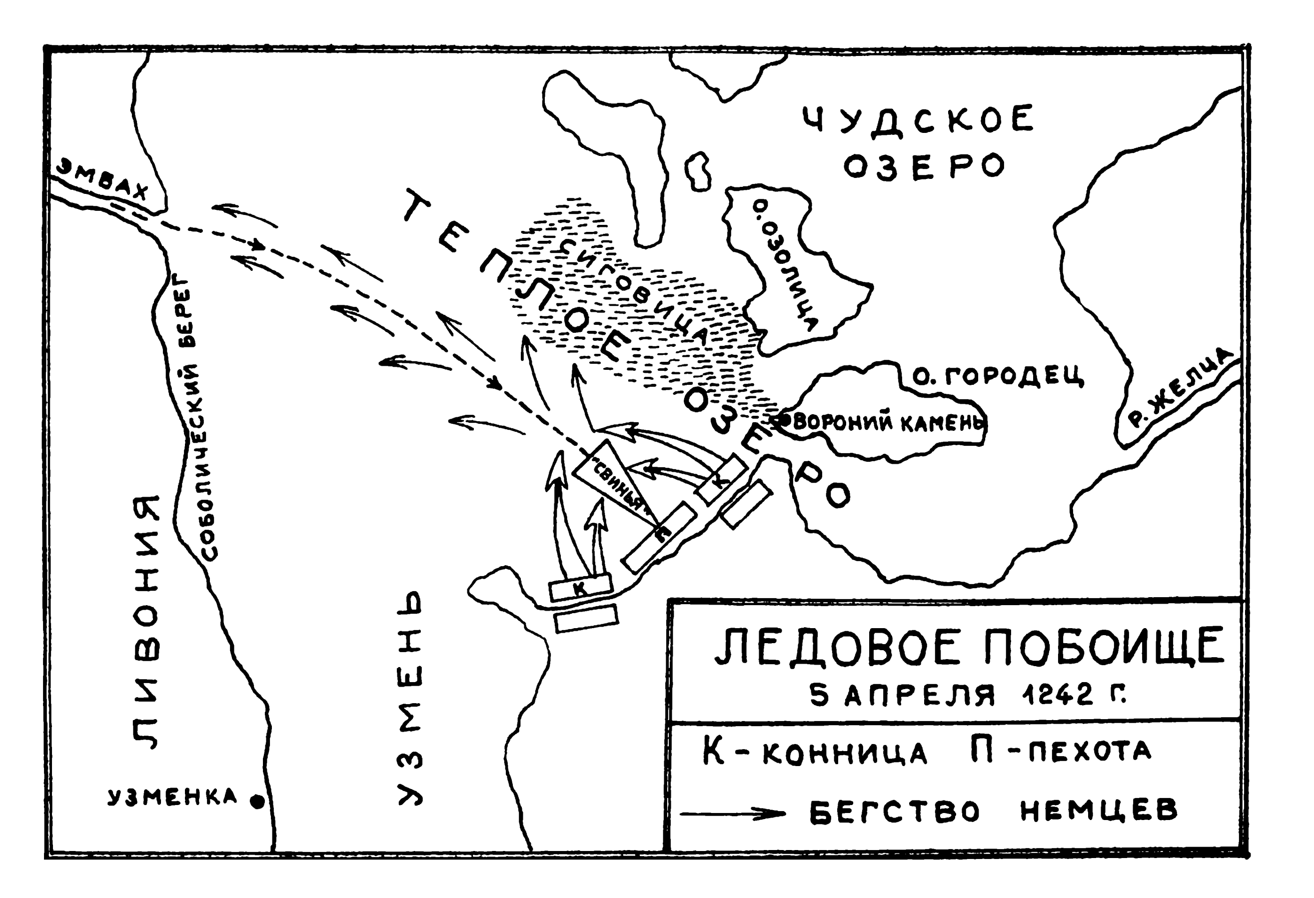
В свете всех этих данных удалось совершенно точно определить место битвы и позицию, выбранную Александром: она находилась не у самого Вороньего Камня (этому препятствовала Сиговица), а вблизи него, примыкая к восточному берегу Узмени.

Позиция эта была великолепна. За спиной русского войска находился иссеченный промоинами и заросшей густым лесом берег, исключающий возможность захода в тыл или охвата; правый фланг был надежно защищен Сиговицей, а левый — высоким береговым мысом и отличной видимостью до противоположного берега. Свои обозы Александр, несомненно, поставил в устье реки Желчи, которая, в случае неудачи, служила очень удобным путем отхода.

Не меньше искусства проявил Александр и в боевом построении своих войск. По русскому обычаю того времени, в центр боевого порядка ставились главные силы, при сравнительно слабых флангах. Но Александр знал, что немцы всегда наступают "свиньей", т.е. строят свое войско клином, которым стараются разрезать неприятельское расположение на две части и прорвавшись в тыл, добивать его в условиях полуокружения. Эту тактику рыцарей он решил использовать и потому, вопреки русской традиции, основные силы. — и главным образом конницу, — сосредоточил на флангах, оставив довольно слабый центр, состоявший исключительно из пехоты[1]).

Немцы, под водительством вице - гроссмейстера Андреаса фон Вельвена, подошли на рассвете пятого апреля. Своей железной "свиньей" они без особого труда прорвали русский центр (что, очевидно, входило в расчеты Александра) и уже готовы были торжество-

1) Это мы точно знаем из ливонских хроник.


ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ
5 АПРЕЛЯ 1242 г.
К - КОННИЦА П - ПЕХОТА
БЕГСТВО НЕМЦЕВ
ЧУДСКОЕ ОЗЕРО
ТЕПЛОЕ ОЗЕРО
О. ОЗОЛИЦА
О. ГОРОДЕЦ
ВОРОНИЙ КАМЕНЬ
Р. ЖЕЛЦА
СИГОВИЦА
"СВИНЬЯ"
ЭМВАХ
СОБОЛИЧЕСКИЙ БЕРЕГ
ЛИВОНИЯ
УЗМЕНЬ
УЗМЕНКА

вать победу, но очень скоро поняли свою ошибку: неодолимый для конницы берег, в который они упёрлись, не дал им возможности быстро продвинуться в тыл неприятеля и не позволил выйти из-под удара, который сейчас же обрушили на них оба крыла русского войска, охватывая "свинью" с двух сторон.

В разыгравшейся жестокой сече все преимущества оказались на стороне русских. Пошло на пользу даже то, что их снаряжение значительно уступало немецкому, — это обеспечивало им легкость и подвижность, что было весьма важно при сражении на льду. Тяжелые лошади меченосцев на нем скользили и падали, а облаченные в железные доспехи рыцари, вывалившись из седла, не могли подняться на ноги без посторонней помощи.

Битва длилась недолго и закончилась полным разгромом немцев, которые обратились в беспорядочное бегство, по пятам преследуемые воинами Александра. Многие при этом утонули под проломившимся от их тяжести льдом Сиговицы.

В этом сражении, не считая множества простых воинов, пало четыреста[1]) знатных рыцарей и пятьдесят было взято в плен. При торжественном въезде Александра в Новгород, все они шли пешком за его конем.

По мирному договору, заключенному несколько месяцев спустя, Орден навсегда отказывался от каких-либо притязаний на русские земли и возвращал все захваченные раньше; обе стороны освобождали всех пленных.

Блестящая победа на льду Чудского озера обессмертила имя князя Александра Невского и имела громадное историческое значение, ибо она навсегда положила предел германскому продвижению на восток, которое, начавшись от берегов Везера, планомерно развивалось в течение трех столетий, почти исключительно за счет славянских земель. Кроме того, эта победа Александра вдохновила на борьбу с рыцарями все дру-

---

1) По некоторым летописям рыцарей было убито пятьсот.

гие порабощенные ими народы. Крупные восстания сейчас же вспыхнули в Пруссии, в Померании, на Жмуди и в земле эстов. При самой деятельной помощи Ватикана и западно-европейских стран, Ордену понадобилось десять лет, чтобы с ними справиться, но могущество его с этого момента уже пошло на убыль.

С запада Руси угрожал еще один враг — литовцы. Но дать ему отпор было несравненно легче, ибо в то время Литва еще не представляла собой единого государственного образования и той сплоченной силы, которая в следующем столетии подчинила себе всю Южную и Западную Русь. Однако, в эпоху Александра Невского разрозненные и полудикие литовские племена уже начали объединяться под властью князя Миндовга и, теснимые рыцарями, продвигаться на восток. Не раз их значительные отряды вторгались в земли Полоцкого и Торопецкого княжеств, которым Александр, в случае надобности, всегда оказывал военную помощь. Но если эти вторжения до тех пор носили характер чисто грабительских набегов, то в 1245 году на Русь впервые двинулось сильное литовское войско, определенно ставившее себе целью захват русских территорий.

Взяв город Торопец, литовцы оставили там половину своего войска, грабя окрестные земли и полоняя жителей, а другая половина пошла на Торжок и Бежецкий Верх. Выступивший из Новгорода Александр подошел к Торопцу, разбил на-голову главные силы литовцев и отобрал у них город, полон и добычу. Затем, отпустив новгородское войско, с одною дружиной своей погнался за отступающими, и в сражении у озера Жижца добил их. Оттуда он двинулся навстречу литовскому отряду, отходившему от Торжка и почти полностью его уничтожил.

Так каждый из трех врагов, с запада посягавших на Русь, получил от Александра грозный урок, послуживший предостережением для других. И когда Ватикан после провала первой своей попытки, вздумал поднять против Руси Норвегию и Данию, — они благо-

разумно отказались. Поняв, что силою тут ничего не сделаешь, новый папа, Иннокентий Четвертый, попробовал применить другую тактику: он прислал к Александру Невскому двух кардиналов[1]), которые всячески превознося доблести Новгородского князя, предложили ему принять от папы королевскую корону и, разумеется, католичество. Александр это предложение решительно отверг.

На западных рубежах Руси установилось относительное спокойствие, хотя и рыцари, и литовцы и шведы кое-когда еще предпринимали мелкие посягательства на русские окраины, всякий раз легко отражаемые Александром.

***

Совершенно иной тактики придерживался Александр Невский в отношении Золотой Орды. Он хорошо понимал, что свержение татарского ига является пока непосильным делом и что Руси, — расчлененной на враждующие между собой уделы и обескровленной нашествием Батыя, — понадобятся еще долгие десятилетия для того, чтобы выковать свое единство и накопить силы, достаточные для борьбы с могущественной Ордой. И потому он с татарами старался ладить, тем обеспечивая Русской земле относительное спокойствие и возможность успешно отражать других врагов.

В 1246 году отец Александра, великий князь Ярослав Всеволодович был вызван в столицу Монголии Каракорум, к императору Гуюк-хану и там отравлен его матерью Туракиной, которая фактически правила империей за своего слабовольного сына. Летописец отмечает, что Туракина хотела таким образом обезглавить Русь, чтобы прочнее утвердить над ней власть Орды. Историк Соловьев считает это объяснение совершенно наивным, справедливо замечая, что для достижения та-

---

1) Псковская летопись, дающая больше всего подробностей о всем что касается Александра Невского, приводит имена этих кардиналов в явно искаженном виде: Агалдад и Гемонт. В другом древнерусском документе первый из них назван Галдой.

кой цели ханше надо было бы перетравить всех русских князей. Сам он высказывает предположение, что тут имели место происки других русских князей, которые окольным путем оклеветали Ярослава Всеволодовича перед Туракиной. Действительно, в летописях есть упоминание о том, что некий Федор Ярунович показывал в Каракоруме против великого князя. Но Яруновичи были новгородцами, стало быть тут скорее можно заподозрить в интриге новгородскую госпбду, сильно нелюбившую Ярослава. Возможно, что летописец ошибся ,написав "Ярунович", и что речь идет о Федоре Якуновиче, сыне новгородского тысяцкого Якуна Зуболомича, который был злейшим врагом князя Ярослава Всеволодовича и много от него претерпел.

Однако, более вероятно другое: Ярослав Всеволодович был устранен как ставленник Батыя, которого в императорской ставке ненавидели и боялись, хорошо сознавая что подвластная ему Золотая Орда стала гораздо сильнее породившей ее Монгольской империи. Такое предположение подтверждается и дальнейшими событиями: когда, после смерти великого князя в Каракорум явились оба его сына — Александр и Андрей, император Гуюк (Туракина к тому времени уже умерла) отдал великокняжеский стол младшему брату Андрею, а Александру Невскому, — зная что Батый к нему особенно благоволит, — дал совершенно разрушенный и потерявший всякое значение Киев. Александр туда не поехал, а возвратился к себе в Новгород.

Но Андрей Ярославич, — человек легкомысленный и недалекий, — не умел и не хотел ладить с татарами. К тому же, как и все в его роду, он был отважным воином и потому едва вступив на великое княжение, начал готовить против них восстание. Разумеется, оно было обречено на провал и грозило Русской земле новым опустошением. Александр это хорошо понимал и сделал всё возможное чтобы отговорить брата от его безрассудной затеи. Но Андрей упорствовал и не оставалось ничего иного, как лишить его верховной власти. Батый в это время был смертельно болен, Ордою

правил его православный сын Сартак, — друг и побратим Александра, — а потому, съездив в Сарай, последний без труда получил от него ярлык на великое княжение над Русью. Ехать для утверждения в Монголию теперь не было надобности: после смерти Гуюк-хана, в 1248 году, Батый посадил на императорский престол своего ставленника, хана Мунке[1]), который во всем был ему послушен и в дела Руси вмешиваться не пытался. Вообще с этого времени Золотая Орда совершенно обособилась от Монгольской империи.

Покориться ханской воле Андрей Ярославич не пожелал и стал уже совершенно открыто готовиться к схватке с Ордой, а потому против него было выслано татарское войско, под начальством царевича Науруза[2]). Андрей выступил ему навстречу, в битве потерпел поражение и бежал в Швецию. Однако вскоре Александр Невский выхлопотал ему у хана прощение и дал в удел Суздальское княжество. В Новгород он поставил князем своего старшего сына Василия.

Но внутреннего успокоения на Руси не наступило. Второй брат Невского — Ярослав, княживший в Твери, всячески старался подчинить своему влиянию Великий Новгород, где ему удалось создать сильную партию сторонников. В 1255 году он добился того, что новгородское вече "указало путь" Василию Александровичу и пригласило на его место Тверского князя. Исчерпав все возможности уладить дело миром, Александр с войском подступил к Новгороду. Однако, до кровопролития не дошло: в городе было немало сторонников Невского, которые взяли верх и заставили смутьянов сложить оружие. По требованью Александра, посадник Анания, поддерживавший Ярослава, был смещен, а Василий Александрович восстановлен на княжении.

---

1) После смерти Гуюка, императорский престол предложили самому Батыю, но он от него отказался.

2) По русским летописям Неврюй.

Два года спустя в Новгороде опять произошла большая смута, на этот раз уже по другой причине: В 1256 году умер великий хан Батый, несколько месяцев спустя были отравлены его сын и внук, и на золотоордынский престол вступил младший брат Батыя, Берке-хан, — первый из чингизидов принявший мусульманство и обратививший в ислам Орду. Он немедленно распорядился во всех подвластных ему странах произвести поголовную перепись населения, для точного определения размеров дани. Перепись эта началась и в русских землях, чему Александр не препятствовал, стремясь сохранить добрые отношения с новым ханом. Но новгородцы, — которые татар у себя еще не видели и их тяжелой руки не испытали, — подчиниться этому требованию отказались. Князь Василий их в этом поддержал и пошел, таким образом, против воли великого князя, своего отца.

Александр с дружиной явился в Новгород, Василия с княжения сместил, заменив его другим своим сыном — Дмитрием, а с новгородскими бунтарями и советниками Василия на этот раз расправился очень сурово. Летопись говорит даже об "урезанных" кое-кому носах и ушах.

Во избежание новых беспорядков, Александр сам приехал в Новгород с татарскими чиновниками, производившими перепись и сбор дани. Беспорядки все-таки произошли и этих татар новгородцы едва не перебили. Кое-как, под охраной дружинников Александра, они выполнили свою задачу и получив дань, поспешили покинуть буйный Новгород.

Конец жизни Александра Невского ознаменовался новой бедой: в Суздальском и Ростовском княжествах вспыхнули восстания против татарских баскаков и сборщиков дани, которые лихоимствовали и обижали народ. Стоит отметить, что на этом поприще лютую ненависть стяжал русский монах-отступник Зосима, отличавшийся особой жестокостью. Приняв ислам, с именем Изосима, он вскоре сделался правой рукой ярославского баскака Титема и был убит в этом восста-

нии. Впрочем известен случай и обратного порядка: устюжский баскак-татарин, напуганный происходящим, поспешил принять православие и это спасло ему жизнь.

Взбешенный этими событиями, Берке-хан стал готовить большой поход на Русь. Тогда Александр, чтобы спасти Русскую землю от нового татарского нашествия, сам отправился в Орду и уговорил хана сложить гнев на милость.

Историк Соловьев считает, что в этом он преуспел только потому, что Берке вёл в это время трудную войну с Персией и не располагал достаточно сильным войском для похода на Русь. Но с таким мнением невозможно согласиться хотя бы потому, что именно в этот свой приезд Александр добился в Сарае и другой исключительной милости: по его просьбе хан освободил Русь от обязанности поставлять Орде воинскую силу, как поставляли ее все другие покоренные татарами страны. Если бы в это время Берке испытывал те затруднения, о которых говорит Соловьев, он бы, конечно, на это не согласился. Надо полагать, что причина сговорчивости хана крылась в ином: до тонкости зная психологию татар, Александр умел с ними обращаться и, сверх того, обладал редким даром обаяния, под власть которого подпал Берке, точно также как прежде подпали под нее Батый и Сартак. Сама внешность располагала к нему даже врагов. По словам летописцев, он был исключительно хорош собою, высок ростом, строен и широкоплеч.

Возвращаясь из Орды, Александр Ярославич, находившийся в расцвете жизни[1]), сильно простудился и умер в Городце Волжском, четырнадцатого ноября 1263 года, по обычаю русских князей приняв перед смертью пострижение и схиму. Глава Церкви, митрополит Кирилл, в таких словах возвестил о его кончине: "разумейте все, яко заиде солнце Русской земли" Похоронили Александра в стольном городе Владимире и православная Церковь причислила его к лику святых.

---

[1]) Ему было сорок три года.

Некоторые историки считают, что по приказу Берке-хана Александр был отравлен в Орде медленно действующим ядом. Никаких оснований для подобного мнения мы не находим ни в русских летописях, ни в иных документах эпохи. Нет для него и логических оснований: Берке, — хотя и пользовался ядом для устранения своих соперников, — ничего не выгадывал на смерти покорного ему Александра, и на том что великое княжение над Русью перешло к его младшему брату Ярославу, которого хан совсем не знал.

* * *

Имя Александра Невского одно из самых славных в истории нашей страны. И не только славных, но что, пожалуй, еще значительнее, — одно из самых светлых и любимых русским народом. Героев наша история дала немало, но почти никого из них не вспоминают потомки с таким теплым чувством, как Александра. Он много потрудился для Русской земли и мечом и головой, — вклад его в строительство Российского государства бесценен.

Как полководец, он по праву может почитаться великим, ибо за всю свою жизнь не проиграл ни одного сражения, с малыми силами побеждал сильнейших и в действиях своих сочетал военный гений с личной отвагой. Но есть нечто, что делает ему особую честь: в ту мрачную эпоху беспрестанных междоусобных войн, меч его ни разу не обагрился русской кровью и имя его не запятнано участием ни в одной усобице. Может быть именно это, подсознательно запечатлевшись в народной памяти, и создало ему такую добрую славу.

Как государственный муж он велик не менее, ибо сумел правильно ориентироваться в чрезвычайно трудной и сложной обстановке, созданной татарским нашествием, и первым стать на тот единственно верный путь, идя по которому его преемники и потомки — князья Московские, пришли к единодержавию и к победе над Ордой. А для того, чтобы пойти против течения и сознательно избрать именно этот путь, — тогда казав-

шийся таким неблагодарным, — нужно было обладать исключительными качествами ума и духа.

Характеризуя эпоху Александра Невского, историк Ключевский говорит:

> "удельный порядок был причиною упадка земского сознания и нравственно-гражданского чувства в русских князьях, он гасил мысль об единстве и цельности Русской земли, об общем народном благе. Из пошехонского или ухтомского миросозерцания разве легко было подняться до мысли о Русской земле Святого Владимира или Ярослава Мудрого?"

Да, это было очень нелегко, это было безмерно трудно. Но Александр Невский сумел возвыситься над этой пошехонской психологией князей-вотчинников и заботу о Руси и о русском народе поставить выше заботы о своих семейных и поместных делах. И это, в такой же мере как его исторические победы, стяжало ему неувядаемую благодарность потомков и бессмертную славу.

ГАЛИЦКАЯ РУСЬ И КОРОЛЬ ДАНИИЛ

"А тогда впал в болесть великую, в ней же и сконча славные дни живота своего король Данило, — князь добрый, хоробрый и моудрый, иже созда городы многи и церкви постави и оукрасе их разноличными красотами. Братолюбием светяся с братом своим Васильком, сей же Данило в моудрости своей бяше вторый по Соломоне".

Ипатьевская летопись.

В 1264 году, в возрасте шестидесяти-трех лет, скончался один из самых замечательных князей Рюриковичей, любимый народом и справедливо прославленный потомками король Даниил Романович Галицкий.

Годы его княжения не только создали эпоху в истории Югозападной Руси, но и в судьбах всей Русской земли в целом сыграли важную роль. Всякий знает, чем Русь обязана его великому современнику Александру Невскому, но мало кому известно, что Даниил Романович имеет полное право разделить его славу. Не только в содеянном ими, но и в духовном облике их историк находит много общего. Талантливые полководцы, дальновидные политики отличавшиеся широким государственным умом, твердой волей, личным бесстрашием и редким благородством, они, казалось, самим Провидением были посланы Русской земле в тот грозный час ее истории, когда со всех сторон ей угрожала гибель.

Русь, разрозненная и ослабленная княжескими междоусобиями, лежавшая в крови и развалинах после опустошительного татарского нашествия, казалось, неминуемо должна была стать легкой добычей своих западных соседей, которые, воспользовавшись таким благоприятным для них положением, со всех сторон двинули свои войска на вожделенные русские просторы. И Александру было суждено спасти от них Северную Русь, а Даниилу — Южную.

На его долю выпало отражение венгров и поляков, что осложнялось внутренними неурядицами и кровавыми смутами, которые переживала в это время его отчина — Галицко-Волынская Русь. Вся жизнь Даниила Романовича прошла в неустанной борьбе и увенчалась триумфом, как военным, так и политическим; ему удалось восторжествовать над всеми врагами и дать родной земле то, в чем она более всего нуждалась: мир, порядок и благоустройство.

Оставшись после смерти отца четырехлетним мальчиком, лишенный всего, вынужденный искать убежище в чужой стране, он, благодаря своим личным качествам, к концу жизни сумел создать обширное и мощное государство. Не его вина в том, что расцвет этого государства был недолог. И всё величие исторической фигуры короля Даниила особенно ярко выявляется в сопоставлении с его преемниками, которые, получив это богатое и прекрасно организованное наследие, не сумели распорядиться им так, как это сделали на Севере потомки Александра Невского.

***

Территория, в удельный период существования Руси известная под названием Галицко-Волынского княжества, занимала юго-западный угол русской равнины и восточные склоны Карпатских гор. Она издревле была населена славянами: предгорья Карпат занимало племя белых хорватов, восточнее, в низине, обитали дулебы, бужане и волыняне, к югу от них — тиверцы и уличи. С утверждением центра русской государствен-

ности в Киеве, все они, очень быстро утратив свой племенной быт, слились воедино с великим русским народом, а земли их попали под власть Киевских князей.

Во второй половине десятого столетия здесь, в области Западного Буга и реки Горыни, уже образовалось отдельное княжество Волынское, получившее свое наименование от древнего города Волыни или Велыни. Город этот очень скоро утратил свое первенствующее значение[1]) и столицей княжества сделался Владимир-Волынский, в более глубокой древности носивший название Ладомира[2]).

Первым, кому досталось это княжество, был Олег Святославич, старший брат Владимира Святого, который получил его вместе с Древлянской землей. Затем княжил там четвертый сын Владимира, Всеволод, а по разделу Ярослава Мудрого — его пятый сын Игорь. После этого Волынское княжество еще не раз переходило из рода в род, пока не закрепилось окончательно за потомством одного из сыновей Владимира Мономаха.

Галицкое княжество образовалось несколько позже. Но, вопреки утверждениям некоторых польских и венгерских историков, нет никаких сомнений в том, что Галицкая земля издревле входила в состав Киевской Руси. В летописи Нестора под 907 годом мы находим упоминание о том, что населявшие ее племена хорватов, дулебов и тиверцев под стягами киевского князя Олега ходили с ним в поход на Царьград.

Затем, видимо после смерти князя Святослава Игоревича[3]) Галицкая земля на короткое время подпала под власть Польши, но уже в 981 году Владимир Святой отобрал ее. По смерти Владимира, польский ко-

---

1) В 12 веке город Волынь перестал существовать. Сейчас на его месте находится село Грудек.

2) Любопытно, что в состав Австро-Венгерской империи Галиция была включена под названием королевства Галицкого и Ладомирского.

3) Он умер в 972 году.

роль Болеслав Храбрый снова захватил Галицию, но двенадцать лет спустя Ярослав Мудрый отвоевал ее у поляков уже окончательно. Как он распорядился этой областью, нам в точности неизвестно, — вернее всего она отошла к его сыну Игорю, вместе с Волынью. Далее, согласно летописям, в конце 11 века Галицкой землей овладели три князя-изгоя, братья Рюрик, Василько и Володарь Ростиславичи, правнуки Ярослава Мудрого. Они ее поделили: первый сел княжить в Перемышле, второй в Теребовле и третий в Звенигороде. Но в следующем поколении сын Володаря — Володимерко, объединил всю эту область под своей властью и перенеся столицу в город Галич, положил начало существованию княжества Галицкого.

Этот край был довольно густо населен, чрезвычайно плодороден и обилен природными богатствами. До 16 века он один, например, снабжал почти все русские земли солью. Его местоположение — между Русью и странами Западной Европы — было весьма выгодно в торговом отношении, а всё это вместе взятое, создавало исключительные условия для быстрого усиления и благоденствия Галицкого княжества.

Уже при сыне Володимерка — князе Ярославе Осмомысле, оно, по своему могуществу и значению опередило почти все другие русские княжества. Даже из войны с великим князем Киевским Ярослав вышел победителем. Автор "Слова о полку Игореве" не даром обращает к нему такие слова:

"Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь ты
На златокованном престоле,
Подпёр горы Карпатские
Своими железными полками,
Королю угорскому
Заградил путь,
Затворил ворота Дунаю.
Грозы твои по землям текут,
Отворяешь ты ворота даже Киеву".

Ярослав Осмомысл был добрым, миролюбивым князем и в народе оставил по себе хорошую память. Но чрезмерная доброта монарха не всегда идет на пользу управляемой им страны. Так случилось и здесь: она привела к чрезвычайному усилению боярского сословия, что, как будет видно из дальнейшего, имело для Галицкой земли пагубные последствия.

Боярство исстари имело здесь гораздо больше силы и значения, чем в каком-либо ином русском княжестве и всячески старалось ограничить власть и свободу действий князя. В древних летописях сохранился довольно показательный штрих, подчеркивающий это явление: в то время как всюду на Руси бояре именовались "княжьими мужами", в Галиции они называли себя "мужами галицкими"

Целая совокупность причин способствовала такому положению. Укажем лишь главные из них: помимо обширных земельных владений, в руках галицкого боярства сосредоточилась и вся крупная торговля, главным образом внешняя. Это, в свою очередь, создавало боярству тесные связи с соседними странами — Венгрией и Польшей, которые были кровно заинтересованы в ослаблении Галицкого княжества, а потому любому боярину-смутьяну, не поладившему со своим государем, охотно давали прибежище и помощь. И, наконец, в силу того что правившая здесь династия была исключительно малочисленна и редко в одном поколении насчитывала более двух представителей мужского пола, все высшие государственные должности, — которые в других княжествах обычно занимали младшие члены княжеского дома, в Галицкой земле находились в руках бояр. Они сидели наместниками во всех крупных городах, ведали казной и судом, занимали все руководящие посты в войске и т. д.

К концу 12 века это привело к тому, что галицкие бояре не только осмеливались диктовать князю свою волю, но уже не останавливались перед применением грубой силы, чтобы поставить на своем.

Первым испытал на себе всю тяжесть такого положения сам Ярослав Осмомысл. Он женился по чисто политическим соображениям на суздальской княжне Ольге, дочери Юрия Долгорукого, имел от нее сына Владимира, но был в этом браке несчастлив и в конце концов решил развестись с нею и взять другую жену, — некую Настасью, которую он любил давно и тоже имел от нее сына — Олега. Но бояре этому воспротивились, а когда Ярослав все же хотел сделать по-своему, они перешли к действиям: несчастную Настасью, обвинив в колдовстве, сожгли на костре, ее сына Олега посадили в тюрьму, а самого князя Ярослава схватили и силою заставили поклясться в том, что он будет жить со своей первой женой.

Перед смертью Ярослав все же завещал Галицкий стол своему младшему сыну Олегу, а Владимиру дал в удел Перемышль. Такое решение было вполне обосновано: Владимир не только не обладал качествами государственного мужа и правителя, но был пьяницей и славился распутной жизнью. Согласившись с доводами старого князя, бояре у его смертного одра присягнули Олегу. Но едва Ярослав умер, они прогнали Олега и посадили на его место Владимира. О том как правил этот боярский ставленник, нам дает достаточно полное представление Ипатьевская летопись:

> "Володимер же, княжаща в Галичкой земле, думы не любяше думать с моужами своими, бо бе привержен питию многому и у попа жену поял и постави собе женою, и роди от нея два сына. А зане облюбова жену чью или дщерь, — поимашет насильем"

Неудивительно, что в Галицком княжестве начались смуты. Ими не преминул воспользоваться деятельный и энергичный Волынский князь Роман Мстиславич: опираясь на поддержку недовольного Владимиром народа, он без особого труда занял Галич и остался в нем княжить. Но Владимир Ярославич, бежавший в Венгрию, уговорил венгерского короля Белу Третье-

го выступит ему на помощь. Бела на эту просьбу откликнулся очень охотно, но овладев Галичем он и не подумал возвратить его Владимиру, а посадил здесь князем своего собственного сына Андрея. Владимир же по его приказанию был отвезен в Венгрию и там заточен.

Под властью венгров, — которые сейчас же принялись грабить страну, осквернять православные святыни и силою насаждать католичество, — не только для галицкого народа, но и для боярства настали тяжелые времена. Первая попытка прогнать иноземных захватчиков была свирепо подавлена силами венгерского короля. Но год спустя Галицкому князю Владимиру Ярославичу удалось бежать из плена и пробравшись в Польшу, заручиться помощью короля Казимира Второго. Когда он, с отрядом польского войска вступил в Галицию, вспыхнуло общее восстание против венгров, они были изгнаны и народ радостно приветствовал возвращение своего русского князя, — даже такого, каким был Владимир Ярославич.

Последние годы его княжения прошли мирно. Но в 1199 году, когда он умер, галицким столом снова овладел Волынский князь Роман Мстиславич.

О личности и делах этого незаурядного князя следует сказать несколько подробнее. Это был человек волевой, умный, образованный и храбрый. В молодости он княжил в Великом Новгороде, что служит ему блестящей аттестацией, ибо Новгород, имея огромный выбор, приглашал к себе только лучших князей. Но в 1173 году, по смерти своего отца, Волынского князя Мстислава Изяславича, он перешел на княжение во Владимир-Волынский. Тут он сразу показал себя заботливым, мудрым и властным правителем. В течение следующих пятнадцати лет, он привел Волынское княжество в цветущее состояние, установил в нем мир и порядок, прибрал к рукам своевольничавших бояр и обезопасил свою землю от постоянных нападений литовских племен. По преданью, захваченных в плен литовцев он приказывал запрягать в плуги, вместо волов ,говоря

что поелику они разоряют его землю, он на них же будет ее возделывать снова. В связи с этим на Руси о нем сложилась поговорка: "князь Роман весело живет, на литве орет"[1]).

Овладев в 1188 году первый раз Галицкой землей, он перешел на княжение в Галич, а Волынь оставил своему брату Всеволоду. Но когда год спустя венгры отняли у него Галич, Всеволод его обратно на Волынь не пустил. Только несколько лет спустя, после целого ряда мытарств и междоусобных войн, ему удалось снова утвердиться в Волынском княжестве, а на исходе 12 столетия вторично захватить Галич, — с помощью краковского князя Лешка преодолев яростное сопротивление галицких бояр, которые уже знали крутой нрав Романа Мстиславича.

И действительно, вступив на княжение в Галиче, он прежде всего позаботился об утверждении здесь своей абсолютной власти. Не останавливаясь перед казнями, ссылками и конфискацией имущества, он в короткий срок основательно подорвал силу бояр. Некоторые из них бежали в Венгрию, остальным пришлось покориться князю.

Объединив под своей властью Галицкую и Волынскую земли и сломив боярство, Роман Мстиславич очень скоро сделался самым могущественным князем на Руси. Овладев в 1201 году Киевом и прогнав сидевшего на великокняжеском столе Рюрика Ростиславича, он посадил на его место своего вассала, Луцкого князя Ингваря Ярославича, а сам, приняв титул великого князя, остался в Галиче.

Значение Киева с этого момента окончательно падает. В Северной Руси стольным городом становится Владимир, где княжит сын Юрия Долгорукого, Всеволод Большое Гнездо, а в Южной Руси — Галич, с великим князем Романом Мстиславичем. Слава и могущество последнего растут. Разбитые им половцы больше не осмеливаются совершать набеги на русские зем-

---

[1]) То есть на литовцах пашет.

ли; с Венгрией подписан вечный мир; в Галич приезжает просить помощи и прибежища свергнутый византийский император Алексей Ангел; германский король Филипп Гогенштауфен, в борьбе со своими врагами тоже ищет помощи у Галицкого князя Романа; папа Иннокентий Третий предлагает ему королевскую корону, — разумеется, рассчитывая привести его к унии, — но Роман Мстиславич отказывается принять ее.

Под его правлением Югозападная Русь день ото дня крепнет, — князь Роман мечтает превратить ее в мощное европейское государство, продолжая в то же время дальнейшее объединение Руси. Но этим широким планам не суждено было осуществиться: рост его могущества не на шутку встревожил поляков. В 1205 г. князь Лешко Краковский пригласил его на охоту, во время которой он был предательски убит.

Его преждевременная смерть имела тяжкие последствия для всей Руси и просто катастрофические для Галицко-Волынского княжества. Рухнуло все единство и благополучие, достигнутое его усилиями. Немедленно начались смуты, развал и междоусобные войны: с притязаниями на Галицкий стол выступили князья Киевские, Черниговские, Северские и Смоленские. В самом Галиче власть снова практически перешла в руки боярства, во главе которого встал боярин Володислав Кормиличич, возвратившийся из Венгрии, куда он бежал в годы княжения Романа Мстиславича.

Разумеется, он был далек от мысли закрепить великокняжеский стол за потомством своего врага, князя Романа, у которого остались двое сыновей: четырехлетний Даниил и двухлетний Василько. Были все основания опасаться за самую жизнь младенцев, а потому мать, княгиня Анна, увезла их во Владимир-Волынский, откуда немного позже бежала с младшим сыном в Польшу, а старшего, Даниила, отправила в Венгрию, под защиту и покровительство короля Андрея, — того самого, который еще будучи королевичем, некоторое время княжил в Галиче. Воцарившись в Венгрии, он никаких претензий на Галицкое княжество не предъявлял

и с князем Романом Мстиславичем последние годы находился не только в союзе, но и в личной дружбе Они поклялись взаимно, что тот из них, кто переживет другого, примет на себя заботу о семье умершего и защиту ее интересов.

Король Андрей, по словам летописцев, действительно принял Даниила как сына и даже послал войско в помощь Галичу, к которому в это время подступил с большой ратью бывший киевский князь Рюрик Ростиславич. Последний был отбит, но галицкие бояре, опасаясь того, что венгерский король посадит к ним на княжение малолетнего Даниила, именем которого будут править венгры, — поспешили призвать к себе Северских князей — Владимира и Романа Игоревичей. Первый из них сел в Галиче, второй на Волыни, в городе Звенигороде. Все остальные города и области были частью захвачены другими князьями, а частью отданы в управление старшим боярам, которые рассчитывали стать теперь полными господами положения.

Но их надежды не оправдались: едва утвердившись на галицком столе, Владимир Игоревич принялся прижимать бояр, которые сейчас же попытались от него избавиться при помощи Романа Игоревича, княжившего на Волыни. Им удалось поссорить братьев, между которыми вспыхнула война, причем один из них обратился за помощью к польскому королю, а другой к венгерскому. Такое положение привело к тому, что в скором времени поляки сделались полными хозяевами на Волыни, а венгры в Галиции. Для князей Игоревичей их "помощь" тоже обернулась скверно: оба они вынуждены были бежать в свою старую отчину — Северскую землю.

Венгерский воевода Бенедикт Бор, утвердившись в Галиче, стал распоряжаться здесь именем своего короля. Правил он так, что скоро получил в народе прозвание антихриста. Летописец пишет:

"Бе тот Бенедикт воистину томитель боярам и гражданам, и блуд творя и оскверняху жены же

и черницы и попадьи, вправду бе антихрист за скверные дела его".

Не видя иного спасения, галичане снова ударили челом изгнанным Северским князьям Владимиру и Роману, моля их забыть прежние обиды и освободить Галицкую землю "от злого томителя, антихриста Бенедикта".

Игоревичи, собрав сильную рать, пришли на помощь и выгнав из Галиции венгров, заняли свои прежние столы. Но боярам они больше не верили и опасаясь с их стороны новой крамолы, решили действовать по примеру князя Романа Мстиславича. На деле они далеко превзошли его: в том же году, придравшись к какому-то случаю, они приказали своим дружинникам избивать бояр, а имущество их отбирать. Летописец так повествует об этом:

"Совет же сотвориша Игоревичи на бояр галичких, да изъбьют их всех. И быша избьены, и оубьен бысть Юрий Витанович и Илья Щепанович и иныи велиции бояре, оубьено же их бысть числом пять сот, а инии разбегошеся".

Однако, как ни много перебили Игоревичи бояр, некоторые из них, во главе с Володиславом Кормиличичем, успели бежать в Венгрию. Здесь они стали просить короля Андрея, чтобы он отпустил с ними княжича Даниила Романовича и помог возвести его на отчий престол. Король согласился. Галич был взят венгерскими войсками, Даниил объявлен великим князем, а захваченные в плен князья Игоревичи — выданы боярам, которые их сейчас же повесили.

Конечно, бояре рассчитывали, что при малолетнем князе истинными хозяевами страны будут они. Так вначале и было. Летописец отмечает: "бояре же галичкии Данила князем себе называху, а сами всю землю держаху". Но вскоре им помехою стала княгиня Анна, мать Даниила. Это была женщина энергичная и властолюбивая. К тому времени ей удалось при помощи польского короля получить на Волыни небольшой удел для своего младшего сына Василька, но узнав о том, что на Га-

лицкий стол посажен Даниил, она явилась в Галич и попыталась править именем сына. После ряда столкновений, бояре заставили ее выехать. При этом десятилетний Даниил впервые проявил себя: в момент насильственной разлуки с матерью, он выхватил меч и бросился на одного из бояр. И только потому, что мать успела толкнуть его, от этого удара пострадал не боярин, а его конь.

Смуты в Галиче продолжались и после отъезда княгини Анны. Опасаясь за жизнь сына, она обратилась за помощью к королю Андрею. Он обещал помочь и навести в Галицкой земле порядок, но страшный мятеж, вспыхнувший в Венгрии, помешал ему это сделать. Воспользовавшись этим благоприятным для них обстоятельством, бояре низложили Даниила (которому его сторонники помогли бежать к матери, на Волынь) и провозгласили галицким князем боярина Володислава.

Следует отметить, что случай это совершенно небывалый и оставшийся единственным в русской истории. С самого призвания так называемых варягов, на Руси свято соблюдалось положение, в силу которого только прямые потомки Рюрика имели право на титул князя и на суверенную власть, хотя бы дело шло о самом незначительном уделе. Несколько позже такой же порядок установился в Азии, где право на монаршую власть и на ханский титул принадлежало исключительно потомкам Чингиз-хана. Этот обычай соблюдался и там, где власть монголов была свергнута, — его не решился нарушить даже Тимур, владыка почти всей Азии, в силу традиции державший при себе чисто декоративного хана — чингизида, который номинально считался монархом созданной Тимуром громандной империи.

Но "мужи галицкие" не обладали ни скромностью Тимура, не уважением к русским обычаям. Однако, посаженный ими на княжение Володислав не продержался на своем столе и двух лет. В 1214 году Польша и Венгрия договорились между собой о разделе Галиц-

кой земли: князь Лешко предложил руку своей дочери венгерскому королевичу Коломану, с тем что последнему будет отдан Галич и вся восточная часть Галиции, а западная ее часть, с городом Перемышлем, отойдет к Польше. Король Андрей это предложение принял. Вся страна была занята польско-венгерскими войсками, а посаженному в Галиче принцу Коломану папа Иннокентий Третий прислал королевскую корону, в обмен на обещание привести Галицию к церковной унии.

Незадачливый боярский князь Володислав Кормиличич был увезен и заточен в Венгрии, где вскоре и умер. Характерно, что его гонимой отовсюду семье ни один из русских князей не согласился дать прибежище, — настолько все были возмущены казнью Северских князей и тем что Володислав осмелился посягнуть на прерогативы Рюриковичей.

Не прошло и года, как в Галицкой земле начались восстания против венгров. Но своими силами прогнать их не удалось и галичане обратились за помощью к самому прославленному и воинственному из русских князей — Мстиславу Мстиславичу Удалому, который княжил в ту пору в Великом Новгороде. К просьбе галичан присоединился и польский князь Лешко, у которого венгры уже успели отнять Перемышль.

Покинув Новгород, Мстислав Удалой пришел со своей дружиной в Галицкую землю, прогнал венгров и остался тут княжить. К этому времени Даниил Романович, которому было уже семнадцать лет, — пользуясь раздорами между князем Лешком и венгерским королем, — овладел Владимир-Волынском и довольно прочно утвердился на Волыни. С Мстиславом Удалым у него сразу установились дружественные, а вскоре и родственные отношения: он женился на дочери Мстислава — Анне.

В следующем году Даниил Романович собственными силами выступил против поляков и отобрав у них северную Волынь, посадил там князем своего младшего брата Василька.

Все эти события снова объединили венгерского короля Андрея и польского князя Лешка. Воспользовав-

шись тем, что неугомонный Мстислав Мстиславич вмешался в новые, вспыхнувшие на Руси усобицы и временно покинул Галич, они двинули на него свои войска.

Осажденный город защищал Даниил. С большим искусством и мужеством он отбивал все приступы врагов, ожидая подхода Мстислава Удалого. Но не дождался: среди бояр опять нашлись изменники, которые ночью отворили венграм ворота. Галич пал, а князь Даниил, во главе своей дружины с трудом пробившись сквозь неприятельский стан, ушел на Волынь.

Но торжество венгров и на этот раз было недолгим: в следующем году Мстислав Удалой, с помощью своего тестя — половецкого хана Котяна, выбил их из Галича и утвердился здесь уже окончательно. По некоторым, не вполне достоверным данным, он возложил на себя корону Коломана и принял титул царя Галицкого.

* * *

В 1223 году в половецкие степи с востока пришли татары. Половцы, вступившие с ними в сражение, были наголову разбиты и бежали к берегам Днепра. Татары двигались за ними следом, создавая угрозу и русским землям, а потому когда хан Котян обратился за помощью к своему зятю Мстиславу Удалому и к другим южно-русским князьям, последние, собравшись в Киеве на совещание, решили совместно с половцами выступить против этого нового и неизвестного врага.

Главными участниками этого похода были князья Мстислав Романович Киевский, Мстислав Мстиславич Галицкий и Мстислав Святославич Черниговский. К ним примкнуло более двадцати второстепенных удельных князей со своими дружинами и всё это огромное войско, вместе с половцами хана Котяна, двинулось в половецкие степи.

Даниил Романович, со своими волынцами, все время шел передовым полком и в двух первых столкновениях, проявил редкую отвагу, разбил встречные отряды татар. Это всему русскому войску внушило уверен-

ность в победе и оно продолжало двигаться на восток, вслед за отходившими татарами.

Решительное сражение произошло на реке Калке, но кончилось оно, как известно, трагически, ибо русские князья действовали разрозненно и не дружно.

Мстислав Удалой, вместе с которым были половцы и волынцы, понадеявшись на свои силы, вступил в бой один, не подождав пока изготовятся к битве Киевский и Черниговский князья и даже не предупредив их. Даниил Романович, во главе волынцев сражался с беспримерной храбростью и на своем фланге опрокинул татар. Но это не спасло общего положения: не выдержав натиска, обратились в бегство половцы, смяв на пути стан Черниговского князя, а Киевский князь, обиженный на Мстислава Удалого, не оказал ему никакой поддержки. Битва кончилась гибелью многих князей и полным разгромом русского войска, которое татары преследовали до самого Днепра.

Даниил Романович был тяжело ранен в грудь, кроме того получил несколько мелких ран. В этом походе и в самом сражении он превзошел доблестью всех других военачальников и прославил свое имя. Летописец, повествуя об этих событиях, посвящает ему следующие образные слова:

> "Даниил же выеха на перед и бишася крепко, избивающи тотар многих и ран не чуяше бывших на телеси его, бо бе моуж силен и отважен, достоиньный сын Романа"

Князь Мстислав Мстиславич, хотя и уцелел на Калке, прожил после этого недолго. Очевидно это страшное поражение вызвало в его душе какой-то глубокий сдвиг, ибо теперь трудно было узнать в нем прежнего Удалого Мстислава: возвратившись в Галич, он очень быстро подпал под влияние бояр и сделался покорным исполнителем их воли. Боярство же больше всего боялось, что после Мстислава галицкий стол займет волевой и популярный в народе Даниил и всеми силами старалось не допустить этого, предпочитая ему кого угодно, даже венгерского королевича. Мстислава суме-

ли поссорить с Даниилом и между ними вспыхнула война, которая, впрочем, очень скоро закончилась примирением. Но в 1227 году Мстислав, по настоянию бояр, выдал свою младшую дочь за венгерского королевича Андрея, дал ему в качестве приданного город Перемышль, а после своей смерти завещал и галицкий стол.

Всё это вызвало новые смуты. Венгерские войска, опираясь на Перемышль, начали занимать Галицкую землю. Мстислав пытался дать им отпор, но действовал вяло, окончательно запутавшись в сетях боярских интриг и не понимая больше — кто друг, а кто изменник. Наконец совершенно обнаглевшие бояре ему заявили: "не можешь держати княжение сам, а мы не хотим тебя", и потребовали чтобы он передал галицкий стол королевичу Андрею. У Мстислава очевидно, уже не оставалось воли к дальнейшей борьбе, — он уступил без сопротивления и уехал в город Торческ, где умер несколько месяцев спустя.

Даниил Романович тем временем княжил на Волыни и день ото дня усиливался. Вскоре его власть распространилась на смежные княжества Луцкое, Чарторыйское и Пинское. Это вызвало тревогу всех соседних князей, которые совместно выступили против него, во главе с князем Киевским. Но дело окончилось тем, что Даниил едва не овладел Киевом и противники поспешили заключить с ним мир.

В 1229 году Даниил подступил к Галичу и после непродолжительной осады взял его. Захваченного тут венгерского королевича он великодушно отпустил, но борьба на этом не кончилась: город еще не раз переходил из рук в руки и только четыре года спустя венгры были окончательно изгнаны из Галицкой земли.

Но свои, внутренние враги были опаснее и упорнее иноземных. Бояре не хотели сдаваться: в течение следующего года они составили на жизнь Даниила три заговора и сделали попытку посадить на галицкий стол князя Александра Бельзского. Не преуспев в этом, об

ратились за помощью к полякам, но тоже безуспешно, так как среди польских князей Даниил Романович успел приобрести двух могущественных союзников: Конрада Мазовецкого, которому он в свое время помог утвердиться на княжении и Святополка Померанского, женатого на его дочери Саломее.

Наконец, потерпев неудачу во всех этих попытках, бояре предложили галицкий стол одному из самых сильных русских князей, Михаилу Всеволодовичу Черниговскому, — для его старшего сына Ростислава, который был женат на дочери венгерского короля.

Михаил Всеволодович это предложение принял и пошел на Галич. Путь ему преградили войска Даниила Романовича и его союзника — Киевского князя Владимира Рюриковича, но победа осталась за Черниговским князем. Он овладел Киевом, посадил в нем своего наместника, а сам двинулся дальше и вскоре взял Галич. Но пока он находился здесь, против него выступил Суздальский князь Ярослав Всеволодович, который разгромил его тылы и захватил Киев. Утвердив на княжении в Галиче своего сына Ростислава, Михаил Всеволодович пошел назад, отбил Киев у Суздальского князя и на этот раз сам остался тут, чтобы иметь возможность в случае надобности оказать помощь Ростиславу. С последним галицкие бояре тоже не ужились, ибо не нашли в нем покорного исполнителя своей воли. Снова начались смуты. Воспользовавшись этим, в 1238 году Даниил Романович овладел Галичем, а Ростислав бежал в Венгрию.

В это время восточные и северные русские земли уже были наводнены ордами Батыя. Встревоженный грозными событиями, Михаил Всеволодович, не успев оказать никакой помощи сыну, покинул Киев, который сейчас же занял Даниил Романович. Оставив тут наместником своего воеводу Дмитра, — позже прославившегося геройской обороной Киева от татар, — сам он возвратился в Галич, где теперь утвердился прочно.

Таким образом, к моменту татарского нашествия в руках Даниила и его брата Василька, правившего на

Волыни, сосредоточились почти все земли Юго-Западной Руси и здесь у них не оставалось соперников.

***

В 1240 году полчища Батыя осадили Киев. Почти вся Русь уже находилась во власти татар и Даниилу Романовичу было ясно, что своими силами защитить от них Галицко-Волынскую землю он не сможет. Надо было искать союзников, и потому, рассчитывая на то, что осада хорошо укрепленного Киева надолго задержит Батыя, он сейчас же отправился в Венгрию, чтобы уговорить короля Белу 4 дать совместный отпор врагу.

Но король, полагая что татары ограничатся захватом Руси и не пойдут на Венгрию, если он сам не даст повода к этому, — в помощи отказал и Даниил поспешил в Польшу, надеясь что польские князья окажутся дальновиднее и сговорчивей. Потерпев неудачу и здесь, ему ничего не оставалось, как возвратиться в свою землю. Но в это время пал Киев и огромная татарская орда, мгновенно наводнив и опустошив Галицко-Волынское княжество, хлынула оттуда в Венгрию и в Польшу, разгромила их и пошла дальше на Запад, повергнув в смятение и панику всю Европу [1]).

В Галицкой земле, когда вернулся туда Даниил Романович, всё было разорено, а власть захватили бояре: в Перемышле правил некий Григорий Васильевич, а в Галиче Доброслав Судьич. Пока Даниил собрал небольшое войско и выбил Доброслава из Галича, Перемышлем, с помощью венгров, овладел Ростислав Михайлович. Между ними тотчас началась война, закончившаяся победой Даниила: с помощью своего брата, Василька Волынского, он отобрал у Ростислава Перемышль и снова сделавшись единым хозяином Галиц-

---

1) Татары осаждали Вену, на юге дошли до Венеции. Паника распространилась даже на Англию, которая ожидая нападения татар на свои острова, запретила в это время всем своим судам выходить в море.

кой земли, энергично принялся восстанавливать разрушенные города и экономическую жизнь страны.

Но спокойствие было недолгим: не прошло и трех лет, как в Галицкую Русь вторнулось обьединенное войско Ростислава Михайловича, венгерского короля и краковского князя, с которыми Ростислав заключил союз против Даниила. Последний, с братом своим Васильком, собрав большую рать, выступил навстречу врагам. Решительное сражение произошло 17 августа 1245 года на реке Сан, под городом Ярославлем и закончилось блестящей победой Романовичей.

В этой битве Даниил, как обычно сражавшийся впереди других, снова покрыл себя славой: врубившись в гущу врагов, он пробился в центр их расположения, где стояло знамя командующего союзным войском, венгерского воеводы Фильния, сдернул это знамя с древка и изорвал в клочья. Сам Фильний и почти все другие старшие военачальники неприятеля были взяты в плен, только Ростиславу Михайловичу удалось спастись и бежать в Краков.

Для Юго-Западной Руси эта замечательная победа имела такое же значение, как для Северной Руси победа Александра Невского на льду Чудского озера. Ни венгры ни поляки Даниила Романовича до конца его жизни больше не беспокоили и он смог без помехи отдаться заботам об устройстве и благосостоянии своей земли. Ростиславу Михайловичу его тесть, король Бела, дал в удел княжество Мачевское, в венгерской части Закарпатья.

Тяготы татарского ига в Галицко-Волынском княжестве вначале ощущались гораздо меньше, чем в других областях Руси. После первого вторжения татары сюда почти не заглядывали и Даниил даже не был обложен данью. Только в конце 1245 года Батый вызвал его в Орду, где принял милостиво и предоставил ему больше прав и самостоятельности, чем другим русским князьям. Но все же пришлось принять татарских баскаков и платить дань, против чего возмущалось сердце Даниила Романовича. Одержимый мыслью о сверже-

нии татарского владычества хотя бы в Юго-Западной Руси, он попытался вовлечь в союз Венгрию, Польшу и Тевтонский Орден. Но все эти переговоры тормозились из Ватикана: папа Иннокентий Четвертый давал понять Даниилу, что пока он не согласится на церковную унию, никакой помощи ему католические государства не окажут.

Предложение об унии Даниил отверг и начал готовиться к самостоятельной борьбе с татарами, пополняя свои ратные силы и заложив ряд новых крепостей. Слухи об этих приготовлениях дошли до Орды и в 1252 году оттуда выступило к западным границам большое войско, под начальством хана Херумши, племянника Батыя.

Это событие взволновало Европу и в особенности Ватикан, десять лет тому назад уже видевший Батыевы полчища в непосредственной близости от Рима. Возникли опасения, что Галицкий князь, которому отказали в помощи против татар, теперь может объединиться с ними для нового похода на Запад. И папа Иннокентий предложил Даниилу в обмен на унию, королевскую корону и общий крестовой поход против Орды.

Корона Даниила Романовича, видимо, не очень соблазняла, но перед лицом нового татарского нашествия помощь Запада была ему необходима и это заставило его принять предложение папы. Вскоре он был торжественно коронован, но никакого крестового похода против татар не последовало и Даниил, видя, что он обманут, расторгнул свое соглашение с Ватиканом относительно унии.

Папа Иннокентий, уже приславший в Галицию своего епископа для проведения в жизнь церковной унии, пригрозил Даниилу "оружием народов, верных истинной Церкви". Но эти угрозы не возымели никакого действия. Тогда папа попробовал организовать крестовый поход против самого Даниила, но в этом тоже не преуспел и ему не оставалось ничего иного, как отозвать своего епископа из Галицкой земли. Стоит отметить, что для сохранения своего лица перед Европой,

при этом он сделал вид будто сам решил отказаться от мысли о присоединении Галицко-Волынской Руси к католической церкви и повелел посланному туда епископу "покинуть свою епархию ввиду вероломства ее правителей и злобного нрава населения"

Между тем Хуремши, назначенный в Юго-Западную Русь ханским наместником, занял своими войсками некоторые города Подольщины и Волыни, но дальше не продвигался и особой воинственности не проявлял. В 1256 году умер Батый и воспользовавшись тем, что в Орде, в связи с этим, начались неурядицы, Даниил Романович сам выступил против Хуремши и отобрал у татар занятые ими волынские города. Но это ему даром не прошло: едва утвердился на престоле новый хан — Берке, вместо нерешительного Хуремши сюда был прислан во главе сильного войска один из лучших татарских полководцев, эмир Бурундай. Под угрозой полного опустошения Галицко-Волынской земли, он потребовал немедленного срытия всех ее городских укреплений и вновь построенных крепостей. Даниилу ничего не оставалось, как выполнить это требование, с трудом выговорив право сохранить укрепленным один лишь город Холм, бывший в ту пору его столицей.

С этого момента над Галицко-Волынской Русью утвердилась та же форма татарского владычества, которая была определена Батыем для всех других русских княжеств. Но вместе с тем наступило некоторое успокоение, которое позволило Даниилу заняться внутренними делами своей страны и посвятить остаток жизни заботам об ее благоустройстве.

В этой области заслуги его перед родной землей неисчислимы. Следует помнить, что последние полвека она находилась в состоянии почти беспрерывной войны и смуты, — Галич, например, более тридцати раз переходил из рук в руки. Этими нескончаемыми войнами и татарским нашествием Галицко-Волынская Русь была опустошена и разорена, — многие ее области совершенно обезлюдели; лучшие ремесленники и масте-

ра были уведены в Орду, торговля замерла, города лежали в развалинах, — казалось, нужны будут десятки лет, чтобы залечить эти раны. Но благодаря неутомимой энергии и гениальной распорядительности Даниила Романовича, к концу своей жизни он успел не только восстановить, но и значительно превысить прежний уровень благосостояния своего государства.

Всевозможными льготами и щедрой помощью он сумел привлечь множество колонистов из соседних стран, — русских, поляков, чехов и немцев, — которыми вновь заселил опустевшие земли; освобождая от пошлин иностранных купцов и оказывая широкое покровительство своим, добился блестящего расцвета торговли. Не жалея средств, он повсюду искал и находил нужных мастеров и умельцев, — нанимал их в соседних странах, выкупал из Орды, принимал беглых — и с их помощью восстанавливал разрушенные и строил новые города. Согласно летописям, до вокняжения Даниила в Галиции и на Волыни было около пятидесяти городов, а к концу его жизни — восемьдесят. Новая, построенная им столица, город Холм, своим великолепием и благоустроенностью вызывала удивление и восхищение современников.

Король Даниил много сделал и в области просвещения. Соседство с западными странами и тесные сношения с ними дали ему возможность почерпнуть оттуда много полезного и приобщить свой народ к европейской культуре, которая на этом этапе истории, благодаря татарскому нашествию, обогнала русскую.

Деятельность Даниила Романовича в области внешней политики была не менее успешной и мудрой. Неоднократно доказав на деле всем соседним странам свое воинское искусство, решительность и отвагу, и добившись того что они перестали помышлять о завоевании Галицкой земли, — он сумел установить с ними не только мирные, но и дружественные отношения, закрепив их целым рядом удачно заключенных брачных союзов. Одна его дочь была выдана за брата Александра Невского — Андрея, бывшего в ту пору великим

князем Северной Руси; другая дочь и племянница — за могущественных польских князей; из сыновей его, Шварн женился на дочери великого князя Литовского — Миндовга, Лев — на дочери венгерского короля, а Роман — на наследнице австрийского престола, который не достался ему только потому, что войну, вспыхнувшую из-за австрийского наследства помешала довести до победного конца неожиданная смерть Даниила Романовича.

Умер он, повидимому, от болезни сердца. Это трагическое событие имело гибельные последствия для Галицко-Волынской Руси, ибо у Даниила не нашлось достойных преемников. Созданное им государство было поделено между тремя его сыновьями и братом Васильком Романовичем, между которыми сразу начались распри и усобицы. Призвав на помощь татар, которые изрядно разорили страну, победителем из этой борьбы вышел Лев Данилович. Он перенес свою столицу в город Львов, построенный его великим отцом и названный так в честь сына, который едва ли этого заслуживал. Правление его ознаменовалось несколькими неудачными войнами с Польшей и потерей части Галицкой территории. А дальше — всё больший упадок, опять боярское своеволие и крамола, новые неудачные войны и территориальные потери, и наконец, по смерти последнего Галицко-Волынского князя, — правнука Даниила Романовича, Юрия Второго[1]) — в 1349 году последовал раздел страны между Литвой и Польшей.

***

Жизненный путь Даниила Романовича и все сделанное им для Русской земли в полной мере заслуживает преклонения потомков. Ему выпал исключительно

---

[1]) Юрий Второй в истории известен также под своим католическим именем Болеслава. Интересно отметить, что он титуловал себя не Галицким князем, а "Божией милостью князем Малой Руси" Именно отсюда берет свое начало термин "Малороссия".

тяжелый жребий: окруженный врагами внешними и внутренними, вынужденный вести бесконечные войны, он действовал в обстановке предельно трудной, — во вторую половину его жизни осложненной еще и татарским нашествием. Казалось бы, тут и подумать некогда о какой-либо созидательной деятельности. Но Даниил сумел не только с честью выйти из всех испытаний, посланных ему судьбой, — но и в области внутреннего благоустроения сделал для своего государства столько, сколько никто не сделал ни до, ни после него.

Искусный стратег, неустрашимый воин, замечательный политик, дипломат и организатор, он в то же время был человеком исключительно благородным и гуманным, что стяжало ему уважение врагов и любовь своего народа. Летописи, например, отмечают такой случай: объявляя войну полякам, он сопроводил это следующей припиской: "воевати у нас будут только воины, а не будемо воевати и зорити ляшской челяди, како и ляхам не зорити руской". — И это в ту пору, когда все другие воевали главным образом именно ради ограбления и пленения "челяди", то есть мирного населения. Приведем еще один случай, характерный для Даниила: во время одной из междуусобных войн ему представилась возможность захватить врасплох столицу врага, не ожидавшего нападения и куда-то отлучившегося. Несмотря на уговоры своих советников, Даниил Романович отказался от этого, считая такой образ действий неблагородным.

В пользу его высоких душевных качеств говорит и та трогательная дружба, которая на протяжении всей жизни связывала его с братом Васильком. К врагам своим он был неизменно милостив, пленных выпускал без выкупа и даже ни одного из бояр своих, без конца ему изменявших, не предал смертной казни.

Такие князья, как Даниил Романович, построили Российскую Империю и ее величие. Его именем может справедливо гордиться русская история.

УЧАСТНИКИ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Сражение на Куликовом поле, в котором русское воинство, под водительством великого князя Московского, Дмитрия Ивановича, в 1380 году разбило орду Мамая, по справедливости может считаться одним из славнейших событий нашего прошлого.

Имя каждого участника этой битвы, встречающееся в том или ином документе эпохи, кому бы оно ни принадлежало, — князю, воеводе или простому воину, — является достоянием истории и заслуживает того, чтобы его помнили потомки.

Много ли сохранилось таких имен? — Повидимому никто не пытался произвести полный подсчет, но в среде образованных людей, — не профессионалов истории, — принято думать, что не более сорока. Действительно, в популярных описаниях этой битвы и в общедоступных исторических источниках упоминаются около двадцати князей, ее участников, из которых шестеро или семеро были убиты, — да примерно столько же московских бояр и воевод, занимавших главные командные должности и в своем большинстве сложивших головы в этом сражении.

Принимая во внимание шесть столетий, отделяющих нас от этого события, казалось бы и то не мало. Из участников Ледового побоища, не менее славного для русского оружия, до нас дошли, например, только два имени: самого князя Александра Невского и его брата Андрея. Но с той поры внутренняя обстановка на Руси существенно изменилась: блестящая победа Дмит-

рия Донского рассеяла мрак невежества, сгустившийся над Русской землей за полтора века татарского владычества, — на смену ему пришел быстрый рост культуры и письменности. В ближайшие за Куликовской битвой десятилетия, было написано несколько посвященных ей повестей и сказаний, благодаря которым мы знаем о ней гораздо больше, чем о других крупных сражениях нашей древности.

Некоторые из этих повестей (например, "Задонщина") написаны с подлинным художественным мастерством. Однако, патриотический пафос в них явно преобладает над исторической точностью, — авторы были неспособны учесть того исключительного значения, которое приобретет каждое написанное ими слово для будущего исследователя. Это были скорее поэты, чем хронисты, и остается только подосадовать, что среди них не оказалось ни одного историка "Божьей милостью", каковым был, например, их польский современник Ян Длугош, оставивший нам изумительное по широте охвата описание Грюнвальдского боя. У него не только подробнейшим образом и в строгой последовательности изложены все перипетии сражения, но перечислены все до одного полки своего и неприятельского войска (а их участвовало в битве сто сорок два!), поименно названы их командиры и даже детально описаны все без исключения знамена этих полков.

В сохранившихся описаниях Куликовской битвы таких подробностей нет. Но это отчасти восполняется тем, что этих описаний было несколько, причем каждое из них дошло до нас во многих списках, по-своему переработанных и пополненных различными летописцами и переписчиками, которые тоже что-то знали об этом событии. Внимательное исследованье и сопоставление всех этих источников значительно проясняет общую картину сражения и дает возможность открыть многие интересные детали.

В частности, занявшись этим, я обнаружил имена многих второстепенных участников Куликовской битвы, доселе остававшихся в тени забвения, и в том чис-

ле не только сравнительно мелких военачальников и дворян, но и простых воинов, что осебенно ценно, ибо летописцы и повествователи древности подобными именами обычно пренебрегали.

Для историка, работающего вдали от государственных архивов и первоисточников, довести до конца какое-либо исследование, — задача трудная и кропотливая, к тому же никогда нельзя быть уверенным, что оно полностью завершено. Однако, думаю, что список составленный мною в итоге долголетних поисков, является почти исчерпывающим, — прибавить к нему новые имена могут, пожалуй, только документы доселе неопубликованные или неизвестные, если таковые обнаружатся в будущем.

Необходимые пояснения:

Следует оговориться, что летописцы и переписчики сильно искажали имена и фамилии некоторых участников сражения, так что иногда трудно определить — идет ли речь об одном и том же лице или о двух различных. Во всех тех случаях, когда на этот счет возможны какие-либо сомнения, я привожу оба имени, не дублируя лишь тех, где ошибка ясна на все сто процентов.

Крестиком отмечены имена безусловно убитых в сражении, а звездочкой — имена тех, о смерти которых в бою сведения не могут считаться вполне достоверными, а также предположительно убитых.

В тех случаях, когда имя участника сражения общеизвестно и его можно найти почти во всякой летописи, я не указываю источника, в котором его обнаружил.

***

А. КНЯЗЬЯ — УЧАСТНИКИ СРАЖЕНИЯ

1. МОСКОВСКИЙ, Дмитрий Иванович Донской
2. СЕРПУХОВСКИЙ, Владимир Андреевич Храбрый. В некоторых источниках он назван БОРОВСКИМ,

— это не ошибка, ибо ему принадлежали и Серпуховский и Боровский уделы.

3. ВОЛЫНСКИЙ, Дмитрий Михайлович Боброк.
Из князей — Гедиминовичей.

4. ПОЛОЦКИЙ, Андрей Ольгердович.
Из Гедиминовичей. В некоторых источниках назван ПСКОВСКИМ, — не ошибка, ибо в те годы он княжил во Пскове.

5. БРЯНСКИЙ, Дмитрий Ольгердович.
Брат предыдущего. В некоторых источниках назван ПЕРЕЯСЛАВСКИМ, — не ошибка, т. к. при переходе на службу к Москве, Дмитрий Донской дал ему в удел город Переяславль-Залесский.

6. БРЯНСКИЙ, Глеб.

* 7. БРЯНСКИЙ, Роман.
Упоминается в некоторых списках "Сказания о Мамаевом побоище" и в "Дмитрии Донском" С. Бородина. Очевидно, как и предыдущий — сын Дмитрия Ольгердовича.

† 8. ТАРУССКИЙ, Мстислав Иванович.

† 9. ТАРУССКИЙ, Феодор Иванович.

10. ОБОЛЕНСКИЙ, Иван Константинович.

† 11. ОБОЛЕНСКИЙ, Андрей Константинович.

* 12. ОБОЛЕНСКИЙ, Семен Андреевич.
В энциклопедии Ефрона и Брокгауза говорится, что сыновья князя Константина Ивановича Оболенского участвовали в Куликовской битве (что известно и по другим источникам), но названы они Иваном и Семеном, тогда как вторым "Константиновичем" был Андрей, а Семен — его сын. Отсюда ясно, что и он участвовал в битве. По непроверенным данным, участвовал в ней и Михаил, — второй сын князя Андрея.

13. МУРОМСКИЙ, Владимир Дмитриевич Красный, "Снабдя".

14. МУРОМСКИЙ, Андрей.

† 15. БЕЛОЗЕРСКИЙ, Федор Романович,

† 16. БЕЛОЗЕРСКИЙ, Иван Федорович.

† 17. БЕЛОЗЕРСКИЙ, Семен Михайлович.

† 18. БЕЛОЗЕРСКИЙ, Федор Семенович.

Большинство историков считает, что два последних князя идентичны двум предыдущим и что летописцы, по незнанию, приписали им различные имена. С этим трудно согласиться, т. к. во многих источниках, в том числе и в Никоновской летописи и в "Истории" В. Татищева они перечислены все четверо. Князей Белозерского дома участвовало в сражении, согласно летописям, не меньше восьми, — некоторые источники указывают даже пятнадцать, — очевидно Семен Михайлович и Федор Семенович находились в их числе, независимо от двух первых.

* 19. АНДОМСКИЙ, Андрей.

* 20. КЕМСКИЙ, Андрей Иванович или Семен Васильевич.
Оба из группы Белозерских князей, упоминаются в Никоновской и многих других летописях и в некоторых списках "Сказания о Мамаевом побоище"

* 21. ВАДБОЛЬСКИЙ.
Из Белозерских. Упомянут у Татищева ("Ваньдомский").

* 22. КАРГОЛОМСКИЙ, Глеб.
Из Белозерских. Упомянут во многих источниках, в том числе в Пермско-Вологодской летописи и в Забелинском списке "Сказания".

23. КАРГОПОЛЬСКИЙ, Глеб.
Упомянут в Никоновской летописи и у Татищева. Возможно, что тут описка и что это тот же князь Карголомский. Но может быть и нет, ибо существовали и Карголомский и Каргопольский уделы, и оба в княжестве Белозерском.

24. ЯРОСЛАВСКИЙ, Андрей Васильевич.

25. ЯРОСЛАВСКИЙ, Василий Федорович (вероятно Васильевич).

26. ПРОЗОРОВСКИЙ, Роман.

27. КУРБСКИЙ, Лев.
Оба из Ярославских и упомянуты почти во всех летописях и списках "Сказания"

28. КУБЕНСКИЙ, Глеб.
Из Ярославских. Упомянут у Татищева.
29. ШЕХОНСКИЙ, Афанасий.
Из Ярославских. Упомянут в Никоновской летописи, которая исказила его в "Цыдонский".
30. МОЛОЖСКИЙ, Федор Михайлович.
† 31. МОЛОЖСКИЙ, Иван Михайлович.
Из Ярославских. Некоторые летописи, например, "Сокращенный летописный свод 1495 года" называют в числе убитых "князя Ивана Михайловича", без фамилии. Очевидно это Моложский, т. к. только его имя и отчество подходят.
32. РОСТОВСКИЙ, Андрей Феодорович.
33. РОСТОВСКИЙ,Дмитрий Федорович.
34. УГЛИЦКИЙ, Борис (Давыдович?).
† 35. УГЛИЦКИЙ, Роман Давыдович.
† 36. УГЛИЦКИЙ,Иван Романович.
† 37. УГЛИЦКИЙ, Владимир Романович.
† 38. УГЛИЦКИЙ, Святослав Романович.
† 39. УГЛИЦКИЙ, Яков Романович.
Из Ростовских князей. Упомянуты в Михайловском списке "Сказания", все шестеро.
40. УСТЮЖСКИЙ.
Очевидно из Ростовских. Упоминается в Никоновской летописи и у Татищева.
41. СТАРОДУБСКИЙ, Андрей Феодорович.
† 42. СТАРОДУБСКИЙ, Семен Иванович.
Упоминается обычно только имя и отчество, Никоновская летопись.
43. СМОЛЕНСКИЙ, Иван Васильевич.
† 44. ДОРОГОБУЖСКИЙ, Владимир.
Из Смоленских князей. Упоминается в Никаноровской летописи.
45. ВСЕВОЛОЖСКИЙ, Владимир Александрович.
46. ВСЕВОЛОЖСКИЙ, Дмитрий Александрович.
47. ВСЕВОЛОЖСКИЙ, Иван Александрович.
Сыновья Смоленского князя Всеволода-Александра Глебовича, перешедшие на службу к Москве и позже утратившие титул. Но тогда их еще называли обычно князьями.

† 48. ДРУЦКОЙ, Глеб Иванович.

49. ДРУЦКОЙ, Лев.
В "распространенной" редакции "Сказания" — кн. Лев Дружеской.

50. ПРОНСКИЙ, Даниил.
В Михайловском списке "Сказания" упомянуто: "князь Даниил", — историки считают, что это Д. Пронский, сподвижник Дмитрия Донского по другим битвам.

51. НИЖЕГОРОДСКИЙ, Дмитрий.
Упомянут у Татищева.

52. КИЕВСКИЙ, Андрей Иванович.
В Михайловском списке "Сказания". Возможно, что это описка переписчиков, — вместо "Кемский" [1]).

53. НОВОСИЛЬСКИЙ, Степан (Романович).

54. СЕРПЕЙСКИЙ, Лев.
Из Карачевских князей. Упоминается в Вологодско-Пермской летописи и в Летописной редакции "Сказания" (Лев Серпьский).

55. БЕЛЕВСКИЙ, Феодор.
Из Карачевских князей (некоторые считают, что из Новосильских, но это неверно: к Новосильской династии это княжество перешло только в 1468 году, а прежде оно принадлежало Карачевской. В Никоновской летописи назван "Белецким".

56. ХОЛМСКИЙ, Иван Всеволодович.

57. ХОЛМСКИЙ, Дмитрий Всеволодович.
В Михайловском списке "Сказания". Очевидно ошибка или в имени, или в отчестве, т. к. в то время существовали Юрий Всеволодович Холмский (брат предыдущего) и Дмитрий Еремеевич, — их двоюродный брат. Очевидно речь идет именно о нем.

† 58. КАШИНСКИЙ, Михаил Васильевич.
Не наверное. В некоторых источниках, в том чис-

---

1) Но в то время существовали и Киевские князья, один из которых вполне мог участвовать в этом сражении.

ле в Забелинском списке "Сказания" упоминается в числе убитых "князь Михаил Васильевич". Большинство Кашинских князей были Михаилы Васильевичи или Василии Михайловичи. Кроме того, по преданьям один из Кашинских князей участвовал в этой битве.

59. ЕЛЕЦКИЙ, Феодор Иванович.

† 60. МЕЩЕРСКИЙ, Юрий Феодорович.
Из туземной династии.

61. ПЕРМСКИЙ, Аликей.
Туземный князь. В Забелинском списке "Сказания" (Левкей Перемский).

† 62. ТУРОВСКИЙ, Феодор.

† 63. ТУРОВСКИЙ, Мстислав.
Упоминаются в Устюжском летописном своде и в некоторых списках "Сказания". По всей вероятности тут описка — спутали этих князей с Тарусскими, носившими те же имена. Но полной уверенности в этом быть не может, ибо имена эти были среди князей — Рюриковичей весьма распространенными. Туровские князья в это время существовали и в русских делах принимали участие, — князь Александр Туровский, например, участвовал в битве на Калке.

Из этих князей не менее двадцати были убиты на Куликовом поле. Летописи и "сказания" указывают гораздо большее количество убитых князей (конечно, сильно преувеличивая), но имен их не приводят.



Б. ВОЕВОДЫ И ДВОРЯНЕ.

† 1. БРЕНКО, Михаил Андреевич.

† 2. ВЕЛЬЯМИНОВ, Микула Васильевич.

* 3. ВЕЛЬЯМИНОВ, Тимофей Васильевич.

† 4. ВАЛУЙ, Иван Окатьевич.

† 5. ВАЛУЕВ, Тимофей Васильевич.
По некоторым спискам — Тимофей Валуевич Окатьев. Племянник предыдущего.

† 6. МЕЛИК, Семен.
* 7. КВАШНЯ, Иван Родионович.
† 8. ДРАНИЦА, Иван Григорьевич.
У Савёлова-Савёлкова, — "Древнее русское дворянство" — упоминается в числе воевод, убитых на Куликовом поле. Его потомки Чуриловы.
† 9. ШУБА, Андрей Феодорович.
† 10. ШУБИН, Михаил Акинфиевич.
В Никоновской и других летописях он упомянут по имени и отчеству, в числе убитых. Племянник предыдущего. Возможно, что идентичен № 14-му.
† 11. СЕРКИЗ, Иван, боярин, из ордынских царевичей. Упомянут в числе убитых воевод у Савёлова-Савёлкова, в указанной выше книге, под рубрикой "Старковы".
† 12. СЕРКИЗОВ, Андрей Иванович.
Сын предыдущего, упомянут почти во всех летописях и сказаниях. Его потомки Старковы.
† 13. КУТУЗОВ, Иван Гаврилович.
Упомянут у Савёлова-Савёлкова, в той же книге, в числе убитых воевод.
† 14. ОКИНФИЕВ, Михаил Иванович.
† 15. ОКИНФИЕВ, Иван Иванович.
Последние два упоминаются в большинстве летописей, иногда только по имени и отчеству.
† 16. МОРОЗ, Иван Семенович.
† 17. МОРОЗОВ, Лев Иванович.
† 18. МОРОЗОВ, Фирс Иванович.
Сыновья предыдущего. Почти во всех летописях.
† 19. ТОЛБУГА, Иван Иванович.
Упомянут в Никаноровской летописи.
† 20. ШЕТНЕВ, Тарас.
Упоминается в Никоновской летописи и у Татищева.
21. ВОРОНЦОВ, Михаил Александрович.
Упомянут в Михайловском списке "Сказания о Мамаевом побоище".
22. ТЮТЧЕВ, Захарий.
23. КОНОНОВ, Константин.
В некоторых источниках назван Кононовичем.

24. ГРУНКО, Феодор.
25. КАПУСТИН, Григорий.
Павший в битве богатырь, упоминается в Устюжском летописном своде и в Пермско-Вологодской летописи.
26. БЕЛОУСОВ, Александр.
27. БЕЛЕУТ, Даниил.
Большинство историков их считают одним лицом, тем более что в некоторых источниках их имена перепутаны, — Белоусова называют Даниилом. Но во времена Дмитрия Донского, они существовали оба и у Савёлова-Савёлкова каждый в отдельности показан в числе воевод Куликовской битвы.
† 28. ПЕРЕСВЕТ, Александр.
* 29. ОСЛЯБЯ, Родион.
В некоторых источниках назван Андреем (мирское его имя Роман).
† 30. ОСЛЕБЯТЬЕВ, Яков.
Сын, а по другим сведеньям племянник инока Осляби. В некоторых источниках назван Ослебятовым.
† 31. РЖЕВСКИЙ, Родион.
32. СУДАКОВ, Григорий.
33. СЕСЛАВИН, Иван.
34. СВЯТОСЛАВОВ, Иван.
В Забелинском списке "Сказания", и в Никоновской летописи. Вероятно искаженная фамилия предыдущего. Встречаются и другие варианты: Свесланин, Свяслов, Всеслав и иные.
35. ПОЛЕВ, Клементий.
Встречаются искажения: Поленин, Полянов и др.
36. ГОРСКИЙ, Петр.
37. КРЕНЕВ, Игнатий.
38. ТЫНИН, Фома.
39. ОЛЕКСИН, Карп.
40. АЛЕКСАНДРОВ Карп.
В Никоновской летописи. Возможно, что идентичен предыдущему.
† 41. МОЗЫРЕВ, Лев.

Упоминается в "Повести о побоище на Дону". В Никоновской летописи и у Татищева — Мазырев.

42. ВИСКОВАТЫЙ, Федор Семенович.
В Михайловском списке "Сказания"

43. УСАТЫЙ,Яков Андреевич.
Упоминается в "Распространенной" редакции "Сказания"

44. ЧИРИКОВ, Петр Игнатьевич.

45. ПОПОВ, Андрей Семенович.

46. МИЛЮК, Феодор, стремяной.

47. ЖИДОВИНОВ, Родион.

48. ТУПИК, Василий.

49. ВОЛОСАТОВ, Андрей.

50. ПОГОЖ, Мартос.
В энциклоп. словаре Ефрона и Брокгауза и у Савёлова-Савёлкова, под словом "Погожевы"

† 51. КАРГАША, Василий Порфирьевич.
Устюжский летописный свод и своды конца 15 в.

52. САБУР, Феодор.

53. ХЛОПИЩЕВ, Григорий.
Встречаются искажения: Холопичев и Холопов.

54. КОЖИН, воевода.
У Савёлова-Савёлкова.

55. ГАЦАБЕСОВ, Фома.
В Забелинском списке "Сказания"

56. ЧЕЛЯДНИН, Михаил Андреевич.
Упоминается у С. Бородина, в "Дмитрие Донском".

57. ЗЕНЗИН, Яков Иванович.

58. МИКУЛИН, Тимофей Константинович.
Новгородцы, участвовавшие в сражении, упоминаются в Михайловском списке "Сказания".

59. НЕЛЕДЗЕВСКИЙ, Владислав, "Каща".
В энциклопед. словаре Ефрона и Брокгауза указан как выехавший из Польши на службу к Дмитрию Донскому и участвовавший в Куликовской битве.

60. НЕЛИДОВ, Иван.

61. НЕЛИДОВ, Юрий.

Сыновья предыдущего, тоже участники сражения. Имена их приведены по родословным книгам. Упоминаются и у Савёлова-Савёлкова, как участники сражения.

† 62. КОБЫЛИН (предположительно), Иван Александрович.

† 63. СОБАКИН (предположительно), Семен Иванович.

Во многих летописях, в том числе и в Никоновской и в Устюжской, упоминаются только по имени-отчеству в числе убитых московских воевод. Первый скорее всего является сыном боярина Александра Андреевича Кобылина, по прозвищу "Елка", а второй — Ивана Феодоровича Собаки, — приближенного Дмитрия Донского. У обоих были сыновья, носившие подходящие имена. Но Семеном Ивановичем мог быть и воевода Мелик, отчество которого неизвестно.

64. МАНКО, Феодор.

65. САНОВ, Иван.

66. БАЙКОВ, Михаил Иванович.

Последние три имени встречаются в некоторых списках "Сказания" и "Повестей" и являются сомнительными.

***

В. РЯДОВЫЕ ВОИНЫ, ИЗ КУПЦОВ, КРЕСТЬЯН И РЕМЕСЛЕННИКОВ.

1. КАПИЦА, Василий.
2. ХАВРИН, Кузьма.
3. ПЕТУНОВ, Константин.
4. ОЛФЕРЬЕВ, Сидор.
5. ВЕСЯКОВ, Тимофей.
6. ВЕРБЛЮЗИН, Антон.
7. ЧЕРНЫЙ, Дмитрий.
8. САЛАРЕВ, Михаил.
9. САЛАРЕВ, Дементий.
10. ШИХ (Шихов), Иван.

11. ОНТОНОВ, Семен.
Это купцы-сурожане, добровольцами пошедшие в войско Дмитрия Донского. Десять первых имен упоминаются почти во всех списках "Сказания" и во многих летописях. Последнее, одиннадцатое имя добавляет к ним Никоновская летопись.

† 12. КОЖУХОВ, Иван.
Дворецкий воеводы Тимофея Валуева. Упоминается в Михайловском списке "Сказания".

13. ХРУЛЕЦ, Гридя.
14. САПОЖНИК, Юрий.
15. СУХОБОРЕЦ, Васюк.
16. БЫКОВ, Семен.
17. НОВОСЕЛ (Новоселов), Семен.
18. ХОЛОП, Федор.
Воины. Упоминаются в Забелинском списке "Сказания", последний также в Никоновской и др. летописях.

19. ПОРОЗОВИЧ, Федор.
У Татищева.

20. ЗЕРНОВ, Федяй.
Воин. В некоторых списках "Сказания", в Никоновской летописи, и в некоторых других.

21. ЗОВ, Федор, воин.
В Никоновской летописи, — полагают, что искаженное имя предыдущего.

22. КАБЫЧЕЙ, Фома.
Воин, бывший разбойник, В связи с видением, упоминается во всех списках "Сказания", но все пишут его фамилию по-разному, так что трудно установить какая правильна. Встречаются варианты: Кабычей, Хабычей, Хобычеев, Хабесов, Кацабай, Кацыбеев, Хацыбеев, Хабай и др.

23. РЯЗАНЕЦ, Софоний.
Священник, автор "Задонщины" Есть основания думать, что он сопровождал Дмитрия Донского в этом походе. Во всяком случае, как современник события, давший первое его описание, он получает право на внесение в этот список.

24. МИГУНОВ, Федор, ремесленник.

25. БРАДИН, Василий, скотобой.
26. БРАДИН, Максим, сын предыдущего.
27. БРАДИН, Петр, внук Василия.
28. БРАДИН, Андрей, тоже.
29. БРАДИН, Михаил, тоже.
30. БРАДИН, Александр, тоже.

Последних семерых, — ополченцев из города Белева, — упоминает С. Бородин в своем "Дмитрие Донском" Т. к. он широко пользовался государственными архивами и все остальные приводимые им имена исторически верны, вероятно можно доверять и этим.

**
*

В так называемой Распространенной редакции "Сказания о Мамаевом побоище" упоминаются еще шесть воевод — новгородцев, будто бы приведших на помощь Дмитрию Донскому ополчение из Великого Новгорода. Как известно, новгородское ополчение в Куликовской битве не участвовало, но возможно, что эти лица в одиночном порядке или с небольшими отрядами своих людей принимали в ней участие, а потому стоит привести их имена:

1. ПОСАДНИК Иван Васильевич [1]).
2. ВОЛОСАТЫЙ, Андрей Иванович, сын первого.
3. КРАСНЫЙ, Фома Михайлович.
4. ЗАВЕРЕЖСКИЙ, Дмитрий Данилович.
5. ХРОМОЙ, Юрий Захарьевич.
6. ПАНОВ (Пановляев), Михаил Львович.

---

1) "Посадник" тут не фамилия, а должность, что заставляет сомневаться в том, что это лицо участвовало в Куликовской битве, — посадник был главой Новгорода и такое событие, конечно, было бы отмечено в новгородских летописях. Но это мог быть и один из бывших посадников, за таковыми это наименование в обиходе обычно сохранялось.

Следует также указать, что к списку убитых на Куликовом поле многие летописи и сказания добавляют еще четыре имени:

1. МИНИН, Дмитрий Минаевич.
2. ШУБА, Акинф Феодорович.
3. МОНАСТЫРЕВ, Дмитрий Александрович.
4. КУСАКОВ, Назар Данилович.

Но это не верно: первые два были убиты во время войны Москвы с Тверью, в 1368 году, а вторые два — в битве с татарами на реке Воже, в 1378 году. Большинство наших летописей (и в том числе даже столь солидные, как Никоновская) отмечают смерть этих воевод под тем годом, когда они в действительности были убиты, а потом, в Куликовском сражении, "убивают" их вторично. На это стоит обратить внимание тех, кто твердо верит в непогрешимость летописцев, и всякую попытку историка их контролировать воспринимает как нечто граничащее со святотатством.

Всего, по летописным данным, — конечно, округленным и вероятно несколько преувеличенным, — на Куликовом поле полегло "бояр и воевод старших" — московских сорок, литовских (то-есть пришедших с князем Дмитрием Ольгердовичем Брянским) — тридцать и из иных русских княжеств — около шестисот. Имена их, за исключением небольшой части, приведенной выше, к сожалению, потеряны для нас навсегда, не говоря уж о десятках тысяч незнатных людей, своей кровью купивших эту историческую победу.



Итак, сохранилось 165 имен. Это хотя и не много, но все же в четыре раза больше, чем принято думать.

Несомненно, при анализе следует исключить отсюда некоторое количество имен, которые являются искаженным переписчиками повторением имен действительных (например, — князья Тарусские и Туровские, Каргопольский и Карголомский, воеводы Сеславин и Святославов и т. п.). Я считаю, что таких повторений во всем

списке не более пятнадцати, хотя некоторые из тех наших историков, — которые в сомнительных случаях пуще всего боятся ошибиться в пользу родной страны и потому предпочитают обеднять ее историю [1]), — вероятно вычеркнули бы вдвое или втрое больше.

В исторических источниках есть также неувязки и разноголосица относительно убитых в этом сражении. Часто летописцы называют только имя и отчество, в таких случаях иногда трудно определить о ком идет речь, например, о Тимофее Васильевиче Вельяминове или о Тимофее Васильевиче Валуеве? Что второй убит, — это несомненно, а относительно первого, — хотя в некоторых источниках он и назван в числе убитых, — приходится сомневаться, ибо есть и противоречивые сведения. Также Иван Квашня, — по одним летописям был убит на Куликовом поле, а по другим умер в Москве, десять лет спустя. Под сомнением стоит и смерть инока Осляби, но этот случай следует рассмотреть особо, так-как по поводу него в печати не раз возникали споры.

И в этих спорах нет ничего удивительного, ибо в данном случае каждая из спорящих сторон, в зашиту своей позиции, имеет возможность сослаться на исторические источники заслуживающие, казалось бы, полвой веры. Однако, в отношении Осляби в этих источниках встречаются вопиющие разногласия и это лишний раз доказывает, что к летописям нельзя относиться со слепым доверием, ибо их авторы вовсе не были застрахованы от ошибок. К истине можно приблизиться только при ознакомлении с целым рядом документов, касающихся спорного события, что иногда позволяет определить — какой летописец ошибался и откуда проистекает его ошибка. Попытаемся сделать это относительно смерти Осляби.

Троицкая летопись и Московский летописный свод 15 века, под 1398-м годом, то-есть через восемнадцать лет после Куликовской битвы, отмечают, что "в

---

1) Яркий тому пример автор приводит в конце этого очерка.

Цареград с Москвы поехал с милостыней Родион, чернец Ослябя, бывший прежде боярин Любутьский" (текст Троицкой летописи). Подобные упоминания имеются и в некоторых второстепенных летописях. Тексты общего характера многие летописцы, особенно провинциальные, списывали с какого-нибудь основного источника и ошибка этого последнего механически повторялась другими.

Но в Устюжском летописном своде, который, после Никоновской летописи, дает наиболее полный перечень убитых на Куликовом поле, мы находим в числе павших: "Александр Пересвет и брат его Ослябя". В сокращенных летописных сводах 1493 и 1495 гг. (27-й том Полного собрания русских летописей) тоже значатся в числе убитых "Александр Пересвет и чернец Ослябя". Есть упоминания об одновременной смерти обоих иноков и в некоторых других летописях.

Такие же противоречия мы находим в различных списках "Сказания о Мамаевом побоище". Это сказание дошло до нас в ста-двенадцати списках, иногда отличающихся друг от друга весьма существенно. В одних упомянуты в числе убитых оба инока, в других один Пересвет. Из всего этого мы можем заключить только одно: что налицо несомненное противоречие и что какая-то группа рассмотренных нами источников допустила ошибку. Но какая же именно?

Об этом можно судить с достаточной приближенностью хотя бы по следующим историческим материалам:

1, **Никоновская или Патриаршая летопись.** Стоит обратить внимание на то, что эта летопись, — самая подробная и осведомленная из всех, — не упоминает Ослябю ни в числе убитых на Куликовом поле, ни под 1398-м годом. В ней обстоятельно, до мелочей, описано всё связанное с посылкой этой милостыни (т. е. денежной помощи) в Царьград, — чем она была вызвана, где и как производились сборы, как благодарили и какими подарками ответили византийский император и

вселенский патриарх, но о том кто отвозил эту милостыню не сказано ни слова. Трудно допустить, что если то был Ослябя, — лицо ставшее историческим, — летописец уделивший столько внимания всему этому событию, мог бы этого не знать и не отметить.

2. **Официальный церковный синодик убиенных на Куликовом поле.** В него внесены и Пересвет и Ослябя.

3. **Хворостининский и Уваровский списки "Сказания".** В них упоминается о том, что тела убитых иноков Пересвета и Осляби с поля битвы были отправлены в Троицкий монастырь.

4. **Монастырская запись** о том, что несколькими годами позже их останки были перевезены из Троицкого в Симоновский монастырь, под Москвой, где после того и находились их гребницы.

5. **Челобитная царю Ивану Грозному от Ивана Пересветова** (одного из потомков Пересвета). В ней есть такая фраза: "Пересвет и Ослябя, в чернецах и в схиме, с благословением Сергия чюдотворца на Доньском побоище при великом князе Дмитрее Ивановиче, за веру хрестианскую, за святыя церкви и за честь государеву главы свои положили"

Так как нам сейчас недоступны многие первоисточники, стоит оглянуться на мнения тех ученых-историков, которые имели к ним доступ. В энциклопедическом словаре Ефрона и Брокгауза профессор Н. И. Кареев по этому поводу пишет: "Ослябя, Роман, в монашестве Родион, — боярин, инок Троицко-Сергиевского монастыря... Принимал участие в Куликовской битве, где и был убит".

В своем "Курсе русской истории" академик Платонов, которого вряд ли можно упрекнуть в неосведомленности, говорит: "игумен Сергий дал великому князю из братии своего монастыря двух богатырей, по

имени Пересвет и Ослябя... Оба погибли в бою с татарами и погребены в Симоновском монастыре".

Отмечу, что историк С. М. Соловьев упоминает в числе павших только одного Пересвета. Но его описание Куликовской битвы постине изумительно: посвятив русской истории тридцать объемистых томов и не жалея места для подробнейшего описания совершенно незначительных происшествий, — вроде какой-нибудь междуусобной распри двух ничем не замечательных удельных князей, — он славнейшему событию отечественной истории (которое без преувеличения можно назвать воскресением Руси), точнее всей Куликовской эпопее, — включая предшествовавшие события, подготовку к битве, поход, самую битву и рассуждения об ее исторических последствиях, — уделил меньше четырех страниц, а собственно сражению — всего двадцать две строки!

Касаясь русских потерь, он дословно пишет следующее: "четверо князей (двое белозерских и двое тарусских), тринадцать бояр и троицкий монах Пересвет были в числе убитых"

Тут остается только развести руками, ибо согласно летописям, с которыми Соловьев был знаком лучше чем кто-либо, — на Куликовом поле пало не менее двадцати князей, известных поименно, а бояр и воевод одних лишь московских убито сорок, — из них с достоверностью известны имена по крайней мере половины. Если даже всех нам неизвестных отнести на счет преувеличения летописцев, — все же непонятно, почему Соловьев игнорирует остальных, соглашаясь признать убитыми лишь тринадцать бояр, но в своей сверхподробной "Истории" даже их не удостаивает назвать по именам.

Возвращаясь к вопросу о смерти инока Осляби, в свете всего рассмотренного выше, следует признать более вероятным, что он был убит в Куликовском сражении.

ПЕРВЫЙ САМОДЕРЖЕЦ ВСЕЯ РУСИ.

Иван Третий, Васильевич, вступивший на Московский престол в 1462 году, был первым русским монархом, который по праву и с полным основанием мог назвать себя самодержцем и великим государем всея Руси.

О событиях первостепенной важности, которыми изобиловало его сорокатрехлетнее княжение, можно было бы сказать очень много, но в настоящем очерке коснемся лишь главного, в объеме совершенно необходимом для правильной оценки личности этого государя и ясного понимания того — какое значение для Руси имело его царствование и как оно отразилось на дальнейшем ходе ее истории.

В области внутри-русской политики, Иван Васильевич был прямым продолжателем и завершителем деятельности своих предшественников: он практически закончил объединение Руси и нанес последний, смертельный удар пережиткам того удельно-феодального порядка, который несколько столетий изнурял Русскую землю и служил источником ее неисчислимых бед

Это ему удалось сделать без особого труда и ценою сравнительно малой крови. Из больших русских княжеств только Тверское пыталось противиться воле Ивана Третьего и отстаивать свою независимость, опираясь на союз с Литвой. Следствием этого было две войны, которые Тверь проиграла. Иван Васильевич отдал ее своему сыну, а Тверской князь Михаил Борисо-

вич бежал в Литву, где и дожил свою жизнь в безвестности.

Ростовский, Ярославский и другие крупные удельные князья, еще сохранявшие в своих княжествах какую-то видимость государственной власти, сознавая полное неравенство сил и видя, что их подданные открыто тяготеют к Москве, — отказались от своих уделов добровольно и перешли на положение обыкновенных помещиков и бояр московского государя. Из более мелких князей те, которые еще раньше не обратились в простых московских воевод, теперь шли поголовно на службу к Ивану Третьему, уже, конечно, не как вассалы, а как "княжата", — полностью подчиненные люди, не всегда даже попадающие в разряд бояр или окольничих[1]). Именно в это время зарождается на Руси уничижительная форма письменного обращения к монарху: — "холоп твой, князь или боярин такой-то, челом тебе, великому государю, бьет"

Сокрушительный удар нанес Иван Васильевич и "господину Великому Новгороду" Повод к этому дали сами новгородцы: в 1470 году, под воздействием враждебной Москве партии, которую возглавляла семья Борецких, Новгород отдался под власть польско-литовского короля Казимира 4, с условием сохранения всех своих обычаев и вольностей.

Исчерпав все возможности мирного воздействия, Иван Васильевич, во главе сильного войска, выступил в поход и в двух сражениях наголову разбил новгородцев, которым король Казимир не оказал никакой помощи. На этот раз Иван отнесся к побежденным довольно милостиво: велел казнить только четырех бояр, возглавлявших про-литовскую партию (в том числе Дмитрия Борецкого), расторгнуть навеки договор с королем Казимиром и впредь не входить ни в какие сношения с врагами Москвы. Но смуты и заговоры в Новгороде не прекращались, вследствие чего восемь

---

1) Некоторых заносили в списки даже без княжеского титула, как простых "боярских детей", т. е. служилых дворян.

лет спустя последовала новая война, закончившаяся полным утверждением воли московского государя, которая была теперь выражена в коротких, но решительных словах: "вечевому колоколу в Новгороде не быть, посаднику не быть, а государство в нем нам держать". Этим новгородской вольнице был положен конец, а дальнейшие брожения и смуты были пресечены путем выселения многих тысяч неблагонадежных новгородцев в московские земли и присылки на их места москвичей. Великий Новгород сделался одной из областей Московского государства.

Вслед за этим к Москве была присоединена Вятская земля, а еще раньше — Пермская и Югорская, до самого Иртыша. Таким образом, из всех русских земель, не находившихся под властью иных государств, к концу княжения Ивана Третьего, в силу родственных связей [1]) сохранило номинальную самостоятельность одно лишь великое княжество Рязанское. Но на деле Рязанский князь был совершенно покорен воле московского государя.

Все это дало Ивану Васильевичу возможность в области внешней политики и в отношениях с соседними государствами держаться уверенно, — уже не как старший из русских удельных князей, а как полноценный монарх и глава нации. И смело предъявлять права на те искони русские земли, которые при его предках были захвачены соседями.

Это, прежде всего, касалось Литвы, владевшей в то время всеми южными, западными и даже многими центральными русскими областями, включая Смоленскую, Черниговскую, Орловскую, Калужскую и Тульскую [2]).

Всюду на этих землях сидели старые русские князья Рюриковичи или совершенно обрусевшие Гедиминовичи. Постепенно они были лишены всяких приз-

1) Рязанский князь Иван Васильевич был племянником Ивана Третьего, сыном его любимой сестры Анны.

2) Только лишь северные части Калужской и Тульской областей принадлежали Москве.

наков государственной власти в своих отчинах, но все же номинально числились удельными владетелями и вассалами литовского государя, и покуда Литва была отдельным и православным государством — все они чувствовали себя не плохо. Но со времени польско-литовской унии положение их резко изменилось к худшему: в стране взял верх воинствующий католицизм, начались утеснения в правах и гонения православных, а как следствие этого в русских князьях, из которых ни один православию не изменил, пробудилась тяга к Москве.

К 1490-му году князья Вяземские, Белевские, Козельские, Воротынские, Одоевские, Мезецкие и Бельские, владения которых граничили с московскими землями, уже признали над собою власть Москвы и вступили на службу к московскому государю. Князья Карачевские, Новосильские и Дорогобужские сделали это еще раньше. Сами по себе они не были Литве нужны и их особенно не удерживали, но дело приняло иной оборот, когда Иван Васильевич потребовал передачи ему всех уделов, которые им прежде принадлежали. Из за этого началась война, сложившаяся для Литвы неудачно и в результате литовский великий князь Александр [1]) вынужден был не только передать Москве почти все земли этих князей, но и признать официально титул Ивана Третьего как "великого государя всея Руси", о чем прежде литовские монархи не хотели и слышать, ибо они сами себя титуловали "великими князьями Литовскими и Русскими" Между Москвой и Литвой после этого установился недолгий и непрочный мир, скрепленный женитьбой великого князя Александра на дочери Ивана Васильевича, Елене.

Но тяга русских князей из-под Литвы на Русь продолжалась: вскоре перешли на службу к московскому

---

[1]) После смерти польско-литовского короля Казимира Четвертого, его государство было поделено между двумя сыновьями: Яну досталась Польша, а Александру Литва.

государю князья Стародубские[1]), Новгород-Северские, Трубчевские (Трубецкие), Можайские, Серпейские и Масальские. В отношении их земель Иван Васильевич предъявил прежние требованья. Как следствие этого, вспыхнула новая война, которая закончилась тем, что к Москве отошли уделы всех этих и некоторых других князей, включавшие города: Чернигов, Брянск, Новгород-Северск, Трубчевск, Карачев, Стародуб, Мосальск, Серпейск, Мценск, Глухов, Рыльск, Путивль, Гомель, Любеч, Дорогобуж, Торопец, Севск, Курск и другие, всего сорок два города, семьдесят волостей и множество сёл. Таким образом последние земли, входившие прежде в состав великого княжества Черниговского и полтораста лет пробывшие под властью Литвы, теперь были воссоединены с Московской Русью.

Не довольствуясь этим, Иван Васильевич при заключении мира открыто заявил, что считает своими вотчинами также Киевскую Русь, княжества Смоленское, Витебское, Полоцкое, Минское и иные русские земли, "которые польский король и великий князь литовский держат за собой неправдою"

Великим историческим событием царствованья Ивана Третьего (но далеко не в такой степени его личной заслугой, как это принято считать) было окончательное освобождение Руси от татарского владычества.

Тут следует вспомнить, что зависимость от Орды, чрезвычайно ослабленная победой Дмитрия Донского на Куликовом поле, в материальном отношении была для Москвы мало ощутительной: ежегодная дань, причитающаяся татарскому хану, была установлена в размере всего пяти тысяч рублей, но и этой суммы Иван Васильевич никогда не вносил полностью, что и служило причиной постоянного недовольства хана Большой Орды, Ахмата. Относительная ценность пяти тысяч рублей того времени не достигает пятисот тысяч предреволюционных рублей, — для любого государственного бюджета это безделица. Когда, например, отец

---

1) Стародуба черниговского.

Ивана Третьего, Василий Темный, попал в плен к Казанским татарам, Москва без особого напряжения выкупила его за сто тысяч рублей[1]), — сумму по тем временам громадную, в двадцать раз превышавшую размеры дани, которую полагалось платить ежегодно Орде.

Таким образом, полное освобождение от татарской зависимости для государственного бюджета Москвы значения почти не имело. Не избавляло оно Русь и от опасности татарских набегов, которые долго еще повторялись. Но оно имело огромное моральное и политическое значение, превращая Русь в полноценное европейское государство и поднимая московского государя на уровень крупнейших монархов того времени. До этого события, в Западной Европе всё, что находилось по ту сторону литовских рубежей рассматривалось как "Татария", а Московский князь как подручный татарского хана. И если семья Ярослава Мудрого была связана брачными узами со всеми царствующими домами Европы, то в период татарского владычества о таких браках и речи не было, ибо родство с русскими князьями даже мелкие европейские монархи сочли бы для себя унизительным.

С татарским ханом у Ивана Третьего отношения с самого начала были натянутыми. Не будем останавливаться на подробностях и на перипетиях той борьбы, которую он вел с Большой Ордой, — отметим только, что борьба эта отнюдь не носила целеустремленного характера. Причиною того скорее всего были личные качества Ивана: он был весьма осторожен и любил действовать наверняка, тут же истинное соотношение сил было для него загадкой. К тому же он не был одержим идеей освобождения в такой степени как предок его Дмитрий Донской и не обладал силою его натуры. Преданье о том, что он растоптал ногами ханскую басму и велел казнить ордынских послов, — это только красивая легенда.

---

1) Некоторые летописи указывают даже 200.000 рублей.

Когда в 1472 году хан Ахмат пошел походом на Русь и подошел к Оке, Иван Васильевич сосредоточил на противоположном берегу громадную рать, численностью в 180.000 человек. Узнав об этом, Ахмат перейти реку не рискнул. На виду русского войска он разграбил и сжег город Алексин, и затем повернул обратно. Иван его не преследовал. В последующие годы он с Ордою кое-как ладил и если в конце концов пошел с нею на открытый разрыв, то это было сделано главным образом по настоянию жены его, Софьи Палеолог. Гордой и чопорной византийской принцессе невыносимо было сознание того, что она является женою татарского данника и вассала, а не самодержавного монарха. И она не прекращала давления на мужа, пока не добилась своего. В этом, конечно, ее большая, но, пожалуй, единственная заслуга перед Русью.

Так или иначе, но в 1476 году Иван Третий уплатить хану дань отказался наотрез. Хорошо подготовившись и заключив союз с польско-литовским королем Казимиром [1]), хан Ахмат четыре года спустя двинулся на Москву. Но зная, что московское войско, как всегда, ждет его на Оке, на этот раз он изменил обычное направление и вышел западнее, — к берегам реки Угры. Однако Иван Васильевич, своевременно узнав об этом, успел перебросить туда главные силы русских, под начальством своего сына Ивана, который подошел к Угре раньше татар и овладел всеми бродами и переправами.

Сам Иван Третий во время этой кампании проявил полную нерешительность и даже растерянность. Вместо того, чтобы все помыслы сосредоточить на предстоящем сражении и попытаться разбить татар на берегах Угры, где обстановка этому вполне благоприятствовала, он приказал отправить свою семью и государственную казну на Белоозеро, а Москву готовить к осаде. Сам в скором времени покинул войско и явился в Моск-

---

[1]) Союз этот остался на словах, ибо король Казимир на соединение с Ахматом не пришел и никакой помощи татарам не оказал.

ву, где был встречен ропотом и всенародным негодованием.

Особенно сурово осудило его поведение духовенство, в лице митрополита Геронтия и престарелого ростовского архиепископа Вассиана, который при народе, в лицо назвал его "бегуном" и сказал: — "вся кровь христианская падет на тебя за то, что выдавши христианство бежишь ты от татар и не бившись с ними. Зачем боишься смерти? Дай мне, старику, свое войско и увидишь, уклоню ли я лицо свое перед татарами" [1]).

Великий князь, опасаясь народного гнева, не рискнул даже въехать в Кремль, а остановился в подмосковном селе, откуда послал приказ сыну своему Ивану тоже оставить войско и ехать к нему, в Москву. Но сын даже под угрозой ареста отказался исполнить это приказание и посланным Ивана Васильевича ответил: "умру здесь, а к отцу не поеду". Он продолжал бдительно следить за татарами и когда они попытались начать переправу через Угру, отбил их с большим уроном.

Прожив две недели под Москвой, Иван, побуждаемый духовенством, снова отправился к месту военных действий, но стал не с войском, на Угре, а в селе Кременце, не доезжая семидесяти верст. Отсюда, по совету своих ближних бояр Ивана Ощеры и Григория Мамона, он вступил с ханом в переговоры, пытаясь склонить его к миру.

Узнав об этом, архиепископ Вассиан прислал ему послание, в котором увещевал быть решительным и не слушать дурных советов. Смелый пастырь писал великому князю:

> "не слушай, государь, этих людей, кои учат тебя бросить оружие и не противустоять поганым, и предавши отечество свое и христианство, бегуном явитися, ибо хотят они честь твою в бесчестие привести и славу твою в бесславие. Но отложи весь страх и возмогай о Господе, изыди во

---

1) См Устюжский летоп. свод под 1480 годом и Соловьева "История России" том 3, стр. 78.

стретенье безбожному врагу, поревнуй прародителям твоим, великим князьям, кои не токмо Русскую землю обороняли, но и чужие страны покоряли себе. Достохвальный твой прадед Дмитрий каково мужество и храбрство показал за Доном, сам напереди всех бился и не щадил живота своего ради избавления христиан. И за то Бог послал ему в помощь ангелов своих, и доныне восхваляем есть и славим не токмо от человека, но и от Бога“ [2]).

Под давлением общественного мнения и Церкви, Иван Васильевич переговоры с ханом прервал, но никакой решительности в действиях по-прежнему не проявлял. Наоборот, когда начались холода, — опасаясь, что татары перейдут реку по льду, он приказал своему войску отойти к Кременцу, чтобы тут изготовиться ко встрече с врагом. Но едва рать пришла в Кременец, он повелел отходить дальше, в Боровск.

К счастью Ахмат, в войске которого начались болезни и брожения, всем этим не воспользовался и пошел назад, опустошая по пути зе́мли своего союзника, короля Казимира. По дороге на его орду напал ногайский хан Ивак, отнял у него добычу, а самого Ахмата захватил в плен и приказал убить. Большую Орду, которую возглавили сыновья Ахмата, несколько лет спустя добил союзник Ивана Третьего, крымский хан Менгли-Гирей. Таким образом татарское иго, два с половиной столетия тяготевшее над Русью было сброшено, а Большая Орда перестала существовать. Из ее остатков образовалось царство Астраханское.

Полный перелом произошел теперь и в отношениях Москвы с Казанским царством, служившим для Руси источником постоянных бед и опасностей. И если в первые годы княжения Ивана Васильевича Казань держала себя с обычной дерзостью и постоянно беспокоила московские земли своими набегами, то во второй половине своего княжения, умело воспользовавшись рас-

---

[2]) См. Пермско-Вологодскую летопись, под 1480 годом.

прями казанских ханов, он уже сажал там на царство своих ставленников и фактически подчинил Казань своей власти. Теперь казанские цари не только покорно платили ему налоги и пошлины, но и во всех действиях своих были послушны его воле, ибо со строптивыми бывало и так:

> "тоя же зимы послал князь великий воевод Василья Ноздроватого да Ивана Телешова в Казань и велел поимать царя казанского Абдыл-Летифа за его неправду. Они же ехав сотвориша тако: поимав царя приведоша его на Москву. Князь же великий посла его в заточение на Белоозеро, а на Казань пожаловал великий князь на царство брата его Магмет-Аминя" [1]).

Само собою разумеется, что этот Магмет-Аминь был благоразумнее и покладистее своего предшественника: даже собравшись жениться на дочери ногайского хана, он на то испрашивал согласие Ивана Васильевича, которое было ему милостиво дано.

Иван Третий очень много сделал и в области устроения Московского государства. Но прежде чем говорить об этой стороне его деятельности, необходимо коснуться женитьбы его на Софье Палеолог, ибо это событие наложило свой отпечаток на всё содеянное Иваном, пожалуй в еще большей степени, чем освобождение от власти Орды.

Как известно, в 1453 году Византийская империя пала под ударами турок и последний император, Константин 12, Палеолог, был убит в сражении, а его брат Фома, с малолетней дочерью Зоей, нашел убежище в Риме. Зоя, на Руси принявшая имя Софии, хотя и сохранила православие, — с детства воспитывалась под влиянием католической церкви, а потому, когда Иван Васильевич овдовел [2]), римский папа Павел Второй

---

[1]) Никоновская летопись, год 1502.

[2]) Первым браком Иван Третий был женат на Тверской княжне Марии Борисовне.

предложил ее в жены Московскому князю, надеясь при помощи этого брака привести Москву к унии. Ивану было лестно и выгодно, породнившись с византийским императорским домом, стать как бы духовным наследником Византии и тем поднять свой международный престиж. Последовал обмен послами и дело сладилось. В 1472 году Софья, с пышной свитой греков и римлян, во главе с кардиналом Антонием Бонумбре, прибыла в Москву и в тот же день состоялось ее бракосочетание с Иваном Васильевичем.

Надежды Ватикана на возможность окатоличить Русь и на этот раз не оправдались. Кардиналу Антонию, который собирался торжественно вступить в Москву в красной кардинальской мантии и с католическим крестом, несомым впереди, попросту предложили спрятать всё это подальше, если он хочет, чтобы его впустили в город *). Негодуя, кардинал подчинился этому требованию, а когда он, несколько позже, поднял вопрос об унии, — по желанию Ивана Васильевича, между ним и представителем русского духовенства Никитой Поповичем был устроен публичный диспут на догматические темы. В этом словесном поединке кардинал потерпел полное поражение и не знал, что отвечать своему оппоненту. Тем дело и кончилось, а сама Софья, повидимому, никогда не пыталась повлиять на мужа в этом направлении, хотя во многом другом влияние ее оказалось весьма сильным.

Но прежде всего, самый факт женитьбы на наследнице византийских императоров, — да еще в соединении с внешними успехами политики и оружия Москвы, — не мог не отразиться на психологии Ивана Третьего: он почувствовал себя не только главою сильного и независимого государства, но и прямым преемником павшей Византии, наследником ее традиций в качестве оплота всего православного мира, в чем неустанно укреп-

---

*) Московский митрополит Филипп по поводу этого облачения велел кардиналу передать, что "нам и смотреть на такое непристойно"

ляла его и жена. Как следствие этого, провозглашается и всеми мерами внедряется в сознание народа горделивый постулат: "Москва — третий Рим, а четвертому не бывать"

Всё это имело, конечно, свою положительную сторону, создавая русскому монарху тот международный престиж, которого требовало положение оформившегося Московского государства. Но об руку с этим пришли и такие перемены, о которых нельзя не пожалеть: исчезла простота в обращении, издревле присущая русским княжеским дворам, государь стал почти недоступен, появились зачатки средостения между ним и народом, обесценилось достоинство человеческой личности, возникли придворные партии и интриги. И справедливо говорил боярин Иван Берсеньев Максиму Греку: — "жила наша Русская земля в тишине и мире, а как пришла сюда ваша царевна Софья со своими греками, так всё у нас замешалось и пришло в нестроение великое, как было в Царьграде, при ваших царях". И далее добавил: — "Государь наш теперь не с боярской думой, а у постели жены своей дела решает"

Здесь небезинтересно отметить, как сложилась судьба этого самого боярина, когда византийские нравы при русском дворе окончательно оформились и окрепли. Берсеньев — человек по тем временам блестяще образованный, умный и бескорыстный патриот, — был ближайшим сотрудником Ивана Васильевича, который его высоко ценил. Но когда он вздумал дать какой-то совет его сыну и преемнику Василию Третьему, тот надменно ответил: — "убирайся прочь, мужик, ты мне не надобен". А еще три года спустя Берсеньев был по повелению того же Василия Третьего обезглавлен, причем перед этим ему вырезали язык.

Это, разумеется, далеко не единичный случай: с западным влиянием пришло резкое ежесточение нравов. На Москве появляются страшные публичные казни, приводящие в смятение и ужас русских людей, дотоле этого не видевших. Вот что говорит, например, русская летопись по поводу расправы, учиненной Ива-

ном Третьим над серпуховскими дворянами, обвиненными в заговоре:

> "повелел их князь великий казнити, бити и мучати, и коньми волочить по всему граду и по всем торгам, а последи повелел главы им отсечи. Множество же народа видяще сие, от бояр и от купец великих и от священников до простых людей, во мнозе быша ужасе и удивлении, яко же николи такого не видено и не слышано от руских князей бываемо".

И в дальнейшем летописи пестрят: "повелел князь великий казнити детей боярских (следуют имена) да князя Ивана Палецкого и главы им ссекоша на лёду" ... "велел казнити князя Семена Ряполовского, главу ему срубиша на Москве-реце" "повелел смертию казнити еретиков (следует ряд имен), и сожгоша их в клетке, а Некрасу Рукавову велел языка урезать и после сожгоша его" "и того мистра Левона велел поимати и голову ему ссекоша на Болвановке"... и т. п.[1]).

Разумеется, всё это отразилось и на судебнике, который Иван Третий издал в 1497 году. Сам по себе этот факт имел положительное значение, — такой судебник был совершенно необходим, ибо со времени Ярославовой "Правды" и "Уложения" Владимира Мономаха, на Руси не появлялось никаких новых письменных кодексов и в каждом удельном княжестве суд творился частично по этим устаревшим нормам, а более по местным положениям, разумениям и обычаям.

Судебник Ивана Третьего дал общее законодательство для всей Русской земли, определил — кому судить и как судить, запретил взяточничество, посулы и лицеприятие, упорядочнил многие бытовые и административные вопросы. Но суровость определяемых этим судебником наказаний совершенно не отвечает духу и обычаям старой Руси, письменное законодательство которой было гуманно и не знало смертной казни. Су-

---

1) Никоновская и др. летописи.

дебник же Ивана Третьего устанавливает ее за многие виды преступлений и притом в очень растяжимом понятии. Сюда входят некоторые виды убийства, крамола, святотатство, кража казенного и церковного имущества, повторный случай всякой другой кражи, злостная клевета, "подмёт", разбой, поджог населенного пункта и "иное какое лихое дело". Совершенно очевидно, что под эти понятия, в особенности под последнее, при желании можно подвести весьма многое.

Способы смертной казни в судебнике не указаны, — это оставлялось на усмотрение судей. Но из различных документов эпохи мы знаем, что применялись повешенье, отсечение головы, утопление, четвертование и сожжение. Из менее тяжких наказаний широкое применение получили различные виды членовредительства, битье кнутом и закабаление в холопы.

Все эти печальные новшества народ не без основания приписывал влиянию Софии и ее иностранного окружения. И даже сегодня русское сердце чувствует, что большая доля истины заключалась в словах князя Андрея Курбского, который в своей знаменитой переписке с Иваном Грозным писал, имея в виду главным образом Софью Палеолог: — "в предобрый русских князей род всеял дьявол злое семя наипаче женами их, коих поимывали от иноплеменников"

Может быть, сама Софья в этом и не столь виновна. Но факт остается фактом: тот византийский дух, который у нас "всеялся" с ее появлением, ожесточил русские нравы больше чем два с половиной века татарского владычества. И уже во втором поколении потомков он породил монарха, опозорившего своим царствованьем русскую историю.

Сделав византийского двуглавого орла гербом своего государства, Иван Третий и в обиходе своем старается быть похожим на византийских императоров: он окружает себя пышностью и роскошью, заводит при своем дворе строгий церемониал, — на смену извечной простоте русских княжеских обычаев, приходят чопорность и ходульность. Для своих русских князей он уже

не старшой брат, великий князь Иван Васильевич, а "Божией милостью ИОАНН, государь и самодержец всея Руси, и великий князь Московский, Владимирский, Тверской, Новгородский и Псковский, и Пермский, и Югорский, и Вятский и Болгарский, и иных многих русских земель".

Таким же титулом он пользовался в сношениях с Литвой, Польшей и другими крупными государствами [1]). В делах с Ливонским Орденом, Грузией и второстепенными странами он называет себя "царем всея Руси". Термины "царь" и "самодержец", в применении к нему, мы встречаем во многих документах эпохи, как русских, так и иностранных. В грамоте датского короля он назван даже императором. Но все же ему не удалось добиться от важнейших монархов Европы официального признания за собой царского титула. Для этого еще немало пришлось потрудиться его ближайшим преемникам.

Радея о славе и величии подвластного ему государства, Иван Васильевич не мог, разумеется, удовлетвориться и скромным обликом своей столицы. В течение всей второй половины его царствования шла деятельная перестройка Москвы и украшение ее новыми величественными зданиями.

Не довольствуясь привлечением к этому делу лучших русских мастеров, Иван Третий выписал из Италии целый ряд искуснейших "муралей" — зодчих, из которых наибольшую известность приобрели Альберто Фиораванти, прозванный Аристотелем, Марко Руфо, Алевиз, Петро-Антонио Соляри и Антон Фрязин. Под их руководством был перестроен и значительно расширен великокняжеский дворец, сооружены Успенский и Благовещенский соборы, Грановитая палата, Пушечный двор и много других прекрасных строений. Но самым грандиозным творением этих мастеров была пере-

---

[1]) Кроме названных стран, Иван Третий имел сношения с Венгрией, Германией, Италией, Австрией, Швецией, Данией, Турцией и Хорасаном.

стройка московского Кремля: его расширили до нынешних пределов и обнесли новыми кирпичными стенами, со множеством и доныне существующих башен замечательной архитектуры.

Кроме Москвы, были заново укреплены и значительно благоустроены многие другие русские города, в том числе Владимир, Новгород, Псков, Великие Луки и Орешек. На западных границах Руси было построено несколько новых городов-крепостей.

Много заботился Иван Васильевич о расширении русской торговли и в этом значительно преуспел: в его время тысячи иностранных купцов приезжали в Москву, а русским купцам были обеспечены безопасность путешествий и выгодные условия торговли со всеми соседними странами. Вообще он обращал много внимания на связи с Западом и пользовался всякой возможностью перенять оттуда что-либо полезное для Руси, причем умел делать это без оскорбления русского национального достоинства и без ущерба для русской самобытности, — как это случилось позже.

Он усиленно разыскивал заграницей знающих людей и нужных ему специалистов, хотя далеко не все соглашались ехать в Москву, так как это не всегда кончалось для них благополучно. Особенно не посчастливилось медикам: венецианский лекарь "мистр Леон", не сумевший вылечить царевича Ивана, поплатился за это головой. Другой иностранный врач, немец Антон, столь же неудачно лечивший какого-то татарского князя, — родственника царевича Даньяра, который находился на русской службе, — был за это выдан Даньяру головой. Добродушный татарин хотел отпустить его, но Иван Васильевич этому решительно воспротивился и повелел лекаря казнить. Его, по словам историка Соловьева, "свели на Москву-реку, под мост и зарезали ножем, как овцу". Устрашенный такими примерами, знаменитый зодчий Аристотель Фиораванти попытался тайком уехать из Москвы, но был схвачен, изрядно потрепан и удержан силою.

В оценке личности Ивана Третьего историки расходятся. Карамзин, например, превозносит его необычайно,—это именно он попытался закрепить за ним прозвание "Великого". Соловьев склонен приписывать все его удачи главным образом тому, что он получил для этого готовую базу, созданную целым рядом его умных, трудолюбивых и бережливых предшественников. Платонов придерживается промежуточного взгляда, пожалуй наиболее правильного.

Иван Васильевич, несомненно, обладал широким государственным умом, был дальновиден, настойчив в своих устремлениях и деятелен, но в то же время излишне честолюбив, склонен к жестокости и не отличался личной храбростью. Гениальным он не был, но смело можно утверждать, что положительные его качества, как государя, явно преобладали над отрицательными, что и позволило ему блестящим образом использовать то богатое и счастливое наследие предков, о котором говорит Соловьев.

Не менее ценное наследство он и сам оставил своим преемникам, ибо всем содеянным обеспечил им положение неоспоримых самодержцев Русской земли.

ЦАРИЦА СОЛОМОНИЯ.

Из всех наших старинных дворянских родов татарского происхождения, древнейшим является род Сабуровых. Его родоначальник мурза Чет, в крещении принявший имя Захарии, выселился из Орды на Русь в 1328 году и это был первый достоверно известный случай перехода татарского вельможи на русскую службу [1]).

В то время Золотая Орда находилась в зените своего могущества, перед нею трепетали и Азия и Европа. Сам византийский император Андроник Третий счел за благо породниться с великим ханом Узбеком, выдав за него свою родную дочь, — случай небывалый в истории Византии. Московское же княжество едва начинало свое возвышение, и потому такой переход кажется совершенно непонятным. Однако, тут были особые обстоятельства:

мурза Чет, — один из ближайших советников хана Узбека, — родился, повидимому, от русской матери и женат был тоже на русской. Его жена Авдотья, захваченная на Руси при одном из татарских набегов, всеми помыслами стремилась возвратиться на родину и, как видно, имела сильное влияние на мужа. Отсюда, вероятно и дружба, возникшая у него с московским князем Иваном Даниловичем Калитой, который часто при-

---

1) Согласно родословной Огаревых, их предок мурза Кутлук-Мамет, по прозвищу Огарь, служил Александру Невскому. Но достоверность этого не подтверждается никакими историческими данными и род Огаревых ни боярским, ни влиятельным не был.

езжал по делам в Орду и в лице мурзы Четы всегда находил деятельного пособника.

В 1327 году, получив ярлык на великое княжение над Русью, — несомненно с помощью того же Чета, — Калита предложил последнему ехать в Москву и вступить к нему на службу, на чем настаивала и Авдотья. Великий хан Узбек, благоволивший к Ивану Калите, охотно отпустил Чета, может быть втайне надеясь в его лице иметь при московском дворе своего осведомителя. Если так, то он, надо думать, ошибся: Чет служил Ивану Даниловичу верой и правдой, и был одним из его любимых бояр. Между прочим, позже он на свои средства выстроил костромской Ипатьевский монастырь.

Сын Чета — Александр, человек уже совершенно русский, был боярином Симеона Гордого, а внук — Дмитрий, по прозванию Зерно, — боярином Дмитрия Донского. От младшего из трех сыновей Дмитрия Зерна пошел род Вельяминовых-Зерновых, а у старшего, Ивана, тоже было три сына: Федор Сабур, Даниил Подол и Иван Годун, от которых пошли соответственно роды Сабуровых, Подольских и Годуновых.

Род Подольских вообще остался в безвестности и вскоре, повидимому, пресекся. Годуновы возвысились только во время Ивана Грозного, но Сабуровы уже в 15 веке занимали одно из видных мест в ряду знатнейшего московского боярства, а в начале 16-го породнились с царской семьей.

Великий князь Иван Третий, сбросивший татарское иго, женатый на племяннице последнего византийского императора и уже начавший титуловать себя царем, — всячески стремился возвысить свой род и потому своему сыну Василию усиленно приискивал невесту среди европейских принцесс. Но эти его старания успехом не увенчались: монархи Европы еще смотрели на русских князей как на полуазиатов, может быть только временно вырвавшихся из-под татарского владычества, и потому не считали их достойными руки своих дочерей.

Тогда приступили к поискам русской невесты. Во дворец, на смотрины, со всего царства Московского было собрано 1.500 красивейших девиц, — княжеских, боярских и дворянских дочерей. Выбор сразу пал на Соломонию Сабурову. Она была так прекрасна, что царевич Василий, — надменный полувизантиец, открыто презиравший русскую знать, — не посчитался с тем, что отец ее, Юрий Константинович, в ту пору не был даже боярином. Иван Третий нехотя уступил настояниям сына и брак был заключен.

Позже он был расторгнут, — как гласит официальная версия, — по причине бездетности Соломонии. Если это и верно, то во всяком случае можно думать, что бесплодие явилось лишь одною из причин развода, но, видимо была и другая.

По дошедшим до нас свидетельствам, Соломония Юрьевна, — типичная боярышня того времени, выращенная в тереме, — была тиха, скромна, очевидно совершенно необразована, в государственные дела не вникала и к придворному блеску никакого влечения не имела. К тому же, вероятно, с самого начала была затуркана и подавлена мужем, который, как известно, отличался крутым и неуживчивым нравом.

Разумеется, такая жена не могла импонировать Василию Третьему, тяготевшему к пышности и к византийским порядкам. Вскоре она ему наскучила, но о разводе с нею он не помышлял долгие годы, пока случай не поставил перед ним женщину совершенно иного склада.

Это была молодая красавица, княжна Елена Васильевна Глинская[1]), семью которой бурные политические события заставили бежать из Литвы в Москву.

Умная, бойкая и очевидно склонная к интригам, она была полной противоположностью скромной и не-

---

[1]) Род князей Глинских, между прочим, тоже татарского происхождения. Их родоначальник Али-Касид-мурза (по летописям мурза Лексад), выехавший из Орды в Литву, получил от князя Витовта в удел города Глинск и Полтаву.

заметной Соломонии. Историк Соловьев о ней пишет: "Елена, воспитанная иначе, чем тогдашние московские боярышни, имела больше средств нравиться" И потому не удивительно, что сорокашестилетний царь Василий начал вдруг сильно сокрушаться о бесплодности своей первой жены и решил с нею развестись.

Летописи, в подобных случаях всегда старающиеся обелить перед потомством носителя верховной власти, — утверждают, что такое решение он принял по настоянию своих бояр. Но, во-первых, нам хорошо известно, что с боярами Василий Третий совершенно не считался, а, во-вторых, из тех же летописей ясно видно, что и общественное мнение Москвы и даже высшее духовенство было против этого развода, на который не соглашалась и Соломония.

Но Василий пошел напролом и своего добился. Кое-кто из бояр и некоторые представители высшего духовенства, не одобрявшие его намерений, были сосланы и заточены в дальние монастыри. Сам глава русской церкви, московский митрополит Варлаам, предварительно был смещен и на его место поставлен волоколамский игумен Даниил, на сговорчивость которого Василий Иоаннович вполне мог рассчитывать.

Вот что пишет по этому поводу историк конца прошлого столетия, проф. В. Мякотин[1]):

> "Варлаам, своею независимостью и частыми "печалованьями" за осужденных, навлек на себя гнев великого князя и был смещен с митрополии, а на его место Василий без всякого собора назначил Даниила, с мнениями и характером которого успел ознакомиться. На митрополичьем престоле Даниил явился типичным иерархом-иосифлянином, не только не противодействуя своими "печалованьями" злоупотреблениям власти, но не стесняясь поступался, ради желаний Василия, своею совестью и самыми церковными правилами... Ког-

---

1) См. энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, полутом 19, стр. 88 и 89.

да Василий Иванович замыслил развестись со своей супругой Соломонией, Даниил сперва посоветовал обратиться за разрешением развода к восточным патриархам. Но когда пришел отказ от патриархов, а великий князь стоял на своем, — митрополит решился исполнить его волю. Соломония была насильно пострижена в монахини, а затем Даниил сам обвенчал Василия, при живой жене, с Еленой Глинской. Подобные действия, в глазах многих современников роняли авторитет митрополита, его называли "потатчиком" и не хотели видеть в нем пастыря"

Итак, Соломония была пострижена под именем Софии и отправлена в Суздальский Покровский монастырь. Стóит обратить внимание на то, что эта робкая и нерешительная женщина отчаянно сопротивлялась пострижению и до последней минуты твердила, что не хочет и не может идти в монахини. Этим подкрепляется правдоподобие тех слухов, которые вскоре поползли по Москве.

Стали говорить, что несколько месяцев спустя инокиня София родила в монастыре сына, нареченного Юрием. И что когда Василию Третьему сообщили об этом, он повелел новорожденного умертвить и держать дело в строжайшей тайне.

Его приказ, будто бы, выполнили: ребенок был умерщвлен и похоронен в том же монастыре, разумеется, под чужим именем. Но история на этом не кончилась: стали ходить упорные слухи о том, что похоронили кого-то другого, а сын Василия Ивановича и Соломонии был спасен и передан надежным людям на воспитание. За эти слухи кое-кто поплатился языком, а кто и головой, но все же они пережили Василия Третьего и много лет спустя, под их воздействием могила загадочного младенца была вскрыта и в ней обнаружили тряпичную куклу.

Было ли всё это заранее подстроено распространителями слухов, или слухи эти оказались правдой, —

остается тайной истории, которая едва ли будет когда-либо раскрыта, тем более, что в народной памяти не сохранилось никаких преданий, связанных с именем спасенного царевича и с его дальнейшей судьбой. Впрочем, один советский автор, исследователь русской старины, высказывал и пытался обосновать гипотезу, согласно которой знаменитый в то время разбойник Кудеяр, оставивший богатые следы в народном эпосе, был этим царевичем.

В эпической биографии Кудеяра и в самом деле есть данные, позволяющие сделать такое предположение.

**
*

Любопытна общность судьбы царицы Соломонии и ее племянницы, Евдокии Богдановны Сабуровой. Она была первой женой царевича Ивана — старшего сына Грозного, и разделила участь тетки. Но тут обошлось уже без всяких осложнений: пожелав жениться на Прасковье Михайловне Соловой, царевич заставил Евдокию постричься в монахини того же Суздальско-Покровского монастыря, под именем Александры. Она скончалась в 1619 году и была погребена рядом с Соломонией Юрьевной.

Такая же участь постигла и вторую жену царевича Ивана, когда он захотел жениться на третьей, — Елене Ивановне Шереметевой. Последняя тоже не избежала монастыря: ее постригли по приказанию Ивана Грозного, после убийства им сына. Он полагал, что именно ей следует расплатиться за это преступление, ибо она была невольной причиной их ссоры.

БОРИС ГОДУНОВ.

"А что если мы клевещем на прах его и несправедливо терзаем память человека, веря ложным мнениям, принятым в летопись бессмыслием или враждою?"

Н. Карамзин.

Для исследователя Борис Феодорович Годунов является одним из самых интересных и притягательных персонажей нашего прошлого, ибо его личность, — вокруг которой сгрудилось столько противоречий, — его моральный облик и его деяния для многих и до сих пор остаются одной из тех загадок, которыми изобилует русская история.

Над решением этой загадки трудилось немало историков. Выводы, к которым они пришли, были различны, но почти все признали, что оценка, данная ему теми современниками на свидетельства которых опирается наша официальная история, была предвзята и несправедлива. Она рисует его черным злодеем, перед мрачными деяниями которого бледнеет даже кровавая фигура Ивана Грозного. Известный в прошлом столетии профессор А. Я. Шпаков, не поленившийся собрать воедино все обвинения, которые возводились на Бориса, сам был поражен их обилием и нелепостью. Перечислим лишь главные из них:

на его совести, будто бы, убийства дяди царя Феодора, — Никиты Романовича Юрьева, Ивана Милославского, нескольких князей Шуйских и целого ряда дру-

гих бояр, а также дочери и внучки князя Владимира Старицкого, своей собственной племянницы малолетней царевны Феодосии и даже жениха своей дочери — датского принца Иоганна. Иными словами, кто бы и от чего бы ни умер в ту пору в Москве, — всё это потом приписывали отравлениям и удушениям по тайному приказу Бориса. Он оказался повинным даже в том, что московский боярин Семеон Бекбулатович, бывший Касимовский царь, — ослеп от старости.

Далее: он подбил боярина Богдана Бельского на заговор против царя Феодора Ивановича и потом сам этот заговор раскрыл, — всё это для того, чтобы получить повод сослать Бельского в Нижний, а царевича Дмитрия и его родню — в Углич. Там он организовал убийство царевича, фальсифицировал результаты расследованья, потом, чтобы отвлечь внимание народа от этого события, приказал поджечь Москву, а чтобы не дознались до истинной причины пожара — уговорил крымского хана напасть в это время на Русь. Он учредил патриаршество только для того, чтобы поставить патриархом своего дружка Иова, который должен был за это помочь Борису овладеть престолом. Он, после многих неудачных покушений на жизнь царя Феодора, в конце концов отравил его, а потом и его жену, — свою родную сестру, царицу Ирину. Силою и обманом заставил выбрать себя царем, подтасовав состав земского собора и плетьми понуждая людей кричать, что хотят его на царство. Был ненавистен всей Руси за то, что грабил и убивал бояр, разорял и крепостил народ, обижал духовенство, притеснял купечество и потворствовал иностранцам. И т. д. и т. д.

Таким рисуют Бориса мемуары его завистников и летописи, написанные в дни торжества его врагов — Лжедмитрия и Василия Шуйского. Однако, даже те наши историки-формалисты, которые склонны считать всякую летопись непогрешимым документом, вынуждены были признать, что в данном случае краски весьма сильно сгущены и отбросить большую часть этих вздорных обвинений. Но все же на счету Годунова был

оставлен такой пассив, что эти историки сами не очень верили в справедливость написанного ими о Борисе. Красноречивым подтверждением этого служит фраза Карамзина, поставленная эпиграфом к настоящему очерку.

По мере внимательного изучения эпохи власти Бориса Годунова и свидетельств, оставленных беспристрастными лицами, мнения о нем историков начали изменяться. М. Погодин уже смело утверждал, что Годунов совершенно неповинен в смерти царевича Дмитрия, и отзывался о нем с большой симпатией. Во второй половине прошлого века эту точку зрения уже разделяло и защищало большинство русских историков-исследователей и профессоров (Н. Арцыбашев, А. Краевский, И. Тюменев, П. Павлов, Е. Белов, К. Аксаков, А. Шпаков и др.). И наконец, в начале нынешнего столетия академик С. Ф. Платонов в своем превосходно обоснованном и документированном труде "Борис Годунов", окончательно очистил от клеветы память этого несчастного царя.

Однако, со всеми этими специальными трудами, — которые никогда не имели большого распространения, а ныне стали библиографическими редкостями, — широкие круги читающей публики незнакомы и общие представления о царе Борисе строятся почти целиком на знаменитой драме Пушкина "Борис Годунов". Образ, созданный его творческой фантазией, благодаря бессмертной опере Мусоргского вышел за пределы России и прочно закрепился в мировом общественном мнении. Именно этим двум гениям русского искусства царь Борис обязан своей всемирной известностью. Но какой известностью!

"Цареубийца"..
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач"..

Пушкину, соблазнившемуся этим весьма выигрышным для драматического произведения, не исторически недоброкачественным материалом, может служить оп-

равданием лишь то, что в его время о Борисе Годунове еще господствовало совершенно превратное представление. Критерий его также мог быть в известной мере наследственным: поэт принадлежал к боярскому роду Борису враждебному. Обстоятельства вражды на таком высоком уровне могли прочно закрепиться в семейных преданиях и, как обычно бывает, — обрасти всевозможными преувеличениями и домыслами.

Каков же был в действительности Годунов и есть ли что либо справедливое в этой оценке?

Прежде всего, он, конечно, не имел в себе уже ничего татарского. Далекий предок Бориса, мурза Чет, перешел на службу к московским князьям и принял православие в 1328 году, — за двести семьдесят лет до того, как его потомок в десятом колене взошел на русский престол. Род его к этому времени был уже одним из самых известных и уважаемых в Москве.

Термин "вчерашний раб" менее всего тут уместен, ибо положение татарских выходцев на Руси рабством отнюдь не отдавало и скорее было завидным. Достаточно вспомнить, что более тридцати боярских, около восьмидесяти княжеских, тринадцать графских и свыше двухсот известнейших дворянских родов пошли в России от татарских предков. И по древности род Годуновых (и Сабуровых, идущих от того же мурзы Чета) был первым из них.

Женитьба Бориса на дочери Малюты тоже его не унижала, ибо этот брак отнюдь не был мезальянсом: Скуратовы-Бельские принадлежали к древнему боярскому роду. Забавно, что попрёк этим браком и полные презрения слова "зять Малюты, зять палача", Пушкин вкладывает в уста князя Василия Шуйского, родной брат которого Дмитрий был женат на другой дочери этого палача и тоже доводился ему зятем.

Служебная карьера Бориса была блестящей. Первое упоминание о нем мы находим в летописи под 1570-м годом, — почти юноша Годунов был тогда царским оруженосцем. Шесть лет спустя он уже кравчий, а в 1580-м году, избрав его сестру Ирину в жены царе-

вичу Феодору, Грозный возводит двадцатидевятилетнего Бориса в звание боярина.

Нет никакого сомнения в том, что дальнейшим возвышением он обязан только своим личным качествам. На сделки с совестью он, во всяком случае не шел, резко отличаясь этим от других любимцев царя. Так, например, от перехода в опричники он отказался, несмотря на то, что это ставило под угрозу его карьеру и благополучие. Его главные соперники и хулители — Шуйские в опричнину записались все, благодаря чему и возвысились.

История сохранила нам много свидетельств того, что в кровавых забавах и зверствах Грозного Борис никогда не участвовал, не раз выступал ходатаем за несправедливо обиженных и пользовался своим влиянием, чтобы смягчать жестокий нрав царя. Летопись отмечает, что в трагический момент расправы Грозного со своим сыном Иваном, Годунов заступился за царевича, что едва не стоило жизни ему самому: царь его жестоко избил и изранил. Всё это выделяло Бориса из окружения Ивана Грозного, по справедливости снискав ему любовь и уважение народа.

Эти совершенно очевидные проявления высоких моральных качеств враги Бориса стараются объяснить его коварством и хитростью. Со стороны врагов это понятно, но достойно удивления, что подобную точку зрения склонны разделять и некоторые историки. Возразить тут можно только одно: таким, не требующим никаких доказательств способом легко опакостить всё что угодно, до святости включительно.

Когда в 1584 году умер Грозный, вступившему на престол Феодору Ивановичу было 27 лет, но в умственном отношении он был недоразвит и это хорошо знали не только на Руси, но и заграницей. Шведский король Иоганн Третий, в одной из своих официальных речей, коснувшись международного положения и стараясь, видимо, выражаться вежливо и научно, сказал о царствовавшем тогда Феодоре Ивановиче: — "московский царь

не обладает особенными способностями к управлению. Русские, на своем языке, называют его "durak"

В подобной оценке были единодушны все современники. Польский посол Лев Сапега в своих воспоминаниях записал: — "царь Феодор ум имеет скудный, либо, как я сам замечал, да и от других слышал, — не имеет вовсе никакого. Во время приема послов он лишь улыбался непрестанно, любуясь на свой скипетр и державу" Английский посол Джилс Флетчер и шведский — Петер Эрлезунд в своих мемуарах тоже отмечают, что Феодор Иванович являл собою все признаки физического и умственного вырождения. Московский боярин князь И. Катырев-Ростовский так характеризует царя Феодора: — "благоюродив бысть от чрева матери своея, ни о чем же попечения имея, токмо о душевном спасении".

Сам Иван Грозный называл своего наследника "пономарем, смирением обложенным и к управлению негодным", и потому, умирая, он назначил к нему опекунский совет, в составе бояр: Никиты Романовича Юрьева, Бориса Годунова, Ивана Мстиславского, Ивана Шуйского и Богдана Бельского. Борис при воцарении Феодора получил сан ближнего боярина и наместника царств Казанского и Астраханского. Но на первенство в совете он не претендовал и его по праву и положению занял дядя царя, боярин Юрьев, с которым Борис находился в дружбе и действовал согласно.

Не прошло и месяца, как среди царских опекунов вспыхнула первая распря. Начал ее старый опричник Бельский. Опираясь на часть стрельцов, он попытался восстановить в прежней силе опричнину и с ее помощью произвести переворот в пользу малолетнего царевича Дмитрия, с родней которого был тесно связан. Но прежде всего его выступление было направлено против Юрьева и Мстиславского, — с Годуновым он ладил. Мятеж был подавлен, Бельского сослали в Нижний Новгород, а царевича Дмитрия, его мать и родню отправили в Углич, назначенный Грозным ему в удел. Борис в этом деле отнюдь не играл ведущей роли, — ре-

шения исходили от боярина Юрьева, который фактически управлял государством. Но он был уже стар. Через полгода с ним случился сердечный удар, а несколько месяцев спустя — второй, сведший его в могилу. Годунову он доверял настолько, что умирая передал ему не только бразды правления, но и опеку над собственными детьми.

Однако, двое других царских опекунов, — Мстиславский и Шуйский, — с таким положением примириться не хотели и сколотили против Бориса сильную партию, которая в скором времени составила заговор на его жизнь: Бориса Феодоровича предположено было пригласить на пир к Мстиславскому и там убить[1]. Заговор был во-время раскрыт и Мстиславского заставили постричься в монахи, сослав в Кирилловский монастырь.

Шуйские не пострадали, хотя их участие в деле было совершенно очевидно. Они продолжали борьбу против Годунова, но вели ее осторожно и хитро. План их строился на устранении царицы Ирины, вместе с которой был бы лишен власти и ее брат. Сами оставаясь в тени, они привлекли на свою сторону митрополита Дионисия и через подставных лиц подбили московское купечество, часть духовенства и городскую чернь выйти на улицы и требовать, "ради сохранения царского корня", чтобы Феодор развелся с бездетной Ириной и взял другую жену.

Произошли беспорядки, за которыми последовал розыск, установивший, что виновниками смуты были Шуйские. Их в Москве было шестеро, — четырех не тронули, а двоих, в том числе Ивана Петровича, отправили в ссылку, в их имения. Умерли они в разное время естественной смертью, но впоследствии, когда воцарился один из Шуйских, — стали утверждать, что их задушили по приказанию Годунова.

С этого времени, то-есть с середины 1587 года, Борис остается единым регентом государства. Во всех

[1]) См. Латухинскую летопись.

перипетиях этой трехлетней борьбы ему едва ли можно поставить что-либо в упрек. Он не нападал, а только защищался и с побежденными противниками обходился милостиво: никого не казнил, ограничиваясь ссылками. Стоит представить себе на его месте Ивана Грозного!

Тринадцать лет, до самой смерти Феодора Ивановича, Борис управлял за него государством, показав себя умным и гуманным правителем и укрепив к себе народную любовь. Все обвинения в том, что он многократно пытался отравить царя, явно вздорны: если бы у него было такое намерение, осуществить его ничего не стоило, — беспомощный Феодор был всецело в его руках. Но исторические факты показывают, что все эти годы Борис заботливо оберегал покой и здоровье своего зятя, не делая никаких попыток устранить его. И на этом фоне выглядит совершенно неправдоподобным обвинение его в убийстве царевича Дмитрия.

Если даже допустить, что Годунов расчищал себе дорогу к трону, то этот царевич, в сущности, не был ему помехой, прежде всего потому, что его права на престол были весьма спорны и сомнительны: он был незаконным сыном Грозного, прижитым от седьмой, внебрачной жены Марии Нагой, родня которой, к тому же, была ненавистна всей Руси.

Сам царевич был эпилептиком и, кроме того, характером вышел в отца. Целый ряд современников, — русских и иностранцев, — свидетельствуют об этом, подчеркивая его вспыльчивость и жестокость его забав [1]. Пишут, что он не терпел противоречий, в гневе кидался на людей с ножем и несколько раз поранил свою собственную мать и нянек. Конечно, многое, может быть даже все целиком, тут надо отнести на счет его эпилепсии, но во всяком случае такого царя на Руси никто бы

---

1) См. "Сказание" Авраама Палицына, "Московскую хронику" Конрада Буссова, "О Российском государстве" Джилса Флетчера и др.

не пожелал и незаконность рождения давала полную возможность отвести его кандидатуру.

Кроме того, царь Феодор был еще молод и физически детоспособен, — он мог иметь собственное потомство. Царица тоже вовсе не была бесплодной: она несколько раз рожала мертвых детей, а вскоре после смерти Дмитрия родила дочь, которая прожила год. Наконец, после смерти мужа, имела право на престол сама Ирина. Таким образом, царевич Дмитрий был настолько отдаленной и проблематичной помехой на пути Бориса, что ради ее устранения идти на подобный риск было бы чистым безумием.

Вдобавок к этому, — если даже смотреть на Дмитрия как на законного и единственного наследника царя Феодора, — со смертью его никаких преемственных прав на престол Годунов не приобретал: он не был членом династии. Наоборот, если говорить о преемственности престолонаследия, то смерть Дмитрия была более выгодна Шуйским, ибо принадлежа к старшей ветви Суздальских князей, именно они по пресечении Московской династии получали права на престол. Потому позже и воцарился Василий Шуйский.

В силу всего этого можно утверждать, что смерть царевича, не принося Борису никакой существенной пользы, в этот момент и при данной политической обстановке была ему явно невыгодна, ибо она давала повод к опаснейшей клевете, которую сейчас же начали распространять его враги и завистники.

Годунов отлично понимал это и потому немедленно распорядился произвести строжайшее расследованье, к которому допустил и самого опасного из своих врагов — Василия Шуйского. Это расследованье установило полную непричастность Бориса ко всему случившемуся, что под присягою подтвердил и Шуйский. Правда, впоследствии, — уже после смерти Бориса, — он отказался от своих слов, заявив, что Годунов его запугал. Но это выглядит совершенно неправдоподобно: Шуйский далеко не был пугливым и беспомощным младенцем, — за его спиною стояла сильная партия и

с таким страшным оружием, как доказанное убийство царского брата, ему незачем было прибегать к распространению подпольных слухов: он мог и, конечно, не преминул бы выступить против Бориса открыто, с полной уверенностью в победе.

Пущенная в оборот клевета поражает полной нелепостью своего построения: так организовать убийство, как по словам врагов сделал это Годунов, мог бы только недоумок. Их версия такова: среди бела дня, в присутствии мамки и кормилицы, к игравшему во дворе царевичу подошел один из убийц, — сын мамки Осип Волохов, — и ударил его ножем в горло. Когда Дмитрий упал и кормилица закрыла его своим телом, два другие убийцы, — Качалов и Битяговский, — ее оттащили в сторону, избили до полусмерти, а потом спокойно дорезали ребенка. Кроме мамки, кормилицы и выскочившей на шум царицы, во дворе никого не было. Женщины долго кричали, пока какой-то пономарь на соседней колокольне не начал бить в набат, сзывая людей. Убийцы, имевшие и время и полную возможность бежать, почему-то этого не сделали и оставались во дворе, терпеливо дождавшись того, что сбежался весь город и их прикончили.

Сравним это с данными официального расследованья. Мамка Волохова на допросе показала, что царевич играл во дворе с другими детьми, когда у него внезапно начался припадок. Он упал на нож, который держал в руках и проткнул себе горло. Прибежавшая царица начала бить палкой Волохову, не слушая ее оправданий. Затем ее начал избивать брат царицы, Григорий Нагой. В это время уже сбежался народ. Осип Волохов заступился за мать, его поддержал дьяк Битяговский, — тогда Нагие приказали своим людям убить их и с ними еще несколько находившихся в Угличе правительственных служащих, обвинив их в смерти Дмитрия.

Кормилица Ирина, постельница Марья Самойловна, стряпчий Семейка Юдин и прикащик Русин Раков, бывшие свидетелями происшествия, единогласно показали,

что царевич в припадке закололся сам. Это подтвердили и все игравшие с ним дети.

Человеку умеющему мыслить логически, вторая версия во всяком случае представляется более правдоподобной. Если же тут и в самом деле имело место убийство, — бросается в глаза, что оно проведено именно в такой форме, чтобы все подозрения пали на Годунова. Остается высказать сожаление, что никому из наших историков, имевших доступ к государственным архивам, не пришло в голову повести исследованье в ином направлении и постараться установить — не причастны ли к смерти царевича Дмитрия сами Шуйские? Древнее правило римской юриспруденции гласит: "ищите кому преступление выгодно". Василию Шуйскому это преступление было выгодно вдвойне: оно давало ему в руки мощное оружие против Годунова и открывало ему законный путь к престолу.

Когда, семь лет спустя после этого события, умер царь Феодор Иванович, патриарх Иов привел бояр к присяге на верность царице Ирине, ибо по закону престол должен был перейти к ней. Но царица, мистически настроенная и больная чахоткой (от которой она вскоре и умерла), вступить на царство отказалась. Высшее духовенство и бояре уговаривали ее согласиться царствовать хотя бы номинально, с тем что править государством по-прежнему будет ее брат Борис, но она своего решения не изменила, заявив, что твердо решила уйти в монастырь. Тогда ее стали просить, чтобы она, оставляя престол, "благословила в свое место стати государем Бориса Феодоровича" И она и Борис от этого наотрез отказались. Царица ушла в монастырь, вместе с нею отстранился от дел Годунов и власть временно перешла в руки патриарха Иова.

Всё это принято объяснять лукавством Бориса, который-де желая быть не регентом, а венчанным царем, заставил свою сестру постричься в монахини и подстроил всё так, чтобы его позвали на царство. Но это мнение не выдерживает строгой критики: он лучше всех знал, что Ирина проживет недолго и если бы рассчи-

тывал обманом провести свои выборы в цари, ему гораздо легче было это сделать оставаясь у власти и подождав смерти царицы.

Конечно, отнюдь не исключено, что он метил на трон и хотел быть избранным. Но его добровольное отстранение в такой момент от власти показывает, что в этом он полагался не на какие-нибудь темные махинации, а на свою популярность и на любовь народа, иными словами, рассчитывал законным путем получить то, чего заслуживал.

Несколько месяцев спустя земский собор, созванный патриархом Иовом, порешил звать на царство Бориса. Но последний отказался от этой чести и продолжал отказываться до тех пор, пока патриарх не пригрозил ему отлучением от Церкви. Перед такой угрозой в то время не мог устоять никто и Борис принял царский венец, зная наперед, что его ожидает трудное царствованье, в атмосфере зависти и затаенной ненависти других знатных бояр, домогавшихся престола. И потому не исключено, что он отказывался вполне искренно.

Долгое время в истории господствовала уверенность в том, что состав земского собора, избравшего на царство Бориса, был специально подтасован в его пользу и что это избрание было простой комедией.

В частности, такого взгляда вначале придерживался крайне несправедливый к Годунову историк Ключевский. И тем более ценно для истины, что позже тот же Ключевский этот взгляд блестящим образом опровергнул. Он произвел тщательную и поименную проверку участников этого собора, полный список которых (512 фамилий) сохранился в архивах, и эта проверка показала, что собор был созван и составлен с соблюдением всех правил закона. В нем участвовали в обычной пропорции представители всех правомочных слоев населения и Ключевский вынужден был признать, что ни о какой подтасовке тут говорить не приходится. Он такими словами заключает это исследованье: — "Если и шла какая-либо агитация в пользу Бориса (а она, ко-

нечно, шла), то состава собора она не исказила[1])" Результаты выборов, проведенных этим собором, вне всякого сомнения отвечали желаниям народа.

Однако, сам Ключевский, придя к этому заключению, все же не сумел возвыситься над рутинарным подходом к оценке личности Годунова. Его отношение к Борису поражает какой-то неубедительной неприязнью. В своем "Курсе русской истории" он пишет с предельной ясностью:

> "Царь Борис **законным путем земского соборного избрания** вступил на престол и мог стать основателем новой династии, как по своим личным качествам, так и по своим политическим заслугам". И далее: "он был не наследственным вотчинником Московского государства, а **народным избранником**".

Иными словами, он полностью признаёт высокие личные качества Бориса, его таланты и заслуги, а также законность его избрания, равно и то, что избрание это отвечало желаниям народа. Таковы, по мнению Ключевского, исторические факты. Но тут же, наряду с ними, он тщательно приводит целую серию исторических сплетен, состряпанных заведомыми врагами Бориса и в корне противоречащих выводам самого Ключевского, который хотя и добавляет что это только "слухи", — явно стремится к тому, чтобы читатель им поверил больше чем фактам.

Слухи эти касаются, главным образом, злоупотреблений и насилий, яко бы чинившихся при избрании Бориса его агентами, которые старались воздействовать на народ запугиваньем, штрафами и плетьми. Чтобы как-то согласовать эти слухи с фактом полной законности избрания, Ключевский приходит к классическому по своей парадоксальности выводу. Он пишет:

---

[1]) В. Ключевский, "Состав представительства на земских соборах древней Руси"

> — "план сторонников Годунова состоял не в том, чтобы обеспечить ему избрание на царство подтасованным составом собора, а в том, чтобы принудить **правильно составленный собор уступить народному движению".**

Бóльшую нелогичность трудно себе представить: теперь выходит, что собор был составлен чуть ли не из врагов Бориса, которых надо было принуждать подчиниться воле народа, стоявшего за его избрание! На кого же тогда воздействовали штрафами и плетьми? Значит, вовсе не на народ, который и без того стоял за Годунова, а на земский собор?! До утверждения такой нелепости не додумались даже сторонники Шуйского, распространявшие все эти слухи.

Из всего этого здравомыслящий человек может сделать один единственный вывод: народ желал избрания на царство Бориса, и совершенно нормально и законно составленный земский собор явился полным выразителем этой народной воли. Все же разговоры о подтасовках, запугиваньях, плетях и прочих видах мошенничества и принуждения, — есть ничто иное как злостный вымысел, относящийся к эпохе царствованья Василия Шуйского, который не пожалел никаких усилий, чтобы очернить память умершего соперника.

***

О деятельности Годунова как правителя следует говорить лишь в целом, не отделяя периода его регентства от царствованья, ибо царь Феодор Иванович по своему умственному состоянию ни малейшего участия в государственных делах не принимал и всё содеянное его именем, полностью должно быть отнесено на счет Бориса.

Ему досталось исключительно тяжелое наследие: Русь была разорена и изувечена опричниной и другими безумствами Грозного, в ней, на фоне всеобщего обнищания, свирепствовали произвол, мздоимство, суд неправедный и разбои. Катастрофически пал и ее меж-

дународный престиж, ибо к концу жизни Грозный бесславно проиграл все войны, которые вёл, потерял Ливонию и другие территории, приобретенные раньше и сверх того вынужден был отдать Польше и Швеции ряд своих городов и земель. Потерял он и Сибирь, т. к. совершенно не поняв ее значения для Руси, ничем не помог Ермаку удержать ее, ибо нельзя считать помощью запоздалую посылку туда воеводы Болховского, с отрядом из трехсот стрельцов, которые не получив от казны ни денег, ни провианта ни лыж ни саней, почти все перемерли в пути от голода и болезней, включая и самого воеводу. К этому времени полностью растаяли и ничтожные силы Ермака, а потому вскоре после его смерти в Сибири ни одного русского не осталось и татарские ханы и князьки снова уселись на свои места.

Перед Борисом стояла неимоверно трудная задача: ликвидировать страшные последствия ошибок своего предшественника и привести страну в порядок.

В области внешней он справился с этим удачно. Заключив с Польшей прочный и во всяком случае не унизительный для Руси мир, он этим развязал себе руки для действий против Швеции и выждав искусно момент, когда там начались внутренние неурядицы, объявил ей войну. Эту войну он выиграл и отобрал у шведов земли потерянные Иваном Грозным.

Между прочим, некоторые историки пишут, что Борис не любил воевать потому, что в военном деле был не силен и сам это сознавал. Для такого мнения нет оснований. Он избегал войн ненужных, но там где этого требовала необходимость, он воевал и притом далеко не плохо. В шведском походе он, вместе с царем Феодором, сам находился при войске и очевидно руководил военными действиями. Когда в 1591 году крымский хан Кази-Гирей со стопятидесятитысячной ордой подступил к Москве, Борис лично возглавлял оборону и отразил нападение с большим искусством. Бежавших татар русские преследовали до самых рубежей своей земли, истребив две трети их войска; сам Кази-Гирей

был ранен и едва избежал плена. После этого урока крымцы ограничивались набегами на русские окраины, но на Москву больше никогда не нападали, тогда как прежде они были для нее постоянной угрозой. Сколь высоко они ставили Грозного, можно судить по следующей выдержке из письма к нему крымского хана Сахиб-Гирея: — "да ведомо тебе будет, что мы намерены сейчас идти в поход, чтобы разграбить твои земли, а тебя самого поймать и запречь в соху". Кстати, отметим, что такого же, если не худшего тона придерживался в своих дипломатических сношениях с Грозным и польский король Стефан Баторий. Годунов сразу поставил себя так, что третировать его подобным образом никому бы и в голову не пришло.

Он подчинил Москве непокорную дотоле Ногайскую орду, сильно укрепил русские позиции на Кавказе, заключил с Персией выгодный союз против Турции и упорядочнил отношения с Англией, Данией и Австрией, осторожно и умно вводя Русь в орбиту европейской политики. Никаких эфектных завоеваний он не сделал, да и не мог сделать при том состоянии русского войска и казны, в которое привел их Иван Грозный. Но честь и достоинство Московского государства он восстановил, а это было всего важнее.

Качества Годунова, как государственного деятеля, особенно ярко выявляют его действия в Сибири. Ее пришлось покорять заново и это было сделано основательно, с глубокой продуманностью и без лишнего пролития крови. Послав за Урал несколько прекрасно снабженных отрядов, Борис приказал ставить там городки и остроги (крепости), опираясь на них приводить окрестных туземцев к повиновению, а потом продвигаться дальше, ставя новые городки. Русским воеводам он строжайше наказывал не обижать местное население, всех бедных, увечных и стариков полностью освобождать от налогов, к побежденным врагам относиться милостиво, а знатных пленников отправлять в Москву. Тут Годунов принимал их ласково, давал им поместья, обращал в православие, женил на русских

боярышнях и вводил в среду московской знати. Сын Кучума Алтанай получил титул князя Сибирского, дочери были выданы замуж за русских бояр; более двадцати остяцких, вогульских и пермяцких племенных вождей и татарских мурз были признаны в княжеском достоинстве, а непримиримый враг Ермака — татарский князь Карачи, истребивший отряд Ивана Кольцо и оказавший русским наиболее упорное сопротивление, — вместо страшной казни, которой он ожидал когда его поймали и привезли в Москву, — был обласкан и назначен думным советником.

Годунов очень заботился о том, чтобы впечатления таких людей об оказанном им в Москве приеме доходили до других сибирских князьков, — это лучше всякого оружия приводило их к покорности. Благодаря этой мудрой политике, к концу царствованья Бориса русские стояли уже на берегах Енисея. Сибирь была не только покорена, но и замирена. Уже в 1590-м году она дала в царскую казну мехами: двести тысяч соболей, десять тысяч чернобурых лисиц и пятьсот тысяч белок, а в последующие годы давала много больше.

Важной заслугой Бориса было учреждение на Руси патриаршества. Казалось бы, тут невозможны какие-либо кривотолки, однако без них не обошлось. "Устроение сие бысть начало гордыни его", — пишет один из его врагов. Эту примитивно-предвзятую точку зрения разделяют и некоторые историки, в том числе Карамзин и Костомаров, считавшие что в этом вопросе Годуновым руководили своекорыстие и тщеславие. Такая неспособность или нежелание осмыслить истинное положение вещей достойны удивления. Учреждение собственного патриаршества было насущной и логической необходимостью, оно являлось вопросом престижа Москвы: объявив себя преемницей Византии и оплотом православного мира, она не могла зависеть в каноническом отношении от константинопольского патриарха, которого утверждал и смещал по своему усмотрению турецкий султан и который не мог существовать без субсидий, как тогда говорили — без милостыни, получаемой от Москвы.

Понимая это, предшественники Бориса — Василий Третий и Иван Грозный — приложили немало усилий к тому, чтобы на Русь был поставлен свой патриарх. Но восточные патриархи, которым это было явно невыгодно, упорно отказывали в своем согласии. Только гибкий ум, настойчивость и дипломатическая ловкость Годунова смогли преодолеть это препятствие и цель была достигнута.

Внутренняя деятельность Бориса, вернее ее направленность, свидетельствует о его глубоком государственном уме и правильном понимании стоявших перед ним исторических задач. Мероприятия и реформы, которые он наметил, были хороши, смелы и необходимы Руси, но многие из них ему не удалось осуществить или, — что еще хуже, — при проведении в жизнь они облекались в совершенно неожиданные для Годунова уродливые формы, потому, что ненавидевшее его боярство, играя на косности народа, всеми способами саботировало, извращало и срывало его начинаия.

Так, например, он хорошо понимал, что Русь, полуодичавшая за время татарского владычества, должна теперь многому научиться у Запада. Он всячески привлекал в Москву иностранных специалистов и ученых, но внутренние враги возбуждали против них народ, разжигая ненависть к ним и к царю, который-де мирволит иноземцам потому, что они ему милее своих; он послал учиться заграницу большую группу русских молодых людей[1]), но по неизвестным причинам и наверное не без участия тех же внутренних врагов, ни один из них назад не возвратился; он хотел открыть в Москве университет и несколько училищ, но против этого восстала не только боярская дума, но и духовенство.

Сыну своему Феодору, готовя его к управлению государством, Годунов дал блестящее по тем временам образование. Современники отзываются о нем востор-

---

1) Всего было послано 18 человек, по пять в Германию и в Австрию и по четыре в Англию и Францию.

женно и пишут что хотя он и был молод годами, но разумом превосходил мудрых старцев. Феодор Борисович владел несколькими языками и обладал обширными знаниями. Сохранилась составленная им карта Руси.

Дочь Бориса, царевна Ксенья, тоже славилась своей образованностью, умом и вдобавок редкой красотой. Стоит заметить, что от внимания русских литературоведов ускользнуло то обстоятельство, что она была первой русской поэтессой. Это тем более странно и непростительно, что ее современник, англичанин Ричард Джемс, собрал и сохранил для потомства многие ее произведения, в которых она оплакивает гибель отца и свою горькую долю. Народ был к ней внимательнее: сложенные ею песни долго еще пелись на Руси.

Борис был очень озабочен приисканием для дочери достойного жениха, из видных европейских принцев, чтобы соединить этот брак с пользою для государства. После неудачных переговоров со шведским царствующим домом, такой жених был найден в лице датского королевича Иоганна. Он приехал в Москву, был встречен торжественно и приветливо, но вскоре простудился и умер от воспаления легких. Для Годунова это был большой удар, но тем не менее злые языки смерть королевича приписали ему: он-де испугался его растущей популярности в народе и потому поспешил отравить.

Поиски жениха продолжались и с этой целью Борис вел переговоры с некоторыми царствующими домами Европы, в том числе с австрийским. До сих пор думали, что эти переговоры ни к чему определенному не привели и окончились неудачей, но оказалось, что это не так: автору этих строк посчастливилось узнать, что в одном из австрийских государственных архивов сохранились документы, относящиеся к этому делу, и даже получить сводку их содержания. Они никогда не были опубликованы и русским историкам остались неизвестными, видимо потому, что по ошибке оказались включенными в тот отдел архива, который касался отношений австрийского двора с Англией.

Из этих документов, — часть которых написана на русском, а часть на немецком языке, — явствует, что специально посланный Борисом русский архиепископ договорился с императором Священной Римской империи Рудольфом Вторым о бракосочетании царевны Ксеньи с братом императора, эрцгерцогом Максимилианом, на условиях которые в этих документах перечислены. Был заключен и брачный контракт, который, в качестве полномочного представителя невесты подписал архиепископ, — посол Годунова, — и скрепил печатью Москвы.

Эрцгерцог Максимиллиан после этого отправился на Русь, но доехав до Кракова узнал о событиях разыгравшихся в это время в Москве (смерть Бориса и воцарение Лжедмитрия) и повернул обратно.

Возвратимся, однако, к деяниям Бориса. В 1602 1603 годах, вследствие недорода, Русскую землю постиг страшный голод. Годунов приказал раздавать голодающим запасы зерна и деньги, сначала государственные, а потом и свои личные. Но раздатчики крали. лихоимствовали, спекулировали на зерне, варили из него брагу, покрывая друг друга и стараясь создать у народа впечатление, что царь скуп и мало дает. Узнав, что в Москве раздают деньги, сотни тысяч бедняков со всех сторон хлынули в столицу. Прокормить их здесь не было никакой возможности, к тому же начались эпидемии и народ умирал тысячами. Борис приказал везьти в Москву хлеб из тех областей страны, где он еще был, помогал голодающим чем мог, а всех умерших велел хоронить на свой счет. Чтобы дать заработок людям, которых голод сорвал с насиженных мест, он предпринял в Москве целый ряд построек, но злые языки шептали народу что он просто хочет воспользоваться их безвыходным положением.

О строительстве Бориса стоит сказать особо. Царь не жалел на него средств и в этой области успел сделать очень много. За годы его правления на южных рубежах Руси были превращены в сильные крепости города Курск, Кромы, Ливны и Елец, и построен ряд но-

вых: Белгород, Оскол, Чернавский городок, Валуйки, Воронеж, Цар-Борисов град и другие.

В Сибири выросли города: Пелым, Тара, Туринск, Обдорск, Епанчин, Кетский острог, Лозьвинский острог, Обский городок, Верхнетагильск, Тобольск, Томск, Мангазея, Нарым, Верхотурье, Березов, Сургут, превращена в крепость, вернее — наново построена Тюмень, открыты соляные варницы, проведены многие дороги и так далее.

Были обнесены каменными стенами и превращены в неприступные крепости Астрахань и Смоленск. Укрепления последнего возводил великий русский зодчий Федор Конь.

Интересно вспомнить, что когда этот гениальный самородок предложил свои услуги Ивану Грозному и в челобитной ему писал: "ныне я, Федька, могу всякое городовое строение ставить и пруды, и тайники, и рвы копать. А веры я, великий государь, хрестьянской, а родом из тверских плотников и отец мой многие церквы и дворец за Неглинной тебе ставил“, — Грозный, в ответ, велел "сечь нещадно того охальника Федьку“, — вспомнив, что за несколько лет до этого, Конь побил в Москве какого-то немца.

Годунов отнесся к нему иначе и оценил по достоинству. Конь полностью оправдал оказанное ему доверие и превратил Смоленск в первоклассную крепость. Его стены, общим протяжением в шесть с половиной верст, имели в вышину семь сажень, а в толщину две с половиной, при тридцати восьми трехъярусных башнях и девяти воротах. Поверх стены, вместо обычного "заборала“, шла крытая железом галлерея, что в военной технике того времени было новостью.

Эта крепость очень скоро показала свои качества на деле: в 1609 году к ней подступило польское войско и несмотря на неоднократные штурмы, овладело ею только после двухлетней осады, да и то благодаря измене.

Но особенно много внимания Борис уделил благоустройству и украшению Москвы. Тут, по его повеле-

нию, тот же зодчий Федор Конь построил так называемый Белый город, т. е. обнес великолепными каменными стенами московские посады. В это же время были воздвигнуты колокольня Ивана Великого, много каменных церквей и палат, общественных зданий, мостов, торговых рядов и пр. В период его правления были отлиты также знаменитые царь-пушка и царь-колокол, — памятники служащие хорошим показателем русского "умельства" того времени: напомним, что царь-колокол имеет в диаметре пять с половиной метров и весит около двухсот тонн. Московские мастера сумели не только отлить его, но и поднять на колокольню, что при технических средствах 16 столетия почти граничит с чудом.

Стараниями Бориса, Москва совершенно преобразилась и вызывала восхищение иностранцев. Воздавая за это хвалу Годунову, патриарх Иов справедливо сказал, что он "богоспасаемый град Москву аки невесту некую лепотою невиданною украсил".

Одним из самых непопулярных мероприятий Бориса, — которого ему не могут простить наши либеральные историки, было то, что они называют закрепощением крестьян, то-есть отмену Юрьева дня, когда крестьянам разрешалось свободно переходить от одного хозяина к другому. Но, прежде всего, эта мера была временной, она оставалась в силе всего четыре года, а потом была самим же Борисом отменена. Кроме того, она преследовала совершенно иные цели и отнюдь не была направлена во вред крестьянам. Даже Ключевский, касаясь этого вопроса сказал:

> "Излагая историю крестьян в 16 веке, я имел случай показать, что мнение об установлении крепостной неволи крестьян Борисом Годуновым принадлежит к числу наших исторических сказок. Напротив, Борис был готов на меру, имевшую в виду упрочнить свободу и благосостояние крестьян. Он,

повидимому, готовил указ, который бы точно определил повинности и оброки крестьян. Это закон, на который не решалось русское правительство до самого освобождения крепостных крестьян"[1]).

Поясним, чем была вызвана и к чему направлена эта мера, совершенно неверно истолкованная поверхностными исследователями.

Как следствие опричнины, разорения Грозным почти всех крупных боярских хозяйств и всеобщего обнищания, множество крестьян в эти годы оторвалось от земли и промышляло кто чем горазд. Русь в эту пору была буквально наводнена бездельным, гулящим и разбойным людом. В целях борьбы с этим явлением и для восстановления порядка, Годунов принял ряд совершенно необходимых мер, одною из которых было временное запрещение крестьянам покидать свои места.

Эта мера диктовалась также необходимостью восстановить боеспособность войска и обеспечить ему возможность правильного пополнения, а для этого нужно было прежде всего улучшить положение мелкого служилого дворянства, которое было обязано эти пополнения поставлять.

> "Ивашка Данилов сын Голтяев, поместья за ним сто четвертей, вышел сам о двуконь, в доспехе и в шапке железной, при сабле, да с ним два человека на конях, в тягиляях и в сайдаках, да человек на мерине с копьем, да мерин под вьюком"

Такими записями пестрят писцовые книги времен Ивана Грозного. Это значит, что такой Ивашка Голтяев, имея в своем пользованьи пятьдесят десятин пахотной земли, а иногда и меньше, должен был по первому требованью явиться в войско "конно, людно и оружно", то-есть экипироваться сам и снарядить на свой счет несколько воинов из своих крестьян.

Для такого "помещика" это было предельно труд-

---

1) В. Ключевский, "Курс русской истории", том 3, стр. 28.

ным делом и принуждало его выжимать все соки из своих весьма немногочисленных крестьян. К тому же, когда он уходил на войну (а войны шли тогда почти беспрерывно), уводя с собою нескольких людей и лошадей, каждому из оставшихся приходилось работать за двоих, влача нищенское существование, а потому главным образом именно от таких хозяев крестьяне уходили к более богатым или просто в бега. Семья такого "боярского сына", — как тогда называли служилых дворян, — во время его отсутствия бедствовала, ибо хозяйство приходило в полное запустение, а к тому же находилась в постоянной опасности, так как подобные поместья почти всегда давались на южных рубежах Руси, подверженных частым набегам татар. И в довершение этого, семью, в случае смерти отца на поле брани, из поместья выселяли, ибо оно давалось не в потомственное владение, а лишь "в службу", пока человек мог ее нести.

В силу всего этого, подобные Ивашки Голтяевы, составлявшие стержень войска, начали покидать поместья и отказываясь от своего дворянства, добровольно писаться в крестьяне, так как крестьянин хотя и получал меньший надел, жил более спокойно и таких тяжких обязанностей не нёс. Это явление приняло столь массовый характер, что потребовался специальный указ Грозного, о запрещении "принимать в холопы детей боярских и их сынов".

Таким образом, мероприятие Годунова было направлено с одной стороны на борьбу с разбоем и бродяжничеством, а с другой на укрепление служилого сословия и боеспособности войска. Придавая этому мероприятию антикрестьянский, "реакционный" характер, критики Годунова в то же время умалчивают о другом его указе, которым устанавливался пятилетний срок давности для беглых. По истечении этого времени со дня побега или незаконного перехода, их уже нельзя было ловить и возвращать на покинутое место, что дало возможность тысячам крестьян, находившихся в бегах или самовольно переменивших хозяина, ле-

гализировать свое положение и возвратиться к честному труду.

Назвать внутреннюю политику Бориса антикрестьянской никак нельзя. В его эпоху не существовало ни партий, ни лозунга — "всё трудящимся", ни прочих социально-политических атрибутов современности. Годунов заботился об интересах государства в целом, если даже они не всегда совпадали с интересами того или иного класса, но это не значит, что он шел против такого класса. Та беспощадная и неутомимая борьба, которую он вел со свирепствовавшими на Руси лихоимством, взяточничеством[1]) и произволом должностных лиц была для простого народа особенно благодетельна, ибо он больше всего страдал от этих зол.

Вот, например, что пишет голландский купец Исаак Масса, живший в те годы в Москве:

> "Московия, совершенно опустошенная и разоренная вследствие страшного самовластия царя Ивана и его чиновников, теперь, благодаря кротости царя Феодора и необыкновенным способностям Годунова, стала поправляться и богатеть".

Русский историк С. Князьков, специально исследовавший этот вопрос, пишет:

> "Борис старался облегчить тяготы, в которых жило население Московского государства. Он освобождал от податей многие местности на три, на пять и более лет, много заботился о поднятии торговли, о безопасности путей сообщения, об улучшении администрации, об устранении всякого рода злоупотреблений в правительственных делах... Он старался даже установить наименьшее количество рабочих дней для крестьян, живших на землях помещиков. Борисом, наконец, был издан указ, сокращавший срок сыска беглых людей. Все

---

[1]) Должностное лицо, уличенное в получении взятки подвергали штрафу до 2.000 рублей. Вторично — имущество его конфисковали в казну, а его самого публично секли на площади, подвесив на шею мешок с тем что он получил в качестве взятки

эти меры очень располагали к нему тогдашних русских людей. "Умилосердился Бог-Господь на люди своя, — читаем в одной современной тому записи, характеризующей время управления Бориса, — и дарова всякое изобилие и немятежное на Русской земле пребывание. Насельници же Московского государства, князи, бояре, и воеводы, и всё православное христианство начаша от скорби бывшия утешатися и тихо и безмятежно жити".

Что же, в конце-концов, действительно можно вменить в вину Борису? В чем может упрекнуть его беспристрастный историк? — Только в проявлении тех тяжелых особенностей характера, которые появились у него в последние годы царствованья, под гнетом невыносимой обстановки.

Эту обстановку и подоплеку всех напраслин, возведенных на Бориса, легко можно уяснить себе по следующей цитате из труда того же С. Князькова:

> "У царя Бориса было много врагов. Его избрание стало поперек горла боярам, считавшим, что престол всея Руси должен был перейти к кому-либо из них, старейших по знатности и родовитости... Ни родственники царя Ивана — Романовы, ни бояре-княжата не могли искренно признать Годунова царем и вот, началась тихая, подземная и подпольная работа, ставившая себе целью отнять престол у царя Бориса".

Целиком отдавая себя служению родной стране, со всею искренностью стараясь излечить ее тяжкие недуги, преисполненный благотворных планов и знающий — как провести их в жизнь, он, вместо помощи, видел вокруг себя только непонимание, косность, затаенную вражду, тупую злобу, заговоры и измену. И не удивительно, что к концу жизни он стал видеть эту измену даже там, где ее не было, окружил себя доносчиками, начал прислушиваться к голосам наушников, сводивших личные счеты, сделался мелочно-подозрительным, часто несправедливым и временами даже жестоким.

Всего этого отрицать, конечно, нельзя. Но зная

причины такого перерождения, трудно осудить Бориса. К тому же, вся тяжесть этих новых свойств его характера легла не на народ, а на его ближайшее окружение, которое едва ли заслуживало лучшего.

Нет никакого сомнения в том, что всё это тяжелое и отрицательное явилось лишь следствием внешних причин и было совершенно чуждо истинной природе Годунова. Все его современники, — русские и иностранцы, побывавшие в Москве, — единодушно свидетельствуют о его высоких качествах, как правителя и человека.

Так, например, Авраамий Палицын, — сторонник Шуйских, сосланный и постриженный в монахи за участие в их заговоре, — в своем "Сказании", несмотря на общий тон враждебный Борису, характеризует его так:

> "Царь же Борис о всяком благочестии и об исправлении всех нужных царству вещей зело печешеся, о бедных и нищих крепце промышляше, злых же людей изгубляше люто. И таковых ради устроений всенародных всем любезен бысть" В другом месте он пишет: "разумен бысть Борис в царских правлениях, но писания божественного не навык"

Трудно понять, что автор хотел сказать этой последней фразой. Историки из нее заключили, что Годунов был неграмотным. Но факты это опровергают: сохранились документы с подписями Бориса и со сделанными его рукой приписками.

Дьяк Иван Тимофеев в своем "Временнике" пишет, что хотя на Руси и бывали умные правители, никто из них не может идти в сравнение с Борисом и добавляет, что "такое его превосходство признано есть от всех". Князь Иван Хворостинин отзывается о нем так: "Борис в мудрость жития яко добрый гигант облечеся и прия славу и честь от царей" Современник Бориса, среднеазиатский историк Кадыргали Джаланти, побывавший в Москве, отводит Годунову восторженные, полные хвалы страницы и самый труд свой посвящает ему. Немец Конрад Буссов в своей "Московской хронике" пишет:

"Борис Годунов исполнял свои обязанности столь разумно и ревностно, что почти все дивились и говорили, что на всей Руси нет равного ему по уму, поскольку он многие неисправные дела привел в порядок, многие злоупотребления пресек, многим вдовам и сиротам помог добиться справедливости. И этим он стяжал себе очень добрую славу".

Голландец Исаак Масса, уже цитированный выше, тоже подчеркивает его исключительные дарования и добавляет, что если бы все шло согласно желаниям Бориса, он бы совершил много великих дел.

В тот жестокий век Годунов, пока его не озлобили, поражал современников своей добротой и гуманностью, особенно после всех зверств Ивана Грозного. Воспоминания о нем пестрят такими выражениями: "светлодушен бысть и нищелюбив", "правосудства неустанный ревнитель", "нуждающимся даватель неоскудный", "неправды всякия истребитель", "обидимых от злых рук изыматель", "естеством бысть светел и нравом милостив", и т. п.

Всё это с предельной убедительностью являет нам светлый лик человека и мудрого правителя, одного из достойнейших среди всех занимавших русский престол. Не его вина в том, что злоба, зависть и косность окружения не дали ему сделать для своей страны всего того, что он хотел и мог сделать. Но образ его от этого не тускнеет, а лишь приобретает черты жертвы, почти мученика.

Как же могло случиться, что в историю он вошел под личиной мрачного злодея и коварного властолюбца? Очень просто: об этом позаботился царствовавший после него Василий Шуйский, — злейший из его врагов. Очернение памяти соперника было главным деянием этого ничтожнейшего из царей. В этих целях он не постыдился и самого себя выставить клятвопреступником, яко бы давшим ложную присягу в том, что Борис непричастен к смерти царевича Дмитрия. Впрочем, это ему было уже не ново: во времена Лжедмитрия, он

присягал в том, что царевич вовсе не был убит, а взойдя на престол — отрекся и от этой присяги. Теперь по его приказу тело Дмитрия было торжественно перенесено из Углича в Москву, с причислением к лику святых, — вопреки церковным канонам.

И в царствование Шуйского, под его диктовку были написаны порочащие Годунова страницы летописи, которые в глазах казенных историков являлись государственной, высочайше угодной точкой зрения, не подлежащей оспариванью, хотя, — как показывает фраза Карамзина, взятая эпиграфом к этому очерку, — в душе они сильно сомневались в справедливости этих страниц.

В обстоятельствах последних лет царствования Бориса такие историки ищут и находят опору и кажущееся оправдание своей несправедливой оценки. Но в это время Годунов был уже другим человеком. Осознав свое полное политическое и моральное одиночество, преследуемый интригами и клеветой тех, кому, по положению, надлежало быть ему помощью и опорой, он потерял веру в людей и потерял себя. Духовные силы его были исчерпаны. И когда на исторической сцене появился самозванец, подготовленный внешними врагами и поддержанный внутренними, — участь его была решена.

Смерть сжалилась над ним и не дала ему увидеть торжество врагов: он умер еще царем, за два месяца до того, как услужливые руки изменников отворили безродному проходимцу ворота Кремля [1]).

---

[1]) Расправу с семьей Годунова взяли на себя переметнувшиеся к Лжедмитрию бояре Голицын и Масальский. В их присутствии и даже с их помощью некий Михаил Молчанов и несколько других убийц удавили жену Бориса ремнем, а юного царя Феодора, оказавшего им отчаянное сопротивление, — зарубили и надругались над трупом. Царевну Ксенью отвели на потеху самозванцу, который, когда в Москву приехала его невеста, Марина Мнишек, — постриг Ксенью в монахини и отправил в Белозерский монастырь.

ДЕРЖАВНЫЙ ОРДЕН МАЛЬТИЙСКИХ РЫЦАРЕЙ.

"Кратковременное существование Ордена в России является в настоящее время лишь достоянием истории. Но многочисленные потомки русских рыцарей сего Ордена свято чтут и хранят традиции рыцарского духа и христианских добродетелей"

И. Антошевский[1])

Державный или Суверенный Орден святого Иоанна Иерусалимского, — как он ныне называется, — на различных этапах своей многовековой истории был известен также под четырьмя другими названиями: братство Госпиталяриев, Орден Иоаннитов, Родосский орден и Мальтийский Орден.

Этот древнейший из всех и вместе с тем единственный доныне сохранившийся рыцарский орден, — в наше время носящий, разумеется, чисто традиционный облик, — зародился в 1048 году, за полстолетия до первого крестового похода. Его основателем считается богатый итальянский купец из города Амальфи, по прозванию Мавр, который от египетского халифа Аль Мустансира Биллаги получил разрешение построить в Иерусалиме христианскую церковь во имя св. девы Марии и странноприимный дом для паломников к святым ме-

1) И. К. Антошевский. "Державный Орден святого Иоанна Иерусалимского, именуемый Мальтийским, в России" Изд. С. Петербург, 1914 г.

стам. Для обслуживанья этих учреждений в Палестину прибыла большая группа монахов-бенедиктинцев, принявшая здесь название братии святого Иоанна.

Братство, — которое вскоре возглавил, со званием ректора, весьма энергичный провансальский монах Жерар де Торн, — с первых же лет развернуло широкую благотворительную деятельность и приобрело известность не только в Палестине, но и в Европе. Усилился приток пожертвований и это позволило в ближайшие годы построить в Святой земле еще одну церковь во имя св. Иоанна Крестителя, новый странноприимный дом и большую больницу. Быстро увеличивалась также и численность братства, которое теперь получило название Госпиталяриев.

В 1099 году крестоносцы, под водительством Годфрида Бульонского, взяли Иерусалим, в чем большую помощь оказали им находившиеся в городе госпиталярии Это событие прославило скромное братство и послужило толчком к превращению его в военно-монашеский орден, поставивший себе новую цель: борьбу с неверными за освобождение Святой земли. Орден Иоаннитов, в который теперь начали вступать многие представители знатнейших родов Европы, быстро разрастается и богатеет, получая по дарственным вкладам и завещаниям крупные суммы денег, драгоценности и обширные земельные владения, как в Палестине, так и в европейских странах. В 1113 году папа Пасхалий Второй утвердил его новый устав.

Брат Раймонд дю-Пюи, избранный главою Иоаннитов в 1118 году, окончательно завершил организацию Ордена, превратив его в строго-замкнутую общину, ввел обеты безбрачия, скромности и послушания, но вместе с тем одною из высших добродетелей объявил воинскую доблесть. Члены Ордена подразделялись теперь на три класса:

1. Рыцари знатного происхождения, несшие боевую службу.

2. Монахи и лица духовного сословия, совершавшие богослужения и ведавшие религиозными делами.

3. Младшая, вспомогательная братия, на обязанности которой лежали хозяйственная, госпитальная и другие службы.

Сам Раймонд дю-Пюи назывался уже не ректором, а магистром, а с 1267 года папа Клемент Четвертый пожаловал главе Ордена звание великого магистра, которое традиционно сохраняется и поныне.

Магистр дю-Пюи установил для рыцарей Иоаннитов особое одеяние: в мирное время — черный плащ с белым полотняным крестом, нашитым на левой его стороне, а для войны — красный плащ, с таким же крестом Вскоре обыкновенный, прямой крест на этих плащах был заменен восьмиконечным, позже получившим название Мальтийского. Восемь его заостренных концов символизируют восемь основных заветов, которые вменялись в обязанность рыцарям:

1. Ты будешь верен тому, чему учит Церковь.
2. Ты будешь охранять и защищать Церковь.
3. Ты будешь любить свою родину и хранить ей верность.
4. Ты не отступишь перед врагом.
5. Ты будешь относиться с уважением к слабому и сделаешься его защитником.
6. Ты не осквернишься ложью и будешь верен данному слову.
7. Ты будешь щедр и станешь благотворить другим.
8. Ты всегда и всюду будешь поборником справедливости и добра.

После того как крестоносцы утвердились в Иерусалиме, образовав здесь свое независимое королевство, рыцари Иоанниты приняли деятельное участие в захвате Хайфы, Кессарии, Акры, Бейрута, Тира, Триполи и других крепостей Палестины и Сирии, прославив себя многими блестящими победами и подвигами. Благодаря этому Орден Иоаннитов очень быстро возвысил-

ся и сделался одною из ведущих сил в борьбе с мусульманским Востоком. Особого могущества и блеска он достиг во второй половине 12-го века. Император Фридрих Барбаросса, отдавая Иоаннитам пальму первенства в борьбе за Святую землю, взял Орден под свое особое покровительство и предоставил ему много льгот и привилегий. Но это привело к печальным последствиям: рыцари возгордились и пренебрегая регламентом и орденскими обетами, стали склоняться к светскому образу жизни, соперничая друг с другом в роскоши и в увеселениях. Кроме того, претендуя на верховную власть в Палестине, они на этой почве вступили в борьбу с орденом Тамплиеров, причем и те и другие все меньше считались с авторитетом иерусалимского короля.

Все это значительно ослабило боевую силу крестоносцев, чем не замедлил воспользоваться египетский султан Саллах ад-Дин (Саладин), который нанеся им ряд поражений, в 1187 году отобрал Иерусалим и почти все другие города Палестины.

Несмотря на общие неудачи, Иоаннитам все же удалось удержать за собою город Маргат, а несколько лет спустя, когда на помощь крестоносцам прибыл король Ричард Львиное Сердце, — они после долгой осады овладели сильнейшей сирийской крепостью Аккой[1]) и перенесли туда свою резиденцию. Однако в скором времени с египетским султаном был заключен мир, который затянулся надолго и томившиеся бездеятельностью рыцари Иоанниты отправились в Испанию, воевать с маврами. У последних они вскоре отбили Валенсию, за что арагонский король пожаловал Ордену обширные земельные владения.

В Испании рыцари пробыли немного более тридцати лет, но когда на Востоке возобновилась борьба за Святую землю, они сейчас же возвратились туда и снова заняли видное место в рядах крестоносцев. Но на

---

[1]) Некоторые исторические источники называют крепость Акку ее древним названием: Птоломанда.

этот раз военное счастье им не благоприятствовало: в 1241 г., под стенами сирийского города Газы, Иоанниты положили весь цвет своего рыцарства, во главе с магистром Герэном. Уцелевшие снова обосновались в Акке, но когда полстолетия спустя, турки вытеснили их оттуда, — они нашли приют у кипрского короля, который отдал им во владение город Лемиссо, со всеми прилегающими к нему землями.

Орденом управлял в это время двадцать второй великий магистр Жан де Вельер, человек волевой и деятельный. Он собрал на Кипр всех рыцарей Иоаннитов, рассеянных по другим странам, пополнил воинский состав, подтянул своих подчиненных, ввел железную дисциплину и учитывая то, что Ордену теперь предстояло действовать больше на море, чем на суше — положил основание орденскому военному флоту, который вскоре достиг большого могущества.

Уже в 1309 году, после восемнадцатилетнего пребывания на Кипре, Иоанниты при помощи этого флота отбили у турок остров Родос и все соседние острова. Византийский император Андроник Второй и папа Клемент Пятый утвердили эти завоевания за Орденом, после чего его резиденция была перенесена на Родос. С этого момента Иоанниты приобретают в истории название Родосских рыцарей.

***

Утвердившись на острове Родосе, Орден быстро окреп и приобрел такую силу, какой не имел даже в самые благоприятные периоды своей предыдущей истории. Во много раз возросли и его богатства, особенно после того, как ему было передано почти всё имущество ордена Темплиеров, обвиненного инквизицией в ереси и расформированного папой Климентом Пятым.

Иоанниты владели Родосом свыше двух столетий, завоевав за это время также некоторые области Малой Азии. Могущественнейшие мусульманские монархи, которым Родосские рыцари доставляли немало неприят-

ностей, неоднократно предпринимали попытки избавиться от этого беспокойного соседства, но все было тщетно. В 15-м столетии египетский флот дважды осаждал Родос, но оба раза был отбит с большим уроном. Даже всесильный турецкий султан Магомет Второй, — взявший Константинополь, сокрушивший Византийскую империю и за свои победы получивший прозвание "Аль-Фатих" [1])), — не смог справиться с Родосскими рыцарями. В 1479 году он послал на них огромный флот и стотысячное войско, но эту страшную осаду, продолжавшуюся много месяцев, рыцари, во главе которых стоял великий магистр Пьер д'Обюссон, — выдержали с честью. Потеряв около половины своих людей и не получая подкреплений, которых не пропускали к острову корабли Иоаннитов, турки в конце-концов сняли осаду и отступили.

Но несколько десятков лет спустя эта твердыня рыцарей все же пала, вследствие внутренней распри и измены. В 1521 году умер сорок третий великий магистр Фабрицио де Каррето и на его место было два кандидата: Филипп Вилье де-ль Иль Адам и Андрэ Амораль. Когда избранным оказался первый из них, второй вошел в тайные сношения с турками и указал им удобный для нападения момент. В то время когда у рыцарей на Родосе было всего 5.100 бойцов, остров осадил султан Сулейман Второй, на четырехстах кораблях перебросивший сюда стосорокатысячное войско.

Не получая никакой помощи извне, Иоанниты шесть месяцев успешно отбивались от врага, по численности превосходившего их почти в тридцать раз. Но силы в конце концов иссякли и они вынуждены были капитулировать, однако на почетных условиях: всем остаткам Ордена, во главе с их славным магистром, султан позволил покинуть остров на пятидесяти последних кораблях, которые в начале 1523 года благополучно прибыли на остров Крит, принадлежавший тогда венецианцам.

---

1) Аль-Фатих — "Завоеватель"

В конце того же года великий магистр де-ль Иль-Адам с уцелевшими рыцарями переехал в Мессину, которую король Сицилии предоставил Ордену. Но уже в следующем году тут разразилась страшная эпидемия чумы, заставившая Иоаннитов уйти в Папскую область, где папа Клемент Седьмой отвел им для временного поселения город Виттербо.

Тотчас же энергичный Филипп де-ль Иль-Адам принялся искать для Ордена более солидную и обширную резиденцию, которая обеспечила бы ему суверенное положение. Его усилия вскоре увенчались успехом: по соглашению с папой, император Священной Римской Империи Карл Пятый отдал Иоаннитам остров Мальту и соседние острова Гоццо и Комино, а также город Триполи на побережье Африки. Все эти владения передавались Ордену на правах ленного государства, с условием, что рыцари будут оберегать морские пути и берега Европы от нападений африканских корсаров, которые в ту пору сделались подлинным бичем Средиземного моря.

Приняв эти условия и обязавшись возвратить Мальту если ему удастся отвоевать у турок Родос, Филипп де-ль Иль-Адам и его подчиненные в 1530 году утвердились на новых своих территориях и с этой поры получили название Мальтийских рыцарей.

К этому времени Орден имел следующую внутреннюю структуру: во главе его стоял пожизненно избираемый великий магистр, который по своим правам и положению был суверенным монархом, иерархически стоявшим выше владетельных князей и герцогов, — он титуловался "величеством" Все христианские короли признали Мальтийский Орден державным и обменивались с ним послами.

В помощь великому магистру избирался орденский совет из восьми постоянных членов, занимавших определенные должности, каждая из которых была навсегда закреплена за рыцарями той или иной национальности. Это были:

1. **Великий командор**, — казначей Ордена или министр финансов, — провансалец[1]).
2. **Великий канцлер**, — министр иностранных дел, кастилец или португалец.
3. **Великий адмирал**, — начальник орденского флота, — итальянец.
4. **Великий маршал**, — командующий пехотой Ордена, — овернец[1]).
5. **Великий бальи**, — начальник крепостей и оборонительных сооружений Ордена, — немец.
6. **Туркопильер**, позже получивший название **великого начальника стражи**, — командующий конницей Ордена, — англичанин[2]).
7. **Великий консерватор** или **великий охранитель**, — глава внутренней администрации (министр внутренних дел), — испанец[3]).
8. **Великий госпиталярий**, — начальник всех благотворительных учреждений Ордена, — француз.

Эти восемь высших сановников Ордена, вместе с великим капелланом (епископом Мальты), двумя лейтенантами (заместителями) великого магистра и его гофмейстером, составляли Священный Совет или Великий Капитул, который созывался в чрезвычайных случаях, для решения особо важных дел.

В пределах каждой национальности рыцарство делилось на великие приорства, приорства, баллии[1]) и командорства. Занимать должности приоров, бальи и командоров могли только самые знатные рыцари, имевшие не меньше восьми поколений благородных предков. Такие полноправные рыцари назывались "Cavalieri di guis-

---

[1]) Прованс и Овернь, — позже французские провинции, — в период крестовых походов были самостоятельными государствами.

[2]) С тех пор как Англия, при короле Генрихе VIII отпала от котолицизма, эта должность перешла к баварцам.

[3]) Единой Испании тогда не было. Тут подразумевается арагонец, каталонец или наваррец.

[1]) Баллия — судебный округ.

tizia“ [2]). Менее родовитые и получившие рыцарский сан за боевые подвиги, носили название "Cavalieri di grazia“ [3]).

Были также члены Ордена не дававшие всех положенных по статуту обетов, — они назывались донатами, были ограничены в правах и на плащах носили неполный крест, у которого были срезаны два верхних угла. Высшие должностные лица, начиная с командоров, носили на плащах кресты большего размера чем рядовые рыцари, кроме того, золотые кресты на шее. Все прочие носили серебряные, а позже белые эмалевые кресты на четках, а с 1631 года на груди. Отличием членов Капитула и особо высокопоставленных лиц, зачисленных в Орден, были большие золотые кресты, носившиеся на груди, на золотой цепи. Помимо этого, все члены Ордена имевшие рыцарское звание, под черным плащем носили особое алое одеяние, вроде колета, с нашитым во всю грудь белым Мальтийским крестом.

Был установлен и герб Ордена: серебряный восьмиконечный (мальтийский) крест на алом щите с герцогской короной, из которой выходил венок роз, окружающий весь щит; внизу — маленький крест и под ним девиз Ордена: "Pro Fide“ [4]).



С этого времени, превратившись в передовую заставу Западной Европы против мусульманского Востока, — объединенного в ту пору могущественной Оттоманской Империей, — Орден бдительно стоял на страже христианского мира, отражая бесчисленные нападения турок и их северо-африканских вассалов. В первые же годы рыцари оказали значительную помощь войску и флоту императора Карла Пятого, в его войнах с Алжиром и с Тунисом, — в частности ими была взята сильнейшая африканская крепость Галета, которую долго и безуспешно осаждали императорские войска.

---

[2]) То-есть "рыцари по праву" или "по справедливости".

[3]) То-есть "рыцари по милости" (или по заслугам).

[4]) "За веру".

Однако, своих африканских владений рыцари удержать не смогли, — и Галету и Триполи вскоре отобрали турки, — но на Мальте их государство, в обстановке почти беспрерывной войны, просуществовало 268 лет. Стоит отметить, что смертельный удар этой твердыне нанес, в конце концов, не Восток, а Запад, в лице Франции и Англии, которым Мальтийские рыцари оказали больше всего услуг, ибо их усилиями Средиземное море было почти полностью очищено от алжирских и тунисских корсаров, которые до этого совершенно парализовали морскую торговлю этих стран.

Озлобленные действиями Иоаннитов турки, решили, наконец, покончить с Орденом любой ценой: в 1565 году они осадили Мальту, сосредоточив здесь огромный флот и сорокатысячное войско. На острове в это время находилось всего 700 рыцарей и 7.500 рядовых бойцов, а потому великий магистр Жан де-ля Валлет, обратился за помощью к христианским монархам Западной Европы. Но никто ему ничем, кроме обещаний и выражения сочувствий, не помог и пришлось отбиваться своими силами. В течение четырех месяцев мальтийцы мужественно защищались против впятеро сильнейшего противника, неся страшные лишения и потеряв за это время две трети своего боевого состава. Но победа осталась за ними, ибо турки, оставив у берегов Мальты несколько десятков потопленных кораблей и 25.000 убитыми, вынуждены были снять осаду и отступить.

Эта блестящая победа прославила Мальтийских рыцарей и в Европе и в Азии. Снова на них посыпались милости христианских королей, денежные и земельные дотации и знаки внимания. Они становятся желанными гостями при всех европейских дворах. Но всё это скверно отразилось на жизненном укладе Ордена и на морали его членов: рыцари начали широко пользоваться всеми выгодами своего положения, многие из них стали надолго покидать Мальту и прожигать жизнь на материке, в роскоши, пирах и светских удовольствиях. В этом не отставали от них и те, кто

оставался на острове. Дисциплина падает, начинаются внутренние раздоры между рыцарями разных национальностей, дела Ордена и хозяйственная жизнь Мальты приходят в упадок; плохо управляемое и обремененное налогами население ропщет. Великие магистры дю Монт и де-ля Кассьер, правившие после знаменитого де-ля Валлета, не обладали достаточным авторитетом, чтобы навести порядок.

Все это послужило поводом к тому, что инквизиция начала вмешиваться во внутренние дела Ордена. На остров был назначен папский резидент — инквизитор, с самыми широкими полномочиями. Дошло до того, что прием нового члена в Орден и утверждение в рыцарском звании стали целиком зависеть от санкции инквизитора. Такое положение вызвало острое недовольство рыцарей и ненависть к иезуитам. Эти чувства, постепенно наростая, привели в начале 17 века к открытой вспышке, во время которой пострадали многие иезуиты и едва не был убит сам мальтийский резидент, после чего инквизиция несколько ослабила свою хватку.

Однако, несмотря на все эти неурядицы, Орден успешно продолжал исполнять роль христианского аванпоста против Оттоманской империи. В 17 веке его военные действия ознаменовались новыми удачами: у турок были отвоеваны греческие города Лепанто, Патрас, Коринф и некоторые другие. В начале 18 века рыцарям, под водительством великого магистра Раймонда де Рокафуля, снова удалось нанести Турции ряд серьезных поражений.

Следующие десятилетия были относительно спокойными. Орден вёл мало войн, но много сделал в области внутреннего благоустройства Мальты. Тут были возведены новые первоклассные укрепления, сделавшие остров совершенно неприступным, проведены удобные дороги и осуществлены обширные работы в области гражданского строительства; была значительно расширена промышленность, увеличены посевные площади, открыто много школ, университет и академия наук.

Большая часть этих работ производилась при но-

мощи пленных мусульман-невольников, которых на Мальте скопилось множество. В 1749 году они организовали заговор и восстание, с тем чтобы перебить всё христианское население острова и поднять над ним турецкий флаг. Однако великий магистр Пинто де Фонсека во-время узнал об этом и ему удалось подавить мятеж в самом начале.



В сношения с Россией Орден впервые вошел в 1698 году. Петр Первый, желая договориться с великим магистром Раймондом де Рокафулем о совместных действиях против Турции, отправил к нему послом боярина Бориса Петровича Шереметева (будущего графа и фельдмаршала), которого сопровождал ученый дьяк Алексей Курбатов.

Шереметева, уже прославившегося своими победами над турками, на Мальте встретили пушечным салютом и приняли с большим почетом. Великий магистр обменялся с ним ценными подарками и собственноручно возложил на него Большой крест ордена св. Иоанна Иерусалимского, — таким образом Б. П. Шереметев стал первым русским рыцарем Державного Мальтийского Ордена. Но на этом дело и кончилось.

Попытку такого же соглашения с Орденом сделала в начале своего царствования императрица Екатерина Вторая. Но под давлением Франции и Ватикана, относившихся к России враждебно, посланник Екатерины маркиз де Кавалькабо встретил на Мальте холодный прием и все его предложения были отвергнуты. Однако, несколько позже Орден, при содействии Венского двора, все же согласился принять в состав своего военного флота шесть русских офицеров, для прохождения морского стажа. Эти офицеры (Козлянинов, Коковцев, Мосолов, Рагозин, Селифонтов и Скуратов) проплавали на орденских судах три года и все удостоились получения Мальтийских крестов, то есть звания рыцарей.

В 1775 году население Мальты, недовольное непомерными налогами и произволом должностных лиц, подняло против рыцарей восстание. Великий магистр, князь Эммануил де Роган, это восстание подавил, но после этого постарался устранить причины недовольства. Он выработал и издал кодекс мальтийских законов, упорядочнил администрацию, укрепил в Ордене пошатнувшуюся дисциплину и навел на острове порядок.

Несколько лет спустя на Мальту прибыл новый поверенный императрицы Екатерины, офицер русского флота Антоний Псаро, грек по происхождению, которому удалось заключить с Орденом союз против Турции. Но под давлением Франции, этот союз сейчас же был расторгнут и великий магистр де Роган даже начал тайно приискивать себе союзников на случай конфликта с Россией, ибо ее враги упорно распространяли слух о том, что русский флот готовится захватить Мальту.

***

Важные политические события, ознаменовавшие конец 18 века, заставили Капитул Ордена коренным образом изменить свое отношение к России и искать с нею сближения.

Начало этому повороту положило то обстоятельство, что Орден имел крупные интересы в Польше, которая в конце царствованья императрицы Екатерины Второй оказалась под властью России.

Еще в начале 17 столетия крупнейший польский магнат, князь Януш Острожский, с прекращением своего рода завещал Мальтийским рыцарям обширные земельные владения на Волыни, с тем чтобы там было основано командорство Ордена. Однако, вопреки воле завещателя, этими землями завладели князья Сангушко и все усилия мальтийцев добиться справедливости не приводили ни к чему. Но когда, после раздела Польши, они обратились к императрице Екатерине, дело было немедленно решено в их пользу. Вдобавок в это-

му, Екатерина повелела передать Мальтийскому Ордену земли, прежде принадлежавшие в Польше иезуитам, и это позволило основать там уже не командорство, а великое приорство Ордена, включавшее десять командорств, на что императрица дала свое согласие.

Приблизительно в это же время французская революция лишила Мальтийских рыцарей всех их земельных владений во Франции, а сами рыцари были оттуда изгнаны. Такое же положение создавалось в северной Италии и в Баварии, а над самой Мальтой нависла угроза захвата ее французами. В этот критический для Ордена момент, Капитул обратился за помощью к императору Павлу Первому, только что вступившему на Российский престол.

В С. Петербург прибыл с чрезвычайными полномочиями посол Державного Ордена, великий бальи граф Юлий Помпеевич Литта, уже хорошо известный в России: в царствованьи императрицы Екатерины Второй он, в чине контр-адмирала, служил в русском военном флоте и за свои боевые действия против турок был награжден орденом св. Георгия 3 степени.

Император Павел принял его милостиво и с большим почетом, охотно согласившись оказать Ордену помощь в самом широком размере. В январе 1797 года была подписана конвенция, согласно которой значительно расширялось и упрочнялось "на вечные времена" польское великое приорство, а также было разрешено учреждение в Российской империи родовых командорств, доходы с которых шли в орденскую казну. Мальтийским рыцарям предоставлялись в России все права и превилегии, которыми они пользовались в других странах; кроме того, император Павел обязался ежегодно отпускать на нужды Ордена триста тысяч польских злотых и согласился принять на службу всех иностранных рыцарей, которые изъявят желание служить России.

Несколько месяцев спустя, на Мальте умер великий магистр князь де Роган и на его место был избран

барон Фердинанд фон Гомпеш, — первый в истории Ордена немец, удостоившийся этой чести.

Над Орденским государством, между тем, сгущались грозовые тучи: Англия и Франция находились накануне войны и было совершенно очевидно, что каждая из этих стран ждет случая овладеть Мальтой, которая, по своему положению, являлась ключом к господству над Средиземным морем.

Понимая сколь важно теперь для Ордена покровительство такой могущественной державы, как Россия, — фон Гомпеш отправил в Петербург новое посольство, во главе с командором графом Казимиром Рачинским, прося русского императора принять Державный Мальтийский Орден под свой высокий протекторат. Граф Рачинский от имени великого магистра поднес Павлу драгоценный рыцарский доспех и вручил ему Большой крест ордена св. Иоанна Иерусалимского, который являлся, к тому же исторической реликвией, ибо в прошлом носил его славнейший из великих магистров — победитель турок Жан де ла Валлет. Кресты высших степеней были вручены также императрице, троим царевичам и некоторым русским сановникам.

27 ноября 1797 года император Павел был торжественно провозглашен Протектором Державного Мальтийского Ордена, а два дня спустя был обнародован императорский манифест "об установлении в пользу Российского Дворянства Ордена святого Иоанна Иерусалимского".

Этим манифестом, помимо уже существующего Российского католического великого приорства, учреждалось великое приорство православное, в составе 98-ми командорств [1]); на его нужды русская казна должна была отпускать 216.000 рублей в год. Разрешено было также учреждать родовые православные командорства, с правом наследственной их передачи старше-

---

1) К концу царствования имп. Павла Петровича это первоначальное количество командоров в обоих российских приорствах утроилось.

му в роде, вместе со званием командора. Но требовалось, чтобы такой земельный майорат был достаточно обширным и приносил не менее 3.000 рублей годового дохода, десятая часть которого шла в орденскую казну. И, само собой разумеется, что ходатайствующий об учреждении родового командорства должен был удовлетворять всем требованиям орденского статута.

Тем же манифестом утверждался статут российских великих приорств, согласно которому все высшие должности в них, начиная с командоров, должны были замещаться исключительно русскими подданными. Великим приором православного приорства был поставлен наследник-цессаревич Александр Павлович, а католического — принц Людовик-Жозеф де Бурбон Кондэ [1]).

Для принятия в Орден, кроме безупречной репутации, от кандидата требовались доказательства принадлежности к военному дворянству не ниже 150-летней давности и денежный взнос в орденскую казну, в размере 1.200 рублей [2]). Командорами могли быть лица имевшие, сверх того, определенный военный стаж: участие в четырех кампаниях, не менее шести месяцев каждая; позже это было заменено двумя годами строевой службы в офицерском чине, с участием в боевых действиях.

Боясь, что Мальта теперь попадет в руки России, французская Директория приказала генералу Наполеону Бонапарту овладеть ею, что и было им исполнено в июне 1798 года. При этом захваченный врасплох великий магистр фон Гомпеш не оказал французам никакого сопротивления. Остров был дочиста ограблен, а всем находившимся там рыцарям, во главе с великим

---

1) Напомним, что принц Людовик Кондэ, до последней возможности сражавшейся с французскими революционерами, в 1797 году, вместе с остатками своего корпуса был принят императором Павлом на русскую службу. В составе этого корпуса находилось несколько десятков Мальтийских рыцарей, которые все вошли в Российское католическое (польское) великое приорство.

2) Несовершеннолетние платили двойной взнос, — 2.400 руб.

магистром, было предложено его немедленно покинуть.

Среди мальтийцев в России и в других странах, это событие вызвало бурю возмущения. Обвинив фон Гомпеша в измене, рыцари его низложили и новым главою Ордена единодушно избрали императора Павла. В декабре 1798 года он торжественно принял сан великого магистра, повелев добавить к российскому государственному гербу Мальтийский крест, а в императорский титул внести добавление: "и великий магистр Ордена святого Иоанна Иерусалимского".

Резиденция Державного Ордена была официально перенесена в С. Петербург, где его Капитулу был предоставлен дворец, принадлежавший прежде графу Воронцову — (позже в нем помещался Пажеский корпус). Сюда же в скором времени были перевезены все святыни и реликвии Ордена, которые уцелели после разграбления Мальты войсками Наполеона.

Указом императора Павла была учреждена также особая "гвардия великого магистра", носившая алые орденские колеты. Первоначально она состояла из 189 кавалеров Ордена, но два года спустя была преобразована в трехэскадронный гвардейский полк, получивший название Кавалергардского.

***

Следует несколько подробнее остановиться на обстоятельствах избрания императора Павла великим магистром, ибо существует мнение, что это избрание не было вполне законным. В защиту такого взгляда выдвигаются обычно три аргумента:

1. По статуту, глава Ордена несменяем; он избирается пожизненно, — следовательно предыдущий великий магистр фон Гомпеш был низложен незаконно. 2. Павел Первый был избран не Капитулом Ордена, а собранием случайно оказавшихся в С. Петербурге иностранных и русских рыцарей. 3. Павел, как православный и женатый, не мог быть главой католического Ордена и папа его избрания не утвердил.

Все это совершенно не согласуется с действительностью. Прежде всего следует учитывать, что положение Державного Ордена было в ту пору даже не исключительным, а просто катастрофическим: он потерял Мальту и почти все иные свои владения, — вопрос шел о том, быть ему или не быть. В подобном положении не приходится думать о точном соблюдении каждой буквы устава. И вполне естественно то, что Капитул, спасая существование Ордена, пошел на некоторые компромиссы. В истории это отнюдь не ново. И если под давлением обстоятельств какому-либо государству приходится менять тот или иной параграф своей конституции, никто в этом не усматривает акта беззакония.

В данном случае, ради спасения Ордена, пришлось пойти на избрание великого магистра не католика. Но, как будет видно из дальнейшего, самое его избрание было проведено вполне законно.

О применении принципа несменяемости к фон Гомпешу не приходится и говорить: случай подобного предательства со стороны главы Ордена казался составителям статута настолько невероятным, что он просто не был предусмотрен. Но совершенно очевидно, что человек нарушивший присягу, без всякого сопротивления сдавший неприятелю великолепно укрепленную Мальту и тем лишивший Орден его государственности, не мог оставаться его державным вождем ни при каких обстоятельствах.

Как низложение фон Гомпеша, так и избрание на его место императора Павла было проведено отнюдь не случайно подобравшейся группой рыцарей: из двенадцати членов старого орденского Капитула в Петербурге в это время находилось восемь, то-есть абсолютное большинство; девятым законным его членом являлся Российский великий приор, наследник - цесаревич Александр Павлович, уже имевший звание великого маршала Державного Ордена. Разумеется, решения принятые единогласно тремя четвертями полного состава Капитула были вполне правомочными, если даже

предположить, что три отсутствовавших члена были бы с ними не согласны.

Что же касается отношения папы к этому избранию, — его достаточно ярко освещает следующая выдержка из труда историка И. Антошевского:

> "Хотя Павел и изъявил с радостью свое согласие на принятие им сана великого магистра, тем не менее он повелел русскому послу в Риме, Лизакевичу, войти по этому поводу в переговоры с папою Пием Шестым. Папа был крайне недоволен и возмущен французской Директорией, благодаря которой католическое духовенство было изгнано и лишено своих недвижимостей во Франции и в северной Италии. Принятие же Павлом, — императором могущественного государства, — сана великого магистра древнего католического Ордена, обещало большие выгоды римской курии. Вот почему Пий Шестой поспешил дать Павлу самый благоприятный ответ, в котором выражал свою радость и **полное согласие на принятие им титула и обязанностей великого магистра Мальтийского Ордена**".

Некоторые оппоненты Антошевского на это возражали, что в русских архивах не обнаружено документальных доказательств папского согласия, а документы Ватикана говорят скорее обратное.

Это совершенно верно и вполне понятно: папа Пий Шестой благоразумно изъявил свое согласие в устной форме, о чем имеется лишь официальное донесение русского посла Лизакевича, который, конечно, в столь серьезном вопросе не осмелился бы обманывать своего государя, — особенно такого, как Павел Первый.

Что же касается ватиканских документов, то по этому вопросу основным из них является письмо кардинала Одескольги графу Лоренцо Литта, — папскому нунцию в С. Петербурге. Письмо это написано через три месяца после того, как император Павел, с согласия папы, принял звание великого магистра Мальтий-

ского Ордена, и в нем кардинал Одескольги излагает "принципиальную" точку зрения Пия Шестого, который-де не может согласиться с допущенными нарушениями орденского статута. Однако, в дополнительном шифрованном письме, графу Литта предписывается держать это мнение папы в секрете от Павла, если есть хоть малейшее опасение, что император может охладеть к Мальтийскому Ордену.

Таким образом, этот документ, по существу, является лишь перестраховкой папы Пия Шестого перед католическим миром: для соблюдения своего лица, как главы католической церкви, ему нужно было оставить в архивах Ватикана какие-то следы своего принципиального несогласия со всем происшедшим.

Это отнюдь не наше собственное умозаключение, а признание самого кардинала Одескольги: в конце того же письма к графу Лоренцо Литта он пишет, что папа свою точку зрения "пока" не будет предавать гласности, но что этот документ **должен в будущем послужить доказательством того, что он защищал католическую законность** и статут Ордена Иоаннитов.

Комментарии тут излишни. Подобный документ для историка может иметь значение только как иллюстрация дипломатической практики Ватикана. Но совершенно очевидно, что все эти запоздалые хитросплетения, — к тому же строго засекреченные пока их оглашение было невыгодным, — обратной силы не имеют и случившегося изменить не могут: **в нужный момент свое согласие папа дал**. Таким образом, избрание императора Павла было оформлено вполне законно. За исключением испанского короля, давшего уклончивый ответ, все католические монархи Европы согласились с этим, признав Павла семьдесят вторым великим магистром державного Ордена св. Иоанна Иерусалимского, в списках которого он тоже значится таковым.

***

Избрание русского императора главою Мальтийского Ордена фактически давало ему право на облада-

ние Мальтой и Павел немедленно начал готовить сильный флот для овладения ею.

Официальная русская история, давшая Павлу Первому и всей его деятельности очень недобросовестную оценку, всю его мальтийскую акцию изобразила как самодурство, совершенно ненужное России. Однако, это было вовсе не так. Помимо чисто внешней, декоративно-романтической стороны дела, которая может быть тоже увлекала императора Павла, — была и другая, вполне серьезная, могущая оказать большое влияние на дальнейший ход русской истории.

В данном случае Павел преследовал две важные цели, которые вероятно были бы достигнуты, если бы преступный заговор в очень скором времени не оборвал его жизнь.

Прежде всего он хотел, путем тщательного отбора принимавшихся в Орден людей, сделать его надежным оплотом престола и монархической законности, — как бы особой кастой или наследственным сословием, — взамен растлившегося дворянства, которое, со смерти Петра Первого, фактически распоряжалось престолом и путем последовательных дворцовых переворотов добивалось для себя всё больших превилегий. Павел ему с полным основанием не доверял, тем более, что первые же его государственные реформы стяжали ему дружную ненависть большинства наиболее богатых и влиятельных дворян.

Со всеми "достижениями" царствования Екатерины Второй, когда чины дворянам шли со дня рождения, офицеры являлись в строй с меховыми муфтами и службу несли спустя рукава, при Павле было решительно покончено: он потребовал от всех серьезного отношения к службе и суровой дисциплины, беспощадно карая за малейшее ее нарушение. Первым же своим указом он ограничил барщину тремя днями в неделю, что сразу лишило помещиков половины бесплатного крестьянского труда.

Кстати, стоит отметить, что наши казенные историки, стремясь очернить Павла и тем оправдать его убий-

ство, умолчали о том, что он ограничил применение в войске телесных наказаний [1]), как умолчали они и о том, что его преемник и любимец русской истории, Александр Первый, разрешил удвоить и без того огромное количество шпицрутенов, которое давалось солдатам.

Кроме того, Павел справедливо усматривал в лице Англии самого опасного врага России и готовился к борьбе с нею. При таком положении обладание островом Мальтой, как первоклассной и отлично укрепленной морской базой, имело для России исключительное значение: весьма внушительный в то время русский флот, в соединении с орденским, сделался бы в Средиземном море господствующей силой.

В Англии эту возможность очень быстро учли и приняли свои меры: опережая русских, англичане захватили Мальту, а английский посол в России, Чарльз Уитворт, организовал убийство императора Павла. Его смерть нанесла Державному Мальтийскому Ордену сокрушительный удар, от которого он уже не оправился, ибо надежда на возвращение Мальты, а следовательно и на дальнейшее существование Ордена как суверенного государства, была теперь навсегда потеряна. Вступивший на русский престол император Александр Первый никакого интереса к мальтийским делам не проявил и очень скоро свел на нет всё начатое в этой области его отцом и предшественником.

По смерти Павла события развивались в таком порядке: Капитул Ордена предложил корону великого магистра императору Александру, но последний от нее отказался, согласившись принять лишь звание протектора. Месяц спустя, указом от 26 апреля 1801 года, он повелел изъять Мальтийский крест из русского государственного герба. Тем самым русский император отказывался от присоединения к России Мальтийского Орде-

---

1) Но за уголовные преступления император Павел повелел, на общем основании, подвергать телесным наказаниям и лиц дворянского сословия, которые прежде были от них освобождены.

на, как государства. Орденскому Капитулу ничего иного не оставалось, как перенести свою резиденцию из Петербурга в Италию. Здесь два года спустя был избран новый великий магистр, итальянец Джиованни Томасси, после чего император Александр сложил с себя звание Протектора Ордена.

Естественно, возникает вопрос: какими побуждениями руководствовался Александр Первый и почему он поспешил отмежеваться от Мальтийского Ордена? — Если не считать причин второстепенных, которые послужили лишь предлогом (например, советы некоторых представителей русского духовенства, опасавшегося проникновения в Россию католических влияний, трения, иногда возникавшие между русскими и иностранными рыцарями и т. п.), — главная и основная причина заключалась в том, что Александр не обладал политической прозорливостью своего отца и не распознав самого опасного врага России, взял курс на сближение с Англией. Своими действиями в отношении Мальтийского Ордена, он ей хотел показать, что не претендует на остров Мальту, тем самым отказавшись от права на обладание ключем к Средиземному морю. Как известно, это было лишь первым его шагом на том ошибочном пути, который привел потом к совершенно бессмысленным для России войнам с Наполеоном и к непомерному и пагубному для нас усилению Англии.



О дальнейшей судьбе Мальтийского Ордена остается сказать немного: потеряв всякую территориальную базу, он надолго застыл в состоянии полной неопределенности и упадка. В 1805 г. умер Джиованни Томасси и с той поры в течение 74-х лет не избирался даже великий магистр, а делами Ордена управляли замещавшие его поручики и Совет. В 1834 году его резиденция была перенесена из итальянской провинции в Рим, что поставило Орден в еще более тесную зависимость от Ватикана.

В последующие годы, в связи с повсеместным ро-

стом революционных движений, было выдвинуто несколько проектов оживления Мальтийского Ордена, в качестве опоры монархического начала, но ни один из них успехом не увенчался, если не считать того, что в некоторых странах ненадолго были восстановлены прежде закрытые приорства и командорства.

К концу 19 столетия Державный Орден святого Иоанна Иерусалимского окончательно принял форму полудуховной благотворительной организации, с сохранением всех своих исторических традиций и древнего названия. С 1879 года вновь стал избираться утверждаемый папой великий магистр, титулуемый "высочеством" [1]).

К началу первой мировой войны в Ордене числилось около двух тысяч командоров и кавалеров, главным образом наследственных, к числу которых принадлежали многие католические монархи и члены древнейших аристократических родов. В середине нынешнего столетия, по настоянию Ватикана, после долгих и серьезных трений статут Ордена был подвергнут некоторой демократизации, с целью облегчить доступ в него лицам не знатного происхождения.

***

В печати не раз проскальзывала мысль, что в России существовал не подлинный Орден св. Иоанна Иерусалимского, а некий его дубликат, который был уже не духовно-рыцарским, а чисто светским орденом, своего рода корпораций лиц награжденных Мальтийским крестом, как знаком отличия, от которых не требовалось строгого соблюдения статута и обетов, обязательных в Державном Ордене.

Этот взгляд совершенно ошибочен и нет никакого сомнения в том, что в годы царствованья императора Павла Первого на русскую почву был перенесен подлинный Мальтийский Орден, но, конечно, со введением некоторых особенностей для вновь образованного Рос-

---

1) Altesse Eminentissime et Reverendissime.

сийского великого приорства, что было обусловлено и требованьям времени и православным составом этого приорства. Так, например, принесение обета "сражаться с неверными" было бы в ту пору явным анахронизмом, а обета безбрачия православная Церковь не требовала даже от священников.

То обстоятельство, что Павел Первый ввел Мальтийский крест в состав российских орденов, чем создавалась в России как бы особая категория мальтийских кавалеров, — тоже не заключало в себе ничего нового: такие же Мальтийские кресты-ордена уже существовали в Италии, Испании, Португалии, Австрии, Пруссии и Баварии, давая награжденным те же права. Все это убеждает нас в том, что ни о какой "параллельной" организации тут не может быть и речи и что русская страница в истории Державного Мальтийского Ордена отнюдь не является фальшивой вставкой.

К моменту смерти императора Павла, Российский отдел Ордена по количеству рыцарей был уже весьма значителен, обратившись в главную его силу. Согласно списку, составленному на основании имеющихся заграницей источников, в Российском православном приорстве насчитывалось 375 командоров, из которых тридцать имели в то же время более высокое звание бальи, и 700 кавалеров. Список этот вне всякого сомнения, не полон, — особенно во второй его части — и надо полагать, что в действительности число командоров приближалось к четыремстам, а кавалеров к тысяче. Кроме того, было 1.087 так называемых донатов (см. ниже).

По тому же неполному списку, Российское католическое приорство включало 185 рыцарей, из которых не менее половины были командорами и около двадцати имели звание бальи. Любопытно отметить, что в его состав входили бывший польский король Станислав Понятовский, 7 принцев крови, 12 герцогов и 26 князей. В списках этого же приорства числился король Шведский. Это совсем не похоже на простое сообщество лиц, награжденных Российским императором Мальтийскими крестами.

Кстати, стоит подробно разобраться в вопросе об этих крестах и о практике награждения ими, ибо это приведет нас к интересным выводам.

Как известно, Павел Первый орденом св. Георгия никого не жаловал, хотя его и не отменил. За боевые подвиги он награждал офицеров Мальтийским крестом, который был введен в состав орденов Российской империи и имел три степени: Кавалерский или Рыцарский крест, носившийся в петлице, Командорский — нашейный и Большой или Баллийский крест, носившийся на груди, на золотой цепи. Кроме того, был установлен так называемый Донатский крест, бронзовый, которым награждались нижние чины за беспорочную двадцатилетнюю службу.

По составу награжденных Большим крестом мы можем заключить лишь одно: он давался только высшим сановникам государства и особенно прославленным генералам. Согласно заграничному списку, — может быть неполному, — в России из православных имели этот крест тридцать человек, в том числе великие князья Александр, Константин и Николай Павловичи. Петербургский митрополит Амвросий Подобедов, ген. фельдмаршалы Суворов и Н. И. Салтыков 1-й, генералы и будущие фельдмаршалы Кутузов и И. П. Салтыков 2-й, адмирал Кушелев и еще пять полных генералов. Все остальные были рангом не ниже сенатора.

О составе награжденных Кавалерским крестом судить трудно, так-как до нас дошли лишь общие списки кавалеров Российского великого приорства, по которым не представляется возможным определить — кто был принят в приорство по статуту, а кто по награждению. Вполне очевидно лишь одно: этот крест жаловался почти исключительно за боевые подвиги, заменяя собою орден св. Георгия 4-й степени.

Такое пожалование автоматически приобщало награжденного к Российскому великому приорству Ордена св. Иоанна Иерусалимского и потому возникает вопрос: мог ли Мальтийский крест на практике заменять орден св. Георгия, если по статуту последнего важен был только совершенный подвиг, а происхождение отли-

чившегося совершенно не принималось во внимание, тогда как кавалером Мальтийского Ордена мог быть только представитель дворянства не ниже 150-летней давности?

Ответ на этот вопрос можно извлечь из списков российских командоров Мальтийского Ордена, в которых точно известно кто получил это звание по статуту, а кто по награждению.

Антошевский в своем труде приводит фамилии 246-ти командоров, по их категориям. Анализ этих списков показывает следующее: из 98-ми первых командоров, принятых в Российское православное приорство **по статуту**, 52 % лиц принадлежали к титулованным фамилиям; генералов, — военных и гражданских, — в этом списке 70%, штаб-офицеров 29% и обер-офицеров 1%.

Из родовых командоров в православном Российском приорстве титулованных было 66 %.

В Российском католическом приорстве среди "статутных" командоров титулованных было 70 %, а среди родовых — 100 %.

Сравним теперь эти данные со списком командоров **по награждению.** Тут мы находим: титулованных всего 5 %, а по чинам — генерал-майоров 2 %, штаб-офицеров 37 % (из них почти половина майоров), обер-офицеров 61 % (в том числе несколько подпоручиков).

Приблизительно такое же соотношение выявляется из списков, которые относятся к концу царствования императора Павла, когда количество командоров почти удвоилось.

Из этого мы видим, что при награждении Командорским крестом за военные подвиги, служебное положение и родовые данные отличившегося в расчет практически не принимались. Судя по фамилиям, в подавляющем большинстве это были представители мелкого служилого дворянства, а некоторые по рождению и вовсе не были дворянами, приобретя это звание лишь с полученным офицерским чином. Преследуя цель от-

бора верных, честных и преданных престолу людей. Павел Петрович жаловал этот крест, с правом наследственной передачи звания командора, не родовитым, а тем, кто по его мнению были достойны стать родоначальниками нового рыцарского сословия русских Иоаннитов.

Но император Александр Первый нашел всё это излишним. Упразднил он и Мальтийский крест, как орденский знак Российской империи, что вызывает по меньшей мере недоумение. Казалось бы, лучше сохранить знаки древнейшего и славнейшего рыцарского Ордена, — который, к тому же, приобрел прямую историческую связь с Россией, — чем жаловать россиян орденами побежденной Польши, — "Белым орлом" и крестом Станислава, — католического святого, о котором не имели никакого понятия получающие этот орден русские люди.

***

Когда волею императора Александра Первого Державный Мальтийский Орден был вновь отделен от России, Польское великое приорство, по орденской линии, на общих основаниях вошло в подчинение новому великому магистру Джиованни Томасси. Русское же великое приорство, будучи православным, этого сделать, естественно, не могло и оказалось в особом положении, изолированном от Ордена, который теперь возвратился на строго католические позиции.

Принято считать, что Александр Первый его ликвидировал, но это не соответствует истине. После разрыва с Державным Мальтийским Орденом, за следующие 17 лет было опубликовано семь высочайших указов, касающихся дел Российского великого приорства, но ни в одном из них император не говорит ни о сложении с себя звания великого приора, ни о закрытии приорства, хотя последний из этих указов (от 20 января 1817 года) совершенно произвольно истолковывается именно в таком смысле, — на основании следующей фразы: "после смерти командоров Ордена св. Иоанна Иерусалимского, наследники их впредь не наследуют звания

командоров Ордена и не могут носить орденских знаков, по тому уважению, что таковогo ордена в Российской Империи более не существует“.

Некоторые толкователи этого указа смешивают тут два различных понятия: Мальтийского Ордена, как организации и Мальтийского ордена-креста, как знака отличия. Между тем совершенно очевидно, что указ 1817 года имеет ввиду отмену в Российской империи именно этих орденских знаков отличия и сопряженных с ними превилегий, то-есть потомственной передачи Командорского креста и связанного с этой наградой звания командора. Но надо оговориться, что даже из этого постановления впоследствии не раз делались исключения: так, например, в царствованье императора Александра Второго было разрешено носить наследственный крест и звание командора князю А. В. Трубецкому, а в царствование императора Александра Третьего — вице-адмиралу Кроуну.

Александр Первый упразднил также земельные майораты родовых командорств, доход с которых частично шел в орденскую казну, ибо всё это он мог сделать властью Российского императора. Но он не отменил и не мог отменить званий пожалованных Павлом Первым **как великим магистром,** ибо таковым не являлся и власть его на Державный Орден и его установления не распространялась. Таким образом, как звание командора, так и положение о наследственной передаче этого звания, юридически остались в силе, — за исключением той категории, которую имел право упразднить и упразднил император Александр Первый (награжденных Командорским крестом, **как русским знаком отличия).**

Ни высочайшего указа, ни какого-либо иного монаршего распоряжения о закрытии Российского великого приорства никогда не было. Император Александр Павлович не мог его официально упразднить прежде всего потому, что манифест, касающийся учреждения этого приорства и его статута, Павел Первый заключил следующими словами: ”что и подтверждаем торжест-

венно за Нас и за всех Наследников Наших на вечные времена, для непременного соблюдения и исполнения".

В практике русской монархии подобные установления всегда соблюдались свято, ибо их нарушение подрывало бы доверие к царскому слову и авторитет монарха. Поэтому Александр Первый Российского великого приорства не упразднил, а просто его "заморозил" Оставаясь великим приором и тем самым не давая возможности избрать другого, более активного, он всякую деятельность приорства парализовал, но тем не менее оно в латентном состоянии продолжало существовать. Это подтверждается и тем, что звание великого приора переходило в России от императора к императору, вплоть до Николая Второго. Пустое место наследоваться, конечно, не могло.

Возникает вопрос: кем же это латентно существующее приорство пополнялось? — После смерти Павла Первого новых приемов в него не было, но жизнь его поддерживалась за счет наследственности, сохранившейся в командорских родах. Тот же принцип наследственности по необходимости был распространен и на кавалеров Приорства [1]), — отчасти на основе традиции, созданной самими великими приорами (начавшими передавать по наследству свое звание, которое по статуту наследственным не являлось), а отчасти в силу установления императора Павла, согласно которому каждый потомственный командор имел право указать двух кавалеров Ордена, в род которых может перейти данное командорство, если пресечется линия его прямых наследников. Это, конечно, приобщало таких кавалеров к потомственной передаче своих орденских прав.

Таким образом, Российское великое приорство не вымерло и официально своего существования никогда не прекращало.

Уцелевших и очутившихся заграницей командоров и кавалеров в 1928 году возглавил великий князь Александр Михайлович, принявший звание протектора и ве-

---

1) Частично то же самое произошло и в Державном Ордене.

ликого приора. Они зафиксировали в Париже существование Российского великого приорства Ордена св. Иоанна Иерусалимского и его статут, получив от французского правительства апробацию и права юридического лица.

По смерти великого князя Александра Михайловича, звание протектора и великого приора принял на себя великий князь Андрей Владимирович, а по смерти последнего — ныне здравствующий великий князь Владимир Кириллович.

Разумеется, оставаясь православным, это приорство не является теперь органической частью Державного Мальтийского Ордена и не ставит себе иных целей, кроме сохранения этого живого памятника одной из интересных и знаменательных страниц нашего прошлого.

ОТ ДУБИНЫ ДО ВОДОРОДНОЙ БОМБЫ

"Qui desiderat pacem, praeparet bellum"[1].
Флавиус Вегеций,
римский военный теоретик IV в.

Войны спокон веков были присущи человечеству и мечта пацифистов о том, что настанет такое время, когда их не будет, является, повидимому, утопией. Так, во всяком случае, заставляет думать жизненная практика истории, — от времён грубого варварства вплоть до нынешних дней просвещенного гуманизма[2].

С тех пор как на заре человеческой истории, — вероятно сотни тысяч лет тому назад, — два ничтожных племени первобытных людей, не поделив между собою хорошего места для охоты или повздорив из-за пола, который в те времена едва ли был прекрасным, — впервые пустили в ход дубины, до сегодняшнего дня войны не прекращаются. И они остаются по-прежнему самым эфективным средством разрешения спорных вопросов между народами, — той наиболее действенной фазой политики, когда языки, осознав свое бессилие, уступают место оружию.

Меняются только способы ведения войн, их мас-

---

1) "Кто желает мира, пусть готовит войну", т. е. вооружается. Позже это изречение обратилось в известную пословицу: "Si vis pacem, para bellum".

2) Подсчитано, что за 5.200 лет истории цивилизованного человечества на земле было всего 292 мирных года.

штабы и применяемые средства нападения и защиты. Путь от дубины до водородной бомбы был очень долгим, это, пожалуй, самая длинная "родословная" в истории человечества, ибо дубина или палка вообще была первой вещью, которой научился пользоваться человек. Последние этапы этого пути, — начиная с появления регулярных армий и нарезного огнестрельного оружия, — хорошо известны каждому, кто интересовался военным делом. Но более отдаленные, порядок их развития и хронологию, стоит немного освежить в памяти.

Следующим после дубины орудием человека был остро, на подобие лезвия, отбитый по краю камень, так называемое рубило, — прообраз ножа и топора. Его применяли, вероятно и как боевое оружие. Такие рубила, несомненно обработанные рукой человека, археологи находят уже в остатках нижнего палеолита[1]), им насчитывается более ста тысяч лет.

В среднем палеолите, несколько десятков тысяч лет тому назад, появились каменные ножи и копье с каменным наконечником, которому, вероятно, предшествовало копье деревянное, с обожженным на огне острием.

Приблизительно за 30.000 лет до нашей эры (верхний палеолит) человек уже пользовался коротким метательным копьем-дротиком с костяным наконечником и гарпуном с зубцами, сделанным из кости.

Что касается метательных орудий, то первым из них была рука, швырявшая во врага камень, а позже — дротик. Но около двадцати тысяч лет тому назад появились первые механические приспособления для этой цели: копьеметалка и камнеметалка. Первая представляла собою стержень — палку с зажимом на конце,

---

1) Нижний или ранний палеолит — древнейший период в истории человечества, по определению ученых продолжавшийся несколько сот тысяч лет. За ним следует средний палеолит, — период от 100 до 40 тысяч лет до нашей эры и верхний палеолит — от 40 до 15 тысяч лет до н. эры. Следующий период, кончающийся на седьмом тысячелетии до Р. Х. называется неолитом.

— удлиняя руку и давая больший размах, она позволяла пустить дротик гораздо дальше. Камнеметалка была основана на том же принципе и имела вид длинной деревянной ложки, в которую вкладывался камень. Несколько тысяч лет спустя на смену ей приходит уже настоящая праща.

Первым орудием неолита, примерно 15.000 лет тому назад, явился каменный топор, — кусок остро отбитого кремня или обсидиана, прикрепленный к палке. Почти одновременно с ним появился и каменный молот, это орудие имело два несомненно боевых варианта: молот, у которого один конец был заострен для нанесения колющих ударов сверху (прототип чекана) и булаву, — каменный, высверленный внутри набалдашник, одевавшийся на палку.

Изобретение лука и стрелы с каменным или костяным наконечником относится к девятому тысячелетию до Р. Х. За две или три тысячи лет до начала христианской эры египтянам был известен бумеранг, но широкого распространения он не получил. В Австралии, где туземцы пользуются им и до сих пор, до него додумались, очевидно, самостоятельно.

Подводя итоги этого "каменного" периода, мы видим, что первые сто с лишним тысяч лет технического прогресса дали человеку, в области вооружений (как, впрочем и во всех иных областях), весьма немного: высшими его достижениями оказались копье, топор и лук.

Выплавлять первые металлы, — медь и бронзу, — люди научились за три с половиной тысячи лет до Р. Х. и это дало могучий толчок к дальнейшему развитию и усовершенствованью оружия. Одними из первых предметов, которые начали делать из бронзы, были наконечники для стрел и копий, нож и боевой топор (топор хозяйственный оставался кремневым еще более двух тысяч лет, вплоть до появления в обиходе железа, так как бронза была слишком мягким металлом для рубки дерева). Приблизительно за три тысячелетия до

Р. Х. появляется бронзовый меч, а в одиннадцатом столетии до Р. Х. — железный.

С этого времени бронза в оружейном производстве быстро уступает место железу. Из него начинают изготовлять всё индивидуальное боевое оружие, которое, конечно, становится гораздо прочнее и эфективнее, но, по существу, никаких крупных изобретений и новинок в этой области мы больше не видим. Продолжается лишь усовершенствованье прежних типов оружия и расслоение каждого из них на множество вариаций.

Так, дубина породила палицу, булаву, пернач, брус и шестопёр, а по боковой линии — кистень и боевой бич; копье — рогатину, трезубец, совню, оскеп, боевые вилы, косарь, протазан и пику; нож — всевозможные виды кинжала, боевой серп и боевую косу; топор — секиру и бердыш. Каменный боевой молот эволюционировал в бронзовый, а потом в железный; позже у него начали оттягивать и заострять один конец, для нанесения колющих ударов, — это чекан.

Меч дал множество вариантов, первым из которых был палаш, применявшийся египтянами еще во втором тысячелетии до Р. Х. За ним последовали кривой меч и сабля, появившаяся у арабов в шестом веке нашей эры; судя по сохранившимся рисункам, в восьмом веке персы применяли шпагу, позже получившую широкое распространение у франков; двумя-тремя столетиями позже в Средней Азии появился кончар, — длинный и прямой четырехгранный меч для пробивания брони и кольчуги; эпоха крестовых походов породила огромный двуручный меч, затем появились ятаган, клыч, тесак, рапира, бебут, стилет и т. д.

В 14 столетии вошли в употребление комбинация секиры и копья -- алебарда, и комбинация этой последней с крюком для стаскиванья всадника с седла, — так называемая гвизара. Впрочем, ее прототипом был упомянутый выше косарь, — он соединял в себе подобный крюк и копье.

В средние века самым совершенным и лучшим по

качеству оружием располагали арабы, обладавшие наиболее высоким уровнем культуры и уже в начале 9 века научившиеся производить высокосортную (дамасскую) сталь. Способ свой они хранили в строгой тайне и держали в этой области абсолютное первенство до конца 14 столетия, когда Тимур овладел Дамаском и вывез оттуда в Самарканд всех лучших мастеров. Славилась хорошей сталью также Япония.

В тот же период времени был значительно усовершенствован лук: дальность эфективного полёта стрелы была доведена до двухсот метров, в несколько раз увеличилась и ее пробойная сила, ставшая у хороших луков достаточной, чтобы пробить железную кольчугу. В 11 столетии арабами был изобретен арбалет (лук-ружье), который позже получил широкое применение на Западе. Он обладал еще более мощной пробойной силой и посылал стрелу на дистанцию до трехсот метров.

***

Разумеется, параллельно с оружием нападения развивалось и совершенствовалось защитное вооружение. С этой целью прежде всего начали применять щит. Считается, что он впервые появился примерно за 3.000 лет до Р. Х. у народов Греции. Но, несомненно, деревянный щит существовал и раньше, хотя вещественные доказательства этого отсутствуют, ибо ни одно столь малое деревянное изделие не могло сохраниться в течение многих тысячелетий.

Деревянные щиты, а также плетенные из прутьев и обтянутые кожей, ввиду их легкости и дешевизны, не исчезли из обихода и в эпоху металлов. Бронзовыми, а позже железными и стальными щитами вооружались лишь отборные воинские части и отдельные лица, принадлежавшие к зажиточным и превилегированным классам, остальным они были не по средствам.

Размеры и формы щитов у различных народов и в различные эпохи были самые разнообразные: овальные и круглые, — большие и малые, — квадратные, прямо-

угольные — плоские и выгнутые, прямоугольные и квадратные со срезанными углами, трехугольные, в виде кленового листа и т. д. Римская и греческая пехота применяла щиты в рост человека, которые в сражении ставились на землю, целиком закрывая бойца, — их делали из дерева, снабжая железными скрепами и оковками.

В эпоху рыцарства на щитах стали изображать всевозможные эмблемы, девизы, а позже — гербы. Щит становится как бы символом чести воина, — потерять его считалось великим позором, — за это еще в древном Риме побивали камнями.

Очень давно появились и шлемы. До нас дошли изображения шумерийских воинов в бронзовых шлемах, относящиеся к 25 столетию до Р. Х., но кожаные шапки-шлемы с наушниками применялись в Египте и раньше.

На протяжении тысячелетий шлем, по форме и устройству, также прошел через множество видоизменений. Первоначальная остроконечная форма, которую условно можно назвать шумерийской, у древних греков и римлян сменилась круглой, с продольным металлическим гребнем наверху, для более надежной защиты от ударов. С такой же целью, но одновременно и для устрашения противника, древние скандинавы и японцы приделывали к своим шлемам металлические рога. С девятого века к шлемам часто стали прикреплять кольчужную сеть — бармицу, для защиты шеи и плеч. Несколько позже, для защиты лица от сабельных ударов, к шлему спереди приспособили опускающуюся стальную стрелу. Потом, в эпоху крестовых походов, появилось решетчатое, а позже и сплошное забрало, имеющее лишь прорези для глаз.

К середине второго тысячелетия до Р. Х. защитное вооружение обогатилось броней, которая закрывала туловище и руки. Находки археологов и сохранившиеся рисунки доказывают, что в 15-м столетии до Р. Х. ассирийские и вавилонские воины имели на вооружении остроконечные бронзовые шлемы, круглые бронзо-

вые щиты и чешуйчатые панцыри. В то же приблизительно время египтяне применяли шлемы, латы и широкие бронзовые обручи, для защиты рук, от кисти до локтя. Стоит отметить, что в египетском войске уже тогда существовали знамена, трубы и барабаны; были даже своего рода ордена: золотые и серебряные изображения львиной головы, жука и мухи, которые давались за боевые отличия и подвиги.

В седьмом веке до Р. Х. греческие воины, кроме шлема и щита, имели металлическую кирасу и поножи, защищавшие ногу от ступни до колена, а конница, сверх того, —металлические наколенники и набедренники. Римляне употребляли бронзовые или железные нагрудники, наручи и широкие металлические пояса, с подвешенными к ним кованными пластинками, которые свисали на подобие юбки, защищая живот и бедра. Спартанцы применяли войлочные и кожаные латы.

В первых веках христианской эры у западных народов появилась броня, состоявшая из особой плотной или кожаной одежды, обшитой железными кольцами и стерженьками, — к восьмому веку она получила широкое распространение среди германских племен. Девятый век принес восточным народам кольчугу, а западным так называемый сетчатый панцырь, состоявший из сплетения кожаных ремней, обшитых железными кольцами и бляхами. На смену этому панцырю вскоре приходит решетчатый, а позже сплошной, кованный. Потом появляются металлические наплечники, налокотники, перчатки и наконец, в эпоху крестовых походов, сплошной доспех, целиком облекающий воина в железо. Он постепенно совершенствовался и усложнялся, у каждого народа приобретая свои особенности. Последним словом этой эволюции явился в 15-м столетии так называемый максимиллиановский доспех (его изобретенье приписывают германскому императору Максимиллиану Первому), который состоял из двухсот отдельных частей, не считая множества винтов, болтов, гаек и пряжек.

Конь рыцаря в эпоху сплошного доспеха тоже был

защищен сетчатой железной броней, покрывавшей его голову и туловище.

Вооружение древних русов состояло из прямого обоюдоострого меча, овального щита, островерхого шлема с бармицей и кольчуги, которая позже дала целый ряд вариантов, в зависимости от "покроя", формы колец и их сочетания с железными пластинками. Каждый из этих вариантов имел особое название· собственно кольчуга, байдана, полубайдана, кольчатый панцырь, куяк, юшман, бахтерец, колонтарь. В конце тринадцатого столетия входит в употребление дополнительный доспех — зерцало. Это большой металлический диск, закрывавший поверх кольчуги грудь; позже к нему присоединили боковые пластины, защищавшие бока и спину. Иногда этот доспех дополнялся широким металлическим поясом и "ожерельем", предохранявшим от ударов шею. Применялись также металлические поножи "бутурлыки", в виде гетры закрывавшие ногу от ступни до колена, пластинчатые наплечники и наколенники, и боевые рукавицы, — кожаные, обшитые сверху кольчужной сетью. Большинство этих добавлений появилось уже в 14-15 веках.

С тринадцатого столетия на русском вооружении сильно сказывается татарское влияние: меч почти вытесняется саблей, вместо овальных щитов вводятся круглые, старый образец шлема, "клешак", уступает место новым: "ерихонке", шишаку и милорке или мисюрке. Последняя представляла собой полушлем, — это войлочная шапка с железным ободом и наковкой для защиты темени; иногда к ней подвешивалась короткая бармица. Воины победнее применяли так называемые железные шапки, кованные в виде несколько углубленной тюбетейки или сделанные из листового железа.

Конечно, настоящий, добротный доспех стоил очень дорого и был доступен только состоятельным людям. Рядовых бойцов, — за исключением отборных частей, — одевать в него было немыслимо и для них его заменяли более дешевыми приспособлениями: ко-

жаными латами, кожаными рубахами, с нашитыми на них железными бляхами, а то и просто гвоздями и обрезками железа. На Руси имел широкое распространение так называемый тягиляй, — стеганная куртка с высоким воротником, в которую были вшиты куски толстой проволоки, и такая же шапка.

Кроме индивидуальных средств защиты и даже значительно раньше их, появились общие, массовые. Еще в глубочайшей древности человек огораживал свои поселения земляным валом и рвом, позже на валу начали ставить частокол или бревенчатую стену, а в Египте за четыре тысячи лет до Р. Х. существовали уже настоящие крепостные сооружения, сделанные из необожженного кирпича. Сохранились развалины нескольких таких крепостей, стены их высотою доходили до десяти метров, а толщиною до семи и были окружены рвом значительной ширины. В третьем тысячелетии до начала христианской эры все главные города крупных народов Востока уже представляли собой мощные крепости, достигавшие высокого совершенства в продуманности расположения стен, башен и казематов. Система укрепления кремальерами, фланкирующими друг друга, "изобретенная" французами в 18-м столетии была хорошо известна шумерийцам за двадцать пять веков до Р. Х.

Вавилон Навуходоносора Великого (6 век до Р. Х.) представлял собою едва ли не самую грандиозную крепость в мировой истории: он был окружен тремя рядами каменных стен, внешняя из которых, замыкая правильный квадрат, при общем протяжении в 90 километров, имела около 60-ти метров в высоту и 17 метров в толщину.

В 3 веке до Р. Х. была построена великая китайская стена. Она тянулась почти на 4.300 километров, высотою достигая десяти метров, а толщиною шести. Через каждые сто шагов в нее были включены мощные квадратные башни. На постройке этой стены работа-

ло одновременно несколько миллионов человек и в основном она была воздвигнута зе десять лет.

***

Поелику существовали крепости, появились и орудия, облегчающие овладение ими. Древнейшим из них является прототип тарана, — обыкновенное тяжелое бревно. Несколько человек, держа его на весу, раскачивали и били им в ворота или в стену укрепления. Позже к нему приспособили простейший, неподвижный станок, где бревно двигалось по скользящим валикам; потом такой же станок сделали передвижным, на колесах.

У ассирийцев, в середине второго тысячелетия до Р. Х. таран уже представлял собою мощное и довольно сложное стенобитное орудие. Это было толстое бревно, длиною до 14 метров, с наконечником в виде бронзовой бараньей головы, подвешенное на канатах к особому станку, который был покрыт прочным навесом. Все это сооружение передвигалось на колесах и обслуживалось несколькими сотнями воинов. У римлян подобные машины бывали двух и даже трех-ярусными: два или три тарана били одновременно в ворота или в стену крепости, в одной вертикальной плоскости.

Тысячелетием позже тарана начали применять и передвижную осадную башню. Впервые появилась она в Вавилоне и к 6 - 4 векам до Р. Х. достигла высокого совершенства и огромной величины: до 45 метров в вышину, имея 15 — 20 этажей. Такую башню (гелеполь), имевшую вид усеченной пирамиды, обычно сооружали из легкого дерева, вблизи от осажденной крепости и затем придвигали к ней на катках. Высота башни позволяла метать в крепость тяжелые камни, а в нужный момент с нее перекидывались на стену мостики, по которым люди бросались на приступ. Наивысшего совершенства такие башни достигли у римлян.

Из других вспомогательных орудий осады стоит отметить "крюк разрушитель" (подвешенное к высо-

кой раме бревно с железным крюком на конце), которым сбивали с верхушки стены зубцы, укрытия и все что за ними находится, и так называемую винею. В готовом виде она представляла собой корридор, высотою в рост человека, по которому можно было без потерь приблизиться к крепостным воротам или стенам. Составлялся такой корридор из отдельных деревянных звеньев — "черепах", покрытых во избежание поджога сырыми шкурами.

Древнейшим артиллерийским орудием была балиста, метавшая камни до полутонны весом, на расстояние в 200 — 300 метров. Ее изобретение приписывают финникийцам, — у них она появилась почти за две тысячи лет до Р. Х. и совершенствовалась постепенно. По устройству она представляла собой прикрепленную к тяжелому станку огромную деревянную ложку, связанную с сильно пружинящим приспособлением; при помощи ворота ее оттягивали назад, вкладывали камень и внезапно освобождали. У греков, в 4 веке до Р. Х. балиста уже была поставлена на колеса и перевозилась лошадьми.

На несколько столетий позже сирийцами была изобретена катапульта. Она была основана на принципе лука и имела вид огромного арбалета, прикрепленного к передвижному станку. Это орудие служило главным образом для метания на дистанцию до пятисот метров громадных, как колья, деревянных стрел (они достигали сажени длиной, при толщине до 15 см.), а также зажигательных стрел-факелов. Но можно было при его помощи метать и не очень тяжелые камни. Катапульта на протяжении своей истории претерпела множество изменений и различные ее виды носили особые названия: палинтон, скорпион, эфитон, онагр, карабомид и другие.

Наивысшего совершенства балиста и катапульта достигли у арабов, в 8 — 10 веках нашей эры. Дальность действия балисты у них была доведена до пятисот метров, а катапульты до тысячи.

В 12 веке на Западе была изобретена новая метательная машина, получившая у французов название "требюшэ". Она была основана на комбинированном принципе силы тяжести и пращи, и метала средней величины камни на дистанцию в несколько сот метров. Временами появлялись и другие метательные орудия, не получившие большого распространения.

**
*

Перейдем к организации войска. У первобытных народов его вообще не было и в случае войны в ней принимало посильное участие всё племя. Затем в наиболее крупных племенных объединениях появляются зародыши постоянных вооруженных сил, — небольшие группы лиц близких к вождю и пользующихся его доверием, они становятся его телохранителями и опорой власти. Позже эти группы превращаются в княжеские дружины, численно достаточные для обычных походов и ведения межплеменных войн.

В дальнейшем состав этих дружин частично пополнялся подходящими людьми со стороны, а в основном превратился в наследственное превилегированное сословие, у некоторых народов даже в особую военную касту, на обязанности которой лежала защита государства.

Когда обстоятельства требовали, ряды такого небольшого, но отборного войска пополнялись путем призыва добровольцев, сбора народных ополчений или найма. Особых затруднений с этим, вероятно, нигде не бывало, так как военная служба спокон веков у всех народов считалась почетной и выгодной, ибо она давала возможность быстрой наживы путем грабежа побежденных, (правом на который оплачивалась такая служба) и открывала путь к более высоким иерархическим ступеням, то-есть к власти над другими.

Небольшое постоянное войско существовало в Египте уже при первой династии фараонов, т. е. свыше чем за 4.000 лет до Р. Х. Оно состояло исключительно

из пехоты, которая подразделялась на лучников и копейщиков.

Конница появилась лишь много времени спустя, ибо лошадь была приручена человеком гораздо позже других одомашненных животных, — всего за 2.500 лет до Р. Х. Колесо и повозка были изобретены на тысячу лет раньше и первыми упряжными животными были бык и осёл. Лошадь вначале тоже служила только в упряжке, а для верховой езды ее начали применять в Египте лишь пять-шесть столетий спустя.

Только в 16-м веке до Р. Х. лошадь получила применение в военном деле, но еще не в качестве верхового животного: в Индии ее запрягли в боевую колесницу. Несколько десятков лет спустя боевые колесницы появились и в Египте, а в 14-м столетии до начала нашей эры этот род оружия был уже широко распространен у финникийцев, вавилонян, ассирийцев и китайцев, примеру которых вскоре последовали и другие народы. Эти первые колесницы условно можно назвать легкими, — они были рассчитаны на двух воинов: возницу и бойца. Но к началу 13 века до Р. Х. у хеттов появились тяжелые колесницы, на которых помещался еще и оруженосец, в сражении прикрывавший бойца щитом. С этого времени боевые колесницы делаются основной ударной силой войска и получают массовое применение. Нам, например, известно, что в сражении с египтянами у города Кадеша (1296 год до Р. Х.) хетты ввели в дело более трех с половиной тысяч колесниц. Этот род оружия становится особо превилегированным (ибо лошадь и колесница были по цене доступны только богатым людям) и наиболее выгодным: так-как он решает исход сражения, ему достается львиная доля добычи.

Первые чисто кавалерийские части появились в 10 столетии до Р. Х. в Китае. Но они были еще весьма малочисленны, вероятно по причине высокой стоимости лошади: ее цена в то время равнялась цене шести рабов.

Сто лет спустя конница уже играла видную роль в

войсках ассирийцев, вавилонян и финникийцев, а в начале 8 века до Р. Х. у лидийцев она количественно преобладала над пехотой. Наконец, в середине того же века на историческую арену выходят киммерийцы, с войском сплошь конным и отлично организованным. Несколько десятков лет спустя такими же поголовно конными были и полчища скифов. С тех пор конница повсеместно начинает вытеснять пехоту, которая становится как бы вспомогательным родом оружия, хотя у греков и римлян роль ее все же была весьма велика. Аппогея своего расцвета и максимального использования конница достигает в 13 столетии, в войске у Чингиз-хана. Но уже со второй половины 14 века, когда Тимур блестяще возродил значение пехоты, — процент кавалерии в армиях начинает идти на убыль.

Боевой порядок войска тоже постепенно эволюционировал от простой вооруженной толпы к построениям более сложным и выгодным, имея у каждого народа свои характерные особенности. Так в древнем Египте он состоял из шеренги лучников, за которыми следовала шеренга копейщиков; в 14 веке до Р. Х. к этому спереди и сзади были добавлены линии боевых колесниц. У ассирийцев при таком же построении пехоты, колесницы, а позже конные отряды шли на флангах.

В восьмом веке до Р. Х. китайцы уже применяли более сложное построение, подразделяя свое войско на пять частей: авангард, главные силы, правое и левое крыло и арьергард; на флангах и впереди помещались колесницы и кавалерия.

Знаменитая греческая фаланга 7 — 4 вв. до нашей эры, состояла из нескольких рядов (от 8 до 24) тесно сомкнутой тяжелой и легкой пехоты и конных отрядов на флангах.

У римлян мы видим уже более совершенную организацию войска и боевой порядок эшалонированный в глубину. Он обычно состоял из трех линий тяжелой и легкой пехоты, — каждая по несколько шеренг, — с конницей на флангах. Для удобства управления войско

было разделено на легионы, включавшие первоначально по 4.200 бойцов, а в более позднюю эпоху по 5.100; легион подразделялся на десять когорт, а когорта на три манипулы; манипула делилась на две центурии.

***

Новую эру в истории вооружений открыло появление огнестрельного оружия, но переход к нему произошел далеко не сразу.

Порох был изобретен китайцами в девятом столетии. Его попробовали применять в военном деле, употребляя для выстрела железную трубку, в которую вкладывали другую, начиненную порохом, а спереди помещали заряд, — куски железа или камня. Никаких следов этого примитивного приспособления не сохранилось, но очевидно оно было настолько несовершенно и опасно в обращении, что китайцы в нем быстро разочаровались. После этого никаких сведений о применении пороха мы больше не встречаем на протяжении почти четырехсот лет, пока секретом его изготовления не овладели арабы, которые сумели оценить его значение. В начале 13 века они уже располагали огнестрельным оружием, хотя и очень несовершенным, но практически пригодным. Первый достоверно известный случай применения его в бою относится к 1241-му году. В начале 14 столетия им уже начали пользоваться европейцы, в частности рыцари Тевтонского Ордена: в 1341 году, при осаде одной из орденских крепостей, выстрелом из огнестрельного орудия был убит литовский князь Гедимин. В 1346 году, в битве при Креси, англичане применили такое оружие против французов.

Русским впервые пришлось встретиться с пушками в 1377 году, при осаде Великого Булгара, а пять лет спустя, когда к Москве подступила орда Тохтамыша, они были уже и у Дмитрия Донского. В конце 14 столетия огнестрельное оружие повсеместно вошло в употребление, хотя еще в очень скромных масштабах, что объяснялось его несовершенством.

Так, например, первые пушки, стрелявшие камен-

ными ядрами на дистанцию в 200 - 300 метров, требовали на перезаряжение несколько часов, значительно уступая катапульте и балисте в дальности и в скорости стрельбы. Первые фитильные ружья имели дальность боя в 150-180 метров, то есть вдвое меньше чем арбалет, который, к тому же, был во много раз скорострельней. Таким образом единственным преимуществом первого огнестрельного оружия был психологический, устрашающий эфект самого выстрела. И только к концу 16 века оно было настолько усовершенствовано, что стало вытеснять метательное оружие холодного действия.

Первое артиллерийское орудие бомбарда[1]) представляло собой открытую с двух сторон трубу, сваренную из длинных полос железа и скрепленную толстыми железными обручами. Размеры и калибры этих пушек были самые разнообразные, — длина ствола от полутора до четырех метров, а внутренний диаметр от двух до двадцати-пяти дюймов. Стреляли они каменными ядрами и заряжались с казны, после чего казенная часть ствола закрывалась металлической заслонкой, которую самыми примитивными способами по возможности крепче припирали к орудию. Устанавливалось оно на неподвижных деревянных козлах, поэтому менять угол возвышения можно было лишь в самых незначительных пределах и с большим трудом. Несколько десятков лет спустя для навесной стрельбы начали применять так называемые верховые пушки или "можжиры“ (мортиры), имевшие такое же устройство.

В начале 15 века бомбарды небольшого размера вошли в употребление в качестве полевых орудий, причем тело орудия и деревянный станок к нему возили отдельно, на телегах и монтировали уже на поле битвы. Первые двухколесные лафеты появились лишь сто лет спустя.

Еще более легкое орудие, по типу иногда прибли-

---

[1]) На Руси они назывались "тюфяками", — термин заимствованный от татар, — так называлась пушка на тюркских языках.

жавшееся к ружью, — так называемая пищаль, — вошло в обиход в конце 14 столетия. Ствол такого орудия наглухо прикреплялся к тяжелому деревянному ложу — брусу и заднее его отверстие перед выстрелом закрывалось железной заслонкой, довольно плотно входившей в прорезь этого ложа.

В конце 15 века пушки начали отливать из бронзы и из чугуна, а каменные ядра заменили чугунными. За невозможностью устранить прорыв газов при выстреле, заряжение начали производить с дула, оставляя в казенной части ствола лишь маленькое отверстие для запального фитиля.

В дальнейшем артиллерийские орудия прошли через огромное количество всевозможных форм, систем, размеров и названий, постепенно продолжая совершенствоваться. В начале 17 века дальность боя некоторых орудий достигала уже километра, а в середине 18-го — почти двух километров.

Прообразом ружья, относящимся к началу 15 века, можно считать маленькую пищаль, стрелявшую свинцовыми шариками, калибром немного более дюйма. Ближе к ружью, чем к артиллерийскому орудию стояла и так называемая кулеврина, появившаяся немного позже. Она имела в длину около двух метров при калибре в полтора дюйма и весила два пуда.

В середине 15 века появился аркебуз — первое настоящее ружье, имевшее изогнутый деревянный приклад, для упора в плечо. Стрелял он на дистанцию до 200 метров, обслуживался двумя людьми и весил около пуда, так что при стрельбе его надо было опирать на специальную сошку. В начале 16 века ему на смену пришел мушкет, — ружье уже несколько усовершенствованное. Он весил почти вдвое меньше чем аркебуз (но все же стрелять из него тоже приходилось с упора), заряжался с дула и дальность его боя достигала почти трехсот метров. Его пуля, при калибре превышавшем два сантиметра, весила около шестидесяти граммов и пробивала любые рыцарские доспехи, которые с появлением мушкета и начали выходить из употребления.

В первой четверти 17 столетия в Испании был изобретен ружейный замок с кремневым запалом, который очень скоро совершенно вытеснил фитиль в ручном огнестрельном оружии (к этому времени существовал уже и пистолет, изобретенный в Германии в середине 16 века).

Продолжая совершенствоваться, мушкет к концу 17 века обратился в сравнительно легкое (5 килограммов) ружье, калибром в 17,5 миллиметров, которое было уже настолько удобно, что им скоро вооружили всю пехоту европейских армий. К этому ружью был придан штык, изобретенный к тому времени во Франции. Стреляло оно на дистанцию в 400 метров.

Нарезное ружье — винтовка или карабин, — тоже впервые появилось в 17 столетии. Оно значительно превосходило гладкоствольные ружья меткостью и дальностью боя (до 800 метров), но в то же время имело огромное неудобство: ружья тогда заряжались с дула, — пулю вколачивали в ствол и нарезы чрезвычайно затрудняли эту операцию, — перезарядка требовала не менее часа, не говоря о том, что пуля часто застревала посреди ствола и ее приходилось высверливать. В силу этого, винтовки не получили применения до середины 19 столетия, когда этот недостаток был устранен изобретением особой пули, а вскоре и унитарного патрона. В семидесятых годах прошлого столетия все крупные европейские армии уже полностью перешли на винтовки, заряжающиеся с казны, а к началу девяностых годов — на магазинные.

В 1835 году американец Кольт изобрел барабанный револьвер.

В середине 19 века началось повсеместное введение нарезной артиллерии с клиновым затвором, а к началу нынешнего века — артиллерии скорострельной.

Дальнейшая эволюция вооружений происходила уже на нашей памяти и потому нет надобности продолжать этот обзор.

С Т А Т Ь И

ИСТОРИКО - ПОЛЕМИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

О ПАТРИОТИЗМЕ КНЯЗЯ ОЛЕГА РЯЗАНСКОГО.

Чем больше лет насчитывает наше пребывание на чужбине и чем острее наша неудовлетворенность настоящим, тем дороже становится нам прошлое. Это естественно. Но все же не следует впадать в крайности и утверждать, что в этом прошлом не было ничего отрицательного и что все венценосные персонажи нашей древней и средней истории руководствовались в своих действиях только заботой о пользе Руси, — хотя и посвоему понимаемой, — и потому-де их непатриотично критиковать.

А к сожалению, в такую крайность впадают у нас всё чаще и все ожесточённее. Кое-кто, например, возмущался, что я в своих книгах "выставляю в некрасивом свете" многих удельных князей, в особенности Тверских и Рязанских, тогда как они "вовсе не были такими плохими" и против обще-русских интересов не шли.

Я никогда и не утверждал, что они были плохими, — наоборот, для своих княжеств они часто бывали отличными государями, — но в то же время у них совершенно отсутствовало сознание единства Русской земли и они не способны были мыслить и действовать в общегосударственном масштабе. Понять их психологию — это и значит найти оправдание их действиям, тогда как у нас стараются оправдать действия, навязав этим князьям психологию сегодняшнего дня и свойственную нам форму имперского патриотизма, которого у них никогда не было.

Недавно мне довелось прочитать статью, хорошо иллюстрирующую именно такой подход к прошлому. Касаясь современника Дмитрия Донского, — Рязанского великого князя Олега Ивановича, автор этой статьи пишет:

> "Хотя и очень трудно было его положение в эпоху татарского владычества и нарушение воли Мамая грозило ему жестокими последствиями, тем не менее он никогда не становился в ряды врагов Москвы и не помогал татарам в их борьбе с Московским князем. Политика его была, по существу, политикой спасительного нейтралитета и ее никак нельзя назвать предательством или изменой обще-русскому делу. Общерусские патриотические чувства были понятны и близки князю Олегу".

Посмотрим, в какой степени это соответствует действительности. Положение Рязанского князя, бесспорно, было трудным: его княжество находилось между Ордой и вступившей с нею в открытую борьбу Московской Русью, то-есть между молотом и наковальней. Но "трудность" эта создавалась именно тем, что Олег Иванович, — типичный князь-вотчинник, — не был в состоянии подняться до обще-государственного мышления и до понимания необходимости единого фронта против Орды. Осознай он это, и проблема разрешилась бы для него очень легко: он бы просто встал под знамёна Дмитрия Донского.

Но Олег Иванович мыслил иначе: Москва была для него почти таким же "чужим" государством, как и Орда. Истинной целью его политики было ограждение своих вотчинно-поместных интересов, как от Орды, так и от Москвы, а потому его, несомненно, устраивало сохранение известного равновесия между двумя этими внешними силами: он прекрасно понимал, что если Дмитрий сокрушит Орду, то очень скоро и ему самому придется покориться Москве, чего он вовсе не хотел. Забегая вперед, отмечу, что после Куликовской битвы так и случилось: Олег Иванович вынужден был признать себя "молодшим братом" Московского князя, — прав-

да, временно, до реванша, который он взял пять лет спустя.

В годы предшествовавшие Куликовской битве, татары, желая запугать Олега и тем обеспечить себе его покорность и поддержку, — дважды опустошили Рязанщину и своей цели достигли: Рязанский князь заключил с ними союз против Москвы. Правда, на соединение с ордой он опоздал, — несомненно умышленно — и фактически Мамаю ничем не помог. Но если бы общерусские патриотические чувства были ему так близки и понятны, как утверждает автор статьи, — он бы, разумеется, не выжидал пассивно — чем окончится это столкновение, а решительно встал бы под стяги Дмитрия Донского, как сделали почти все другие князья, и предпочел бы признать его старшинство добровольно ,а не по принуждению, когда ставка его на Мамая оказалась битой.

Но если до сих пор, хотя и с большой натяжкой, можно согласиться с тем, что Олег Иванович "не стал в ряды врагов Москвы", то в свете дальнейших событий с этим согласиться уже совершенно невозможно: когда, два года спустя, хан Тохтамыш пошел на Москву, Рязанский князь уже по собственному почину оказал ему помощь советами и проводниками, что отмечают почти все русские летописи, также как и автор "Повести о Московском взятии от царя Тохтамыша" Воспользуюсь нарочно не московскими летописями, а сравнительно "посторонними" Вот что мы читаем в Устюжской: "а князь Ольг Рязанский срете царя Томтамыша в поле и добиша царю челом и бысть ему помощъником, на христианы проводником и обведе царя около земли Рязанской и приведе его к реце Оке и броды указа". Вологодско - Пермская летопись к этому добавляет, что князь Олег также "иные словеса изнесе о том како пленити землю Русскую, како без труда взяти каменен город Москву и како победити и изнимати великого князя Дмитрея Ивановича".

Мне кажется, что даже при самом снисходительном отношении к князю Олегу Ивановичу, тут его образ дей-

ствий никак нельзя подвести под понятие "политики спасительного нейтралитета". И если вместе с автором статьи признать, что общерусские патриотические чувства были доступны его пониманию, то следует заклеймить эти действия именно как предательство и измену.

Но изменником и предателем Рязанского князя не следует считать как-раз потому, что он, как и многие другие владетельные князья его времени, просто не ощущал государственного единства Русской земли и не мог возвыситься над психологией князя-вотчинника, унаследованной от длинного ряда удельных предков и впитанной с молоком матери. Понятие общерусского патриотизма было ему столь же мало доступно, как нынешнему англичанину или французу понятие патриотизма общеевропейского. Рязанщине он был хорошим государем, и для спасения своей земли направляя "агрессора" на землю соседа, вероятно, рассуждал так же, как рассуждали правители Англии и Франции, не столь давно направлявшие Гитлера на Чехословакию. И в том и в другом случае перед нами не измена, а своего рода поместный эгоизм и политическая недальновидность, последствия которой, кстати, в обоих случаях были одинаковы, ибо Тохтамыш, расправившись с Москвой, сейчас же опустошил и Рязанскую землю.

Князь Олег Иванович был именно рязанским патриотом, а не общерусским. И если его рассматривать под этим углом зрения, — можно его понять и найти известные оправдания его действиям. Изменником и предателем его не считали даже московские летописцы, — они просто отметили, что в данном случае он "не нам хотяше добра, а своему княжению помогаше"

К Рязанскому князю следует быть справедливым, но все же, в свете приведенных выше фактов, никак нельзя согласиться с тем, что он "никогда не становился в ряды врагов Москвы и не помогал татарам в их борьбе с Московским князем"

ДРЕВНЯЯ РУСЬ И ХАЗАРИЯ

По поводу моей статьи "Прошлое Киева", в печати мне был сделан упрек в том, что излагая историю возникновения и роста этого города, я ничего не сказал о хазарах, которые, по мнению моего оппонента, составили целую эпоху в истории Южной Руси.

Исправляя это мое "упущение", автор ответной статьи сам пишет много интересного о Хазарском каганате, однако с некоторыми его утверждениями согласиться довольно трудно.

Прежде всего, он говорит о хазарах как о народе, который во времена становления Русского государства исповедывал иудейскую религию. На деле же это было не совсем так: иудаизм был и до конца оставался в Хазарии религией царской семьи и высшей знати, тогда как вся толща хазарского народа придерживалась своего старого язычества, с большой прослойкой мусульман и христиан. На этот счет в Хазарском каганате существовала полная терпимость.

Согласно сохранившимся письмам кагана Иосифа, первым принял иудейство хазарский князь Булан, приблизительно в 730-м году. Этот источник заслуживает наибольшего доверия и потому я не буду приводить здесь свидетельства, оставленные некоторыми арабскими и еврейскими писателями древности, — отмечу только, что все они относят это событие к более позднему времени, что, впрочем, для нашей полемики несущественно.

Конечно, самый этот факт, вопреки существующим

поверхностным мнениям, отнюдь нельзя объяснять какими-либо идеалистическими побуждениями первого, принявшего иудаизм кагана или исключительной силой убеждения приходивших в Хазарию еврейских проповедников. Ни один правитель никогда не менял религии своей и своего народа чисто платонически, основываясь лишь на "прозрении истины", хотя этим и принято было прикрываться. Тут в основе всегда лежали или сила принуждения, или политический рассчет. Несомненно так же обстояло дело и у хазарского кагана.

Его страна находилась между Византией и Арабским халифатом, — двумя сильными империями, одна из которых являлась очагом распространения христианства, а другая ислама. Каган с достаточным основанием считал Хазарию того времени равноценной им величиной и стремясь сохранить свое собственное политическое лицо, он выбрал третью, если не мировую, то исторически прочно утвердившуюся религию — иудаизм.

Принятие иудейства избавляло хазарских владык от всяких внешних давлений и от духовной подчиненности чужеземным авторитетам, ибо еврейская религия не состояла, так сказать, на вооружении какой-либо могущественной державы и вообще не предназначалась для экспансии, а наоборот, — была почти герметически замкнута в рамках одной лишь национальности, которая, к тому же, не имела в ту пору своей государственности. Но именно поэтому иудаизм, — как религия неразрывно связанная с многовековыми национальными и бытовыми традициями еврейского народа, — не смог в сравнительно короткий срок получить массового признания в хазарском народе, который был совершенно чужд этим традициям. Но каганов это нисколько не беспокоило: объявив иудаизм государственной религией Хазарии, они тем самым утвердили ее политическое равенство с Византией и с Арабским халифатом, символически дав этим понять, что не пойдут ни у кого на поводу. Иных целей они себе, повидимому, не ставили и своих подданных к принятию новой религии не принуждали.

Далее мой оппонент пишет: "влияние хазар на русских было настолько сильно, что когда князь Святослав победил наконец хазар и разрушил их столицу, он принял титул хазарских царей "каган". Титул этот, между прочим, был удержан и Владимиром Святым, который его унаследовал от Святослава, своего отца".

Разберемся и в этом. Прежде всего титул кагана или хакана отнюдь не был достоянием только лишь хазарских царей. Он монгольского происхождения и появился уже в глубокой древности. Документально известно, что повелитель народа жужан, в Средней Азии, принял его еще в 402-м году. В скором времени титул этот приобретает значение императорского и постепенно его принимают все крупные государи Азии. Он существовал у китайцев, монголов, манчьжур, татар, гуннов, аваров, тюрков, уйгуров, болгар, индусов и др. В полный титул турецких султанов он входил вплоть до нашего современника — Абдул-Гамида. Таким образом, едва ли можно думать, что князь Святослав перенял этот титул именно у хазар, после победы над ними. Наоборот, мы имеем достаточно оснований утверждать, что Святослав унаследовал его от своих предшественников, ибо он был далеко не первым русским князем, титуловавшимся каганом.

В одной из грузинских летописей[1]) десятого века, русский хакан упомянут под 626-м годом; в хронике франкского епископа Пруденция (Бертинские аналы), русский князь назван каганом под 839-м годом; арабские писатели древности — Ибн-Русте, Гардизи и неизвестный автор сочинения "Худуд ал-Алем", — пишут, что в начале десятого столетия русские государи назывались "хакан-рус"; король франков Людовик Второй, в своем письме к византийскому императору Василию Македонянину, в 871-м году упоминает, что правители аваров, хазар, болгар и русов титулуются "хаганами".

---

[1]) Так называемый "грузинский пергаментный манускрипт".

Из всего этого совершенно очевидно, что титул кагана был присвоен русским князьям по крайней мере за полтораста лет до Святослава, когда правила еще династия Кия. Но во внутреннем русском обиходе он, не привился и древнейшие русские князья очевидно употребляли его так же редко, как и Рюриковичи — Святослав, Владимир Святой и Ярослав Мудрый, — то-есть только в особо торжественных случаях, при сношениях с иностранцами, когда нужно было подчеркнуть, что русский государь, по правам и положению, равен крупнейшим монархам — современникам.

Таким образом, едва ли тут можно усмотреть какое-то особое влияние хазар. Да и так ли велико вообще было их влияние на Руси, как утверждает мой оппонент? Тесные торговые связи и частые войны вовсе не служат основанием для подобного заключения. Русь не меньше торговала и воевала с волжскими болгарами и с половцами, однако никто не станет утверждать, что их влияние на Руси было сколько нибудь заметным.

Правда, отдельные славянские племена в до-рюриковской Руси платили хазарам дань. Но князь Олег, овладевший Киевом в 882-м году, никакой дани им уже не платил и даже запретил платить ее соседним племенам. В летописи Нестора мы находим под 884-м годом следующее: "поиде Олег на северян и победи их, и возложи на них дань легку, и не дал им хозарам дани платити, и рече им: я враг им и вам платити им не к чему". И далее, под следующим годом: "посла Олег к радимичам и рече им: не дайте хозарам дани, но дайте мне. И дали Олегу по щелягу, яко же и хозарам давали".

Отсюда ясно, что даже эти слабые племена перестали быть данниками хазар еще за восемьдесят лет до того, как Хазарию разгромил Святослав.

Я привожу здесь все эти данные, чтобы отвести от себя упрек в том, что в своей статье я ничего не сказал о "хазарской эпохе в истории Киева" По-моему о такой эпохе вообще нельзя говорить, ибо ее не было. Киев никогда под непосредственной властью или под

прямым воздействием хазар не находился, влияние их на развитие русской культуры было ничтожно. И если было время, когда поляне платили хазарам дань, то ведь и Византии случалось платить дань печенегам, откупаясь от их набегов. Но можно ли на основании этого говорить о "печенежской эпохе" в истории Византии?

О РУССКОМ МИРОЛЮБИИ.

В русской литературе и публицистике, особенно в современной, очень много и очень убедительно пишется о врожденном миролюбии русского народа. Себя мы в этом, кажется, вполне убедили. Однако, иностранцы держатся на этот счет совершенно иного мнения: они утверждают, что отнюдь не свидетельствует о миролюбии тот факт, что русские, на протяжении своей истории покорили себе десятки других народов и утвердили свою власть на шестой части земной поверхности.

Кто же прав? — Пожалуй, каждая сторона права по-своему: стремление к тихой и мирной жизни очень часто порождает необходимость вооруженной силой обеспечить себе возможность таковой. А когда это приходится делать постоянно, у самого миролюбивого по своей природе народа вырабатывается, если не воинственность, то нечто весьма на нее похожее: боевой навык, искусство воевать и высокие воинские качества.

Русский народ был историей поставлен именно в такое положение. Его плодородные земли и тучные пастбища испокон веков были вожделенными для всех соседей и пришельцев. Готы, гунны, авары, торки, печенеги, хазары, половцы, татары, скандинавы, венгры, турки, литовцы, поляки и наконец немцы со своим упорным "дрангом", — кто только не посягал на Русь! И если бы наши предки при таких обстоятельствах особенно усердствовали в проявлении миролюбия, — от них давно бы и памяти не осталось.

Правда, русский народ в до-имперский период вел очень мало агрессивных войн, с целью поживиться чужим добром или чужой территорией. Отбивали нападения, прогоняли врагов и возвращались в свои пределы. Расширились во много раз за счет Сибири, но фактически она была пустым пространством и ее заняли почти без кровопролития, — ее не завоевывали, а осваивали.

Да и Петр Первый, собственно, только отбирал свое, прежде утерянное. После него, действительно, немного увлеклись и изрядно округлили свои владения, — главным образом за счет Азии. Но, во-первых, покоренные там народы на этом никак не пострадали, — под властью турок и местных деспотов они жили много хуже. А во-вторых, на русских на протяжении их истории столько нападали, что война стала для них слишком привычным делом, а победу обеспечивали те воинские качества, которые по милости беспокойных соседей рускому народу пришлось вырабатывать и воспитывать в себе с самой колыбели своей истории.

Сто̀ит обратить внимание на следу̀ющее: наши предки скифы, как известно, поклонялись воткнутому в землю мечу. У всех родственных нам славянских племен, в особенности у бодричей и ругов, ближе всего к нам стоявших, превыше всего почитался бог войны Световит — золотой идол, с поднятым мечом в руке. В языческой Руси главный бог Сварог особой популярностью не пользовался, а почитался Перун — бог войны и грозы. Государственной эмблемой дохристианской Руси был трезубец, — предмет вооружения. С принятием христианства, когда надо было установить новые эмблемы и символы, из всего сонма ангелов и святых православной церкви для этого были избраны два воителя: архангел Михаил, — глава небесного воинства, который изображается с мечом в руке (что вероятно напоминало нашим предкам Световита), и Георгий Победоносец — всадник вооруженный копьем; первый из них становится патроном и покровителем Киевского и Черниговского великих княжеств, а второй — Суз-

дальского и Московского. Их изображения фигурируют на всех древне-русских стягах, гербах и печатях. Из прочих святых особо чтимым становится пророк Илья, которому приписали некоторые функции Перуна. А несколько позже — Николай угодник, по преданию, побивший Ария.

Всё это довольно показательно. И эти факты, как будто, обязывают нас пересмотреть и несколько уточнить постулат о русском миролюбии, — что я и попытался сделать в настоящей статье.

О КОЛОНИАЛИЗМЕ И О НЕЗАВИСИМОСТИ

Ныне мы являемся свидетелями стихийного освобождения всех колониальных и зависимых стран и народов. Чуть ли не каждый месяц на карте мира появляются новые государства, названия которых в большинстве случаев ничего не говорят даже весьма образованным людям и вызывают не меньшее недоумение, чем пресловутый "Идель-Урал" Один за другим, получают самостоятельность даже такие народы, которые независимыми никогда не были и не мечтали быть, пока их не надоумили извне. И совершенно очевидно, что таким народам эта самостоятельность впрок не пойдет, а лишь ухудшит условия их жизни, ибо по своему культурному развитию и экономическому положению, они способны быть только пешками в чужой политической игре и не могут рассчитывать ни на что, кроме какой-то новой формы внешнего закабаления, не исключающего, однако, возможности внутренней деспотии какого-нибудь полудикого "президента" или "маршала", начинающего свою государственную деятельность с приобретения золотых кроватей для себя и своей супруги.

С легкой руки всевозможных болельщиков о чужих печалях, широко распространилось мнение, что цветные народы жестоко страдали под владычеством колониальных держав, которые только и делали, что грабили их и угнетали. Разумеется это отчасти верно. Но взвешивая тяжесть этого грабежа и угнетения, на другую чашу весов следует положить то, что творилось в этих "порабощенных" странах в период их до-колониального существования. А в некоторых случаях можно на ту же чашу подбросить и первые "достижения"

таких стран на пути развития их свободной жизни, — например, племенные войны, разрушение школ и иных остатков колониальной цивилизации, повальная резня, возвращение к людоедству и т. п.

Колонизаторы, конечно, эксплуатировали такие страны и выкачивали их природные богатства, но они что-то давали и взамен. Рядовому населению жилось отнюдь не легче, когда этой внешней эксплуатации не было, а природные богатства лежали без всякой пользы. Вспомним хотя бы Индию, с ее трехсотмиллионным населением, где испокон веков царил полный произвол браманов и местных деспотов, набивавших свои сундуки и подвалы несметными сокровищами, тогда как большая часть народа, в силу кастового разделения, была обречена на жизнь бесправных и гонимых животных; где открыто существовали и поощрялись изуверские секты, вроде "душителей", были узаконены женитьбы на четырехлетних девочках и широко практиковались десятки варварских обычаев, до человеческих жертвоприношений включительно.

Или африканское государство зулусов, где всего полтораста лет тому назад знаменитый король Чака в "воспитательных" целях заставлял отцов собственноручно убивать своих детей и сам подавал в этом пример; где ради развлечения короля целые полки поголовно истребляли друг друга, а по наговору колдунов сметались с лица земли мирные селения и тысячи ни в чем неповинных людей предавались мучительной смерти.

Спрашивается, — таким ли уж великим злом для населения этих стран явилось владычество колониальных держав? И так ли уж сильно негодовали, например, индусские женщины на англичан, ограбивших сокровищницы раджей, но искоренивших в Индии сжигание вдов? Да что говорить об этом, сравнительно далеком прошлом: уже теперь, в наше время, мне довелось слышать от чистокровных абиссинцев, что в период итальянской оккупации, они впервые познали право, порядок и какую-то заботу о человеке. А ведь Абисси-

ния времён Хайле-Селасие была не такой уже дикой страной.

Почему же, несмотря на то, что владычество англичан и французов несомненно улучшило положение народной толщи зависимых от них стран, их колониальные империи развалились на наших глазах, как карточные домики? И почему среди десятков народов, подвластных России, — которую все обвиняли в отсталости и варварстве, — никогда не наблюдалось какого-либо серьезного стремления к независимости (конечно, нынешние сепаратизмы, взлелеянные заграницей и не имеющие корней на родине, не в счет)?

То что происходило у нас, в "тюрьме народов", не имело прецедентов в мировой истории и служило предметом удивления и зависти колониальных держав. Возьмем лишь некоторые примеры: в 13 веке русские проникают в уральские земли и, по словам либеральных историков, беспощадно грабят туземцев, а в 14-м веке пермяки добровольно посылают отряд в помощь Дмитрию Донскому, на Куликово поле; при Иване Грозном небольшой отряд Ермака "покорил" Сибирь, а при Борисе Годунове этот необъятный край был уже полностью замирен, сыновья и внуки царя Кучума, получив княжеские титулы и поместья, верно служили Руси, а самый яростный враг Ермака и Москвы — татарский князь Карачи степенно заседал в боярской думе. Более десяти татарских мурз и восемнадцать остяцких, вогульских, пермских и якутских племенных вождей были утверждены в княжеском достоинстве и стали верными слугами московского царя. Несмотря на ничтожные силы русских в Сибири, ни о каких восстаниях и попытках освобождения там и помину не было. Далее: в течение половины девятнадцатого века шли кровавые войны за покорение Кавказа; чуть не на нашей памяти были покорены народы Средней Азии. И вот, при первом же тяжелом испытании, когда, казалось бы, ненависть к завоевателям должна была еще сохранять всю свою остроту, — эти народы, вместо того, чтобы воспользоваться удобным случаем (первая

мировая война) для попытки освобождения, грудью встают за свою "поработительницу"!

Причина этих, столь странных на первый взгляд явлений, очень проста: Россия, — даже прибегая к силе оружия, — шла путем объединения, а не покорения народов. Англичане и французы, несмотря на всё положительное, что они сделали для колониальных народов, в смысле цивилизации, — прежде всего глубоко презирали эти народы и не снисходили до братского обращения с ними, всегда оставаясь лишь расой господ и администраторов. Могло ли англичанам прийти в голову дать титул лордов черным царькам Родезии или допустить индусских раджей в свой парламент? Россия же принимала покоренные народы в свою семью и очень скоро становилась для них матерью. Может быть, не всегда идеальной: ведь семья-то была какая, — почти двести детей — народов! Во-время углядеть и исправить все неполадки и недохваты было просто невозможно. Но по мере сил и возможностей — давалось каждому и ничто не чувствовал себя обиженным. На всех необъятных пространствах многонародной империи шла, — и довольно быстро, — огромная, созидательная и просветительная работа. Вспомним, например, во что превратился за пятьдесят лет русского владычества полудикий дотоле Кавказ, никогда не знавший мирной и спокойной жизни.

Вероятно некоторые скажут, что мои утверждения голословны, а потому, выбрав наудачу один из множества возможных примеров, ниже иллюстрирую его вполне точными статистическими данными, почерпнутыми из энциклопедии Брокгауза и Ефрона:

15-го июня 1865 года, небольшой отряд русских войск, под командованием генерала Черняева, взял приступом город Ташкент. Он в это время представлял собой типичное среднеазиатское захолустье, с лабиринтом узких, кривых и утопающих в грязи улиц; не было освещения, не было никаких санитарных устройств; не было даже кладбища и покойников хоронили где попало; вся культурная жизнь ограничивалась сущест-

ванием нескольких низших духовных школ при мечетях.

К 1890-му году, за двадцать пять лет русского владычества, рядом со старым, азиатским городом вырос новый, европейский, с широкими шассированными улицами и хорошим освещением; значительно была благоустроена и старая часть города. Были открыты мужская и женская гимназии, учительская семинария, реальное и коммерческое училища, две прогимназии, ремесленное училище, четыре городских училища, четыре смешанных русско-туземных училища и готовился к открытию кадетский корпус. Было выстроено семь церквей и две мечети и основан женский монастырь.

Издавались три газеты, причем одна из них на тюркском языке; существовали и деятельно работали отделы Императорского географического общества, Императорского технического общества, Общества поощрения сельского хозяйства, Археологическая секция и общества благотворительное, музыкальное и скаковое. Была выстроена и прекрасно оборудована астрономическая обсерватория, открыты городской музей и публичная библиотека, летний и зимний театры, больница, санатория, военное и общественное собрания и два городских сада. Существовали четыре крупных банка и отделения множества торговых и транспортных фирм; фабрично-заводская промышленность увеличилась во много раз и годовой торговый оборот Ташкента в 1890-м году достиг сорока миллионов рублей.

Может быть, для превращения Ташкента во вполне современный, образцовый город этого было недостаточно и какой-нибудь недобросовестный хулитель России, умалчивая о всем сделанном, закричит: "помилуйте, в городе за четверть века даже не удосужились провести канализацию!“ Но мог ли Ташкент, — один из самых молодых сыновей, — требовать от своей многодетной Матери больше того, что она ему за такой короткий срок дала, и обвинить ее в пренебрежении?

Думаю, что нет. И это лучше всего подтверждается тем, что никакой сепаратизм туркестанцам и на ум не шел.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Написано:	Следует читать:
36	15 сверху	Владимир Св. † 1054	Владимир Св. † 1015.
84	12	окраниы	окраины
132	16	гребницы	гробницы
140	22	сбычное	обычное
145	5 снизу	ежесточение	ожесточение
157	2	Милославского	Мстиславского
159	2	не историчсеки	но исторически

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

"РУСЬ И ОРДА"

Историческая эпопея в пяти книгах:

"ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА", изд. 1958 г.

Исторический роман из жизни русских удельных княжеств первой половины XIV столетия. — Распродан.

"КАРАЧ МУРЗА" (Тверь против Москвы), изд. 1962 г.
Исторический роман из эпохи борьбы князя Дмитрия Донского за объединение Руси. — Распродан.

"БОГАТЫРИ ПРОСНУЛИСЬ", изд. 1963 г.

Исторический роман из эпохи борьбы князя Дмитрия Донского с татарами. — В распоряжении автора имеется весьма ограниченное число экземпл.

"ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ", изд. 1966 г.

Исторический роман из эпохи завоеваний Тимура.

"ВОЗВРАЩЕНИЕ", изд. 1967 г.

Исторический роман из эпохи борьбы Польско-Литовского государства с Тевтонским Орденом.



"ПАРАГВАЙСКАЯ НАДЕЖДА". Печаталась в газете "Русский в Аргентине" в 1937—1938 гг.
Эпопея поселения русских колонистов нашего времени в Парагвае.

"РОССИЯ В УРУГВАЕ" Печаталась в той же газете в 1940 г. Очерк по истории русских сектантов-колонистов в Уругвае.

"НА РУДНИКАХ БОЛИВИИ" Печаталось в той же газете в 1939 г. Бытовые очерки.

**
*

В настоящее время автор работает над историческим романом эпохи царствования Бориса Годунова и покорения Сибири.

